

•No.1 *NEW YORK TIMES* BESTSELLER•

ДЖОН ДЖЕЙКС

СЕВЕР И ЮГ

Джейкс умело создает героев, за которых вы будете переживать, и искусно вплетает их жизни в историю их времени.

Charlotte Observer

Джон Джейкс
Север и Юг. Великая
сага. Книга 1
Серия «The Big Book»
Серия «Север и Юг», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35497295

Север и Юг. Великая сага. Книга 1: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2018
ISBN 978-5-389-15286-1

Аннотация

Соединенные Штаты Америки. 1840-е годы. На этом фоне разворачивается увлекательная история двух семей: Мэйнов с Юга и Хазардов с Севера. Любовь, ненависть, ревность, фанатизм, патриотизм, семейные драмы и личные победы...

Орри Мэйн из Южной Каролины и Джордж Хазард из Пенсильвании подружились во время учебы в Вест-Пойнте. Но сможет ли дружба людей из столь разных частей страны, дух товарищества, рожденный в общих тяготах, преодолеть те безумные страсти, которые уже готовы развязать Гражданскую войну?

Как и ставший классикой роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», сага Джейкса о войне между Севером и

Югом имела грандиозный успех и до сих пор числится в списке мировых бестселлеров.

В 1985 году Эй-би-си сняла по трилогии сериал, который имел огромный успех и до сих пор остается очень популярным. Главные роли исполнили Патрик Суэйзи («Грязные танцы», «Дом у дороги») и Джеймс Рид («Блондинка в законе», «Звездный путь: Вояджер», «Коломбо»). В сериале также снимались такие звезды, как Кирсти Элли, Дэвид Кэррадайн, Джин Келли, Роберт Митчем, Джин Симмонс, Оливия де Хэвилэнд, Джеймс Стюарт и Элизабет Тэйлор.

Впервые на русском языке!

Содержание

Пролог	6
1686 год. Мальчик-углежог	6
1687 год. Аристократ	28
Часть первая	55
Глава 1	55
Глава 2	70
Глава 3	97
Глава 4	128
Глава 5	154
Глава 6	172
Глава 7	214
Глава 8	232
Глава 9	249
Глава 10	292
Глава 11	314
Конец ознакомительного фрагмента.	347

Джон Джейкс

Север и Юг. Великая сага. Книга 1

*Посвящается памяти Джонатана Дэниелса —
островитянина, южанина, американца, друга*

*Ты удалил от меня друга и искреннего; знакомых
моих не видно.*

Псалом 87

John Jakes

NORTH AND SOUTH

Copyright © John Jakes, 1982

All rights reserved

© Т. Голубева, перевод, 2018

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

Пролог

Две судьбы

1686 год. Мальчик-углежог

– Парень должен взять мою фамилию, – заявил Уиндом после ужина. – Сколько уже времени прошло!

Эту болезную для него тему он обычно затрагивал, когда как следует выпивал. Мать мальчика, которая сидела возле небольшого очага, закрыла Библию, лежавшую у нее на коленях.

Бесс Уиндом погружалась в чтение каждый вечер. Наблюдая за беззвучным движением ее губ, мальчик видел, что продвинулась она не слишком далеко. Когда Уиндом заговорил, она как раз наслаждалась своим любимым стихом из пятой главы Евангелия от Матфея: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное».

Мальчик, двенадцатилетний Джозеф Моффат, сидел, прислонившись спиной к печной трубе, и остругивал маленькую игрушечную лодочку. От своей матери он унаследовал плотную фигуру, широкие плечи, а также каштановые волосы и бледно-голубые глаза, такие светлые, что порой они казались бесцветными.

Уиндом мрачно взглянул на пасынка. По тростниковой крыше стучал весенний дождь. Под глазами Уиндома залегли темные круги от угольной пыли. И такая же черная пыль навсегда застряла под его обломанными ногтями. В свои сорок лет он был законченным неудачником, неуклюжим и туповатым. Когда он не напивался до беспамятства, то рубил дрова и потом две недели пережигал их в огромных двадцатифутовых кучах, превращая в древесный уголь для небольших плавильных печей побережья. Это была грязная, унижительная работа, и все матери в округе пугали чумазым угольщиком своих непослушных детей.

Джозеф не отвечал и только исподлобья смотрел на отца. Уиндом заметил, как мальчик постукивает указательным пальцем по рукоятке ножа. Характер у пасынка был вспыльчивый, иногда Уиндом его даже побаивался. Но не сейчас. На этот раз молчание Джозефа, которым он обычно выражал свой протест, лишь еще больше разозлило Уиндома.

– Мне и своя фамилия нравится, – наконец произнес Джозеф и снова занялся лодочкой.

– Ах ты, дерзкий щенок! – визгливо закричал Уиндом и рванулся к пасынку, с грохотом уронив табурет.

Бесс бросилась к мужу:

– Оставь его, Тад! Ни один истинный ученик Спасителя нашего не причинит вреда ребенку!

– Да, такому зверенышу поди попробуй вред причини. Ты только посмотри на него!

Джозеф уже стоял на ногах, прижавшись спиной к трубе очага. Он тяжело дышал и не мигая смотрел на отчима, крепко сжимая нож в согнутой руке, готовый в любую секунду нанести удар.

Уиндом разжал кулак, неловко попятился и поднял упавший табурет. Как бывало всегда, свой страх перед пасынком и душившую его обиду он вымещал на жене. И Джозеф, вернувшись на свое место возле печи, с ненавистью подумал о том, как долго он еще сможет это терпеть.

– Я сыт по горло твоими проповедями! – заявил Уиндом жене. – Ты только и твердишь, что твой благословенный Спаситель любит бедняков. Твой первый муженек, видать, был недоумок, раз умер за эту брехню! Вот если твой любимый Христос здесь появится и соизволит ручки испачкать, чтобы помочь мне уголь жечь, тогда я в Него поверю. А так – ни за что. – И он потянулся к зеленой бутылке с джином.

Той же ночью, лежа на своем тюфяке у стены, Джозеф напряженно прислушивался, как за потрепанной занавеской Уиндом оскорбляет его мать, не забывая подтверждать слова тумаками. Бесс тихонько всхлипывала, и мальчик до боли стискивал кулаки. Но вскоре она начала издавать другие звуки, и, слыша ее стоны и сдавленные крики, мальчик с горечью думал, что ссора закончилась тем же, чем обычно.

Он не винил свою несчастную мать за то, что ей хотелось немного покоя, защиты и ласки. Просто она выбрала не того мужчину, вот и все. И еще долго после того, как невидимая

кровать перестала скрипеть, Джозеф лежал без сна, думая о том, как убить углежога.

Ни фамилии отчима, ни его убогой жизни он для себя не хотел. И своей непокорностью словно желал доказать, что достоин совсем иной судьбы. Особенно с тех пор, как два года назад Уиндом отдал его в ученики в плавильню Эндрю Арчера, фабриканта железных изделий.

И все-таки иногда, в самые унылые дни, его охватывало отчаяние, и тогда он говорил себе, что все его мечты о лучшей доле глупы и несбыточны. На что может надеяться такое ничтожество, как он? Ведь грязью покрыто не только его тело, но и душа. Угольная пыль, которую Уиндом приносил домой, навсегда въелась даже в его одежду. А преступление, за которое умер в Шотландии его отец, запятнало его позором, хотя он и не понимал, в чем оно состояло.

«Блаженны гонимые...» – неудивительно, что матери так нравились именно эти строки.

Отец Джозефа, неулыбчивый длинноусый фермер, которого мальчик помнил очень смутно, был ярым сторонником Ковенанта. Он истек кровью после долгих пыток тисками для рук и ног еще в то время, которое Бесс называла ужаснейшим из времен. Это были первые месяцы правления герцога Йоркского, позже взошедшего на трон под именем Якова II. Герцог поклялся искоренить пресвитерианство и установить епископскую власть в стране, давно уже раздираемой политическими и религиозными распрями.

Друзья поспешили на ферму Роберта Моффата, чтобы сообщить жене о жестокой смерти ее мужа и предупредить о грозящей ей опасности. Долго не раздумывая, Бесс решила бежать вместе со своим единственным сыном, и вовремя — уже через час после их бегства прибыли солдаты герцога и сожгли ферму дотла. После нескольких месяцев скитаний мать и сын добрались до холмов на юге графства Шропшир. И здесь, слишком устав от всего пережитого, Бесс решила остановиться.

Лесистый край к юго-западу от извилистой реки Северн казался вполне безопасным захолустьем. На последние деньги, что удалось принести из Шотландии, Бесс сняла небольшой домик. Чтобы прокормиться, она бралась за любую черную работу, а через пару лет встретила Уиндома и вышла за него замуж. Она даже притворилась, что приняла официальную веру, потому что, хотя Роберт Моффат и заразил жену религиозной лихорадкой, он не вселил в нее достаточно храбрости для того, чтобы и после его смерти сопротивляться властям. Ее истинная вера стала для нее опорой перед лицом невзгод.

А вот ее сын уже скоро решил, что не будет иметь ничего общего с ее бесполезной верой для слабаков. Теперь он хорошо знал, на кого хочет быть похожим. Его кумиром стал Арчер, умный, решительный и независимый человек, владелец плавильни и кузницы, хозяин большого красивого дома на берегу реки.

Разве старина Джайлс не говорил Джозефу, что у него есть сила воли и что он добьется успеха? Разве не повторял он это все чаще в последнее время?

Раньше Джозеф очень верил Джайлсу. Верил до тех пор, пока не посмотрел на угольную пыль под своими ногтями, слушая насмешки других подмастерьев:

– Грязный Джо, черный, как африканец!

И тогда он понял, что все его мечты не стоят ломаного гроша, и смеялся над собственной глупостью, пока его бледно-голубые глаза не наполнились постыдными слезами, которые он не мог сдержать.

* * *

Старый бобыль Джайлс Хазард был одним из трех самых главных людей в плавильной мануфактуре Арчера. Он отвечал за кричный горн, где чугунные болванки из печи плавилась заново, чтобы удалить из них избыток углерода и другие примеси, делающие чугун слишком хрупким дляковки подков, колесных ободов и наконечников для плуга. Хазард обладал грубым зычным голосом и гонял мастеров и подмастерьев и в хвост и в гриву. Всю свою жизнь он жил в десяти минутах ходьбы от кузницы и работал в ней с девяти лет.

Невысокий и плотный, Джайлс был невероятно прыток, несмотря на солидный вес. Внешне они с Джозефом были чем-то похожи, быть может, поэтому он относился к маль-

чику почти как к сыну.

А может, еще и потому, что Джозеф оказался очень способным учеником. Под присмотр Джайлса он поступил прошлым летом, через год работы у Арчера. Как-то раз Хазард обсуждал подмастерьев с человеком, ответственным за плавильню. И тот похвастался тем, как проворно Джозеф управляется с формовочным желобом, по которому расплавленный металл стекает дальше к маленьким желобкам, напоминающим поросят, присосавшихся к свиноматке. Из-за этого готовые отливки с давних пор стали называть чушками.

Пользуясь своим привилегированным положением на мануфактуре, Джайлс пристроил мальчика к горну, поручив ему управляться с длинной железной заслонкой, которая регулировала движение трех из четырех заготовок за один раз, чтобы нагреваемый уголь мог расплавлять их одинаково равномерно. Джозеф все схватывал на лету и уже скоро заслужил похвалу своего наставника.

– У тебя крепкая рука и природное чутье к этому ремеслу, Джозеф, – говорил ему Джайлс. – Да и характер покладистый, вот разве что злишься, когда тебя дразнят из-за отчима, это я заметил. Ты бери пример с хозяина. Да, нрав у него суровый. Но он отлично знает, что иной раз лучше его не показывать. С покупателями он всегда мил и приветлив, и даже когда они упорствуют, никогда не настаивает.

В душе Джайлс, конечно, не надеялся, что мальчик прислушается к его словам. Характер Джозефа уже сформиро-

вался, да и его будущее виделось очень ясно: среда, в которой он рос, и безграмотные родители, без сомнения, обрекли его на беспросветную жизнь. Если, конечно, эти неожиданные взрывы ярости не приведут его раньше к смерти в какой-нибудь уличной драке.

Но все же, может, потому, что с годами старый Хазард начал понимать, что напрасно не завел семьи, он продолжал опекать Джозефа. И учил его не только профессиональным навыкам.

– Железо правит миром, мой мальчик. Именно оно пашет землю, соединяет континенты и... выигрывает войны.

На мануфактуре Арчера действительно отливали пушечные ядра для военного флота.

Джайлс поднял к небу круглое, как сыр, лицо:

– Одному Богу известно, как железо появилось в нашем мире. Метеоритное железо известно еще с глубокой древности.

– А что такое метеорит, мастер Хазард? – тут же спросил мальчик.

По лицу Джайлса расплылась улыбка.

– Падающая звезда. Ты наверняка их не раз видел.

В ответ Джозеф задумчиво кивнул. Хазард продолжил рассказывать об истории металлургического дела, делясь с мальчиком тем, что знал сам. Он говорил о нагревательных печах, существовавших в Германии с X века, о доменных печах, распространившихся во Франции в XV, о бельгийских

валлонцах, которые открыли способ второй переплавки чугуна почти шестьдесят лет назад.

– Но все это лишь краткий миг на великих часах истории железа. Святой Дунстан ковал железо еще семь столетий назад. Говорили, что горн стоял прямо у него в спальне в Гластонбери. Египетских фараонов хоронили с железными амулетами и кинжалами, потому что металл в ту пору встречался очень редко и высоко ценился. В нем сокрыта огромная сила. Я читал о кинжалах из Вавилона и Месопотамии, которые появились за многие миллениумы до рождения Христа.

– Я не слишком хорошо умею читать...

– Кто-то должен тебя научить, – проворчал Джайлс. – Или ты сам должен научиться.

– Я хотел сказать, – чуть помедлив, ответил мальчик, – что никогда не слышал этого слова... Милл... как вы сказали?

– Миллениумы. Миллениум – это тысяча лет.

– О-о... – Джозеф моргнул.

Хазард с удовольствием отметил, что мальчик прекрасно все запоминает.

– Человек многому может научиться с помощью книг, Джозеф. Не всему, конечно, но очень многому. Разумеется, если он хочет стать кем-то бóльшим, чем простой углежог.

Джозеф понял, что хотел сказать мастер. И кивнул без тени обиды на лице.

– А ты, вообще-то, грамоту знаешь? – спросил Джайлс.

– О да... – Он запнулся, посмотрел на Джайлса, потом

сконфуженно признался: — Чуть-чуть. Мать пыталась учить меня по Библии. Мне очень нравились истории о героях. О Самсоне, Давиде. Но Уиндом разозлился, узнав, что мать меня учит, и она перестала.

Джайлс немного подумал:

— Если будешь оставаться здесь на полчаса каждый вечер, я попробую.

— Уиндому может не...

— Соври, — перебил его Джайлс. — Если он спросит, почему ты задержался, соври ему. Конечно, если хочешь чего-то добиться, а не закончить свою жизнь углежогом.

— Думаете, я смогу, мастер Хазард?

— А ты сам как думаешь?

— Да.

— Значит, сможешь.

* * *

Этот разговор состоялся прошлым летом. Всю осень и зиму Джайлс учил мальчика. Учителем он был хорошим, настолько хорошим, что Джозефу очень захотелось рассказать о своих успехах матери. Как-то вечером, когда Уиндом отправился бражничать, он показал ей книгу, которую прятал дома. Это было одно весьма спорное сочинение недавно умершего Дада Дадли, незаконнорожденного сына пятого лорда Дадли. Называлась книга «Metallum Martis, или Из-

готовление железа с использованием земляного и морского угля».

Опираясь на собственный опыт, Дад Дадли утверждал, что при выплавке чугуна древесный уголь можно вполне успешно заменить на каменный, о чем Джозеф хотя и не без труда, но все-таки вполне сносно прочитал матери. Глаза Бесс вспыхнули от восхищения, но тут же погасли.

– Учение – это прекрасно, Джозеф. Но оно может привести к неумной гордыне. Главным в твоей жизни должен быть Иисус.

Джозефу не понравились слова матери, но он промолчал.

– Только две вещи важны в этой жизни, – продолжала Бесс. – Любовь к Сыну Божьему и любовь одного человека к другому. Такую любовь я испытываю к тебе, – закончила она, неожиданно обняв сына.

Он услышал, как она тихо всхлипнула, ощутил дрожь ее тела. Тяжелые времена лишили ее всех надежд, кроме надежды на рай, и всех привязанностей, кроме привязанности к сыну и к Спасителю. Джозеф жалел ее, но собирался жить по-своему.

Уиндому они ничего о занятиях не сказали. Но какая-то новая гордость, появившаяся в Бесс, начала бесить ее мужа. Как-то летним вечером, вскоре после той ссоры, когда Джозеф отказался взять фамилию отчима, мальчик, вернувшись домой, нашел мать лежащей на полу в синяках и кровавых ссадинах. Уиндома дома не было. Бесс отказалась говорить

сыну о том, что случилось, и умоляла его не трогать отчима. Джозеф пообещал, но так и не смог побороть свой гнев.

Когда с наступлением следующей осени холмы Шропшира оделись в золотые и багряные одежды, Джайлс счел успехи мальчика настолько серьезными, что решился на смелый шаг.

– Я собираюсь поговорить с хозяином и попросить его позволить тебе проводить по часу в неделю с их домашним учителем. Уверен, Арчер разрешит ему немного позаниматься с тобой математикой, а может, и латынью.

– С чего ему возиться со мной? Я ведь никто.

Старый Джайлс рассмеялся и потрепал Джозефа по голове:

– Он будет рад заполучить даром преданного и хорошо образованного служащего. Это во-первых. А во-вторых, Арчер – весьма достойный человек. Таких в мире очень мало.

Джозеф не слишком поверил своему наставнику, пока Джайлс однажды не объявил, что Арчер согласился. В тот вечер мальчик летел домой как на крыльях, позабыв о своей обычной осторожности. Над рекой и холмами висел густой туман, было холодно и зябко. Уиндом сидел дома, мрачный и пьяный. Не обращая внимания на предостерегающие взгляды матери и думая лишь о том, что нашелся еще один человек в мире, который проникся к нему добротой, Джозеф выпалил новость прямо с порога.

Уиндом на известие пасынка об учителе только покура-

жился:

– Ну и ну! И зачем, скажите на милость, нашему юному олуху понадобился учитель? – Он окинул мальчика презрительным взглядом. – Он ведь дремучий невежда. Такой же, как я.

Бесс теребила край фартука, не зная, как спасти сына от расставленной ловушки. Так ничего и не сказав, она быстро отошла к печке, от волнения споткнувшись о кочергу.

– Уже нет, – в упор глядя на отчима, твердо произнес Джозеф. – Старый Джайлс меня учит.

– Чему это?

– Читать. Чтобы стать лучше и умнее.

Уиндом фыркнул, сосредоточенно поковырял в носу мизинцем, потом вытер его о штаны и громко захохотал:

– Пустая трата времени! Чтобы научиться работать у горна, книги не нужны.

– Зато нужны, чтобы стать богатым, как мастер Арчер.

– Ах вот оно что! Значит, ты надеешься разбогатеть?

У Джозефа побелели губы.

– Будь я проклят, если останусь таким же бедным и тупым, как ты!

Уиндом взревел и двинулся к мальчику. Бесс перестала нервно помешивать рагу в котелке, подвешенном над огнем. Раскинув руки, она бросилась к мужу:

– Он ничего такого не хотел сказать, Тад! Будь милосерден, как учит нас Христос...

– Ах ты, безмозглая богомольная сука! Я разделаюсь с ним, и никто мне не помешает! – заорал Уиндом и с размаху ударил ее по голове.

Бесс пошатнулась, сильно ударилась плечом о печь и вскрикнула. То ли от боли, то ли от страха за сына ее преданность Христу отступила. Она подняла с пола упавшую кочергу и неловко замахнулась ею. Конечно, ее решимость выглядела жалко, но Уиндом предпочел увидеть в ней угрозу и развернулся к жене.

Джозеф, испуганный и взбешенный, вцепился в отчима. Уиндом с силой отшвырнул пасынка. Замерев от ужаса, Бесс вертела в руках кочергу и никак не могла ухватиться за нее крепче. Уиндом с легкостью вырвал кочергу из рук жены и на глазах Джозефа дважды ударил ее тяжелым железным прутом по виску. Бесс рухнула на пол, по щеке поползла струйка крови.

Мгновение Джозеф смотрел на мать, а потом с бешеной яростью бросился к Уиндому, чтобы отнять кочергу, но тот отшвырнул ее к дальней стене. Тогда Джозеф прыгнул к печке, схватил кипящий котелок и выплеснул его содержимое прямо в лицо отчиму. Уиндом взвыл как раненый зверь и прижал ладони к обожженным ослепшим глазам.

Джозеф и сам обжег руки, но не чувствовал боли. Не помня себя от гнева, он схватил пустой котелок и что есть мочи ударил отчима по голове. Когда Уиндом упал и его крики стали тише, Джозеф обмотал цепь котелка вокруг его шеи и

тянул до тех пор, пока металлические звенья едва не врезались в плоть. Уиндом наконец перестал брыкаться и затих.

Мальчик выскочил в туманную ночь. Сначала его вырвало. Потом вернулась боль, и он почувствовал, как горят ладони. Только теперь он осознал, что наделал. Ему хотелось упасть на землю и заплакать, хотелось убежать без оглядки. Но он заставил себя вернуться к распахнутой двери. Войдя в дом, он увидел, что спина матери едва заметно шевелится. Бесс была жива!

После многих попыток ему наконец-то удалось поднять ее на ноги. Бесс что-то бессвязно бормотала, время от времени вдруг начинала смеяться. Джозеф закутал ее в шаль и повел сквозь туман к дому Джайлса Хазарда в двух милях от них. По пути Бесс несколько раз спотыкалась и едва ли не падала, но мольбы сына заставляли ее двигаться дальше.

Джайлс с ворчанием вышел на стук, держа в руке свечу. Через минуту они уже вместе укладывали Бесс в его еще теплую низенькую постель. Осмотрев раненую, Хазард отступил назад, задумчиво потирая подбородок.

– Я сбегая за доктором, – сказал Джозеф. – Где он живет? Старый Джайлс не скрывал тревоги.

– Вряд ли доктор ей поможет, слишком сильно ей досталось.

– Нет! Она не умрет! – Мальчик не мог сдержать слез.

– Посмотри на нее. Она едва дышит. А наш цирюльник, который пользует здешних больных, неуч, и больше никто.

Помочь он ей все равно ничем не сможет, только начнет расспрашивать, как она получила такие ужасные раны.

В ответ на так и не прозвучавший вопрос наставника Джозеф лишь угрюмо буркнул, что ее ударил Уиндом.

– Нам остается лишь одно – ждать, – заключил Джайлс.

– И молиться Иисусу...

Джозеф произнес это от отчаяния. Когда Хазард поставил на огонь чайник, мальчик опустился на колени возле кровати и стал горячо молиться.

Вот только непохоже было, что его молитву слышали. Дыхание Бесс Уиндом становилось все слабее, и когда сквозь туман над рекой начал просачиваться свет звезд, жизнь покинула ее. Джайлс осторожно коснулся плеча спящего Джозефа.

– Сядь к огню, – сказал Хазард, накрыв одеялом избитое, но такое безмятежное после смерти лицо Бесс. – Она скончалась. Отправилась на поиски своего Иисуса, и тут уж ничего не исправишь. А вот что будет с тобой? Все зависит от того, поймут тебя или нет. – Джайлс глубоко вздохнул. – Ведь твой отчим мертв? – (Мальчик молча кивнул.) – Я так и подумал. Иначе ты бы не привел ее сюда. Он бы не позволил.

– Я рад, что убил его! – с ненавистью выкрикнул Джозеф.

– Уверен, он того заслуживал. Но ты теперь убийца. Арчер не захочет держать у себя в работниках убийцу, и я не могу его за это винить. И все же... – Его голос смягчился, напускная суровость растаяла. – Я не хочу, чтобы тебя повесили

или четвертовали. Но что мы можем сделать? – Он принялся расхаживать по комнате. – Они ведь будут искать Джозефа Моффата, верно? Отлично, ты станешь кем-то другим.

Приняв решение, Джайлс тут же составил бумагу, утверждавшую, что ее предъявитель, Джозеф Хазард, его племянник, едет по семейному делу. Поколебавшись мгновение, Джайлс подписался своим именем, добавив слова «дядя и опекун» и несколько затейливых росчерков внизу. Росчерки каким-то необъяснимым образом прибавили документу достоверности.

Джайлс пообещал похоронить Бесс по христианскому обычаю и настоял на том, чтобы мальчик не задерживался в его доме. Потом, дав ему два шиллинга и небольшой узелок с хлебом, велел избегать людных дорог, обнял на прощание и отправил растерянного Джозефа Моффата за дверь, в серые от тумана холмы.

* * *

На пустынной дороге в Глостершир Джозеф почему-то остановился и посмотрел на небо. Туман полностью рассеялся, в вышине сияли тысячи звезд. На востоке, над крышей сыроварни, мальчик вдруг увидел ярко-белый пылающий росчерк. Что-то стремительно несло по небосклону к земле.

Железо. Бог послал человеку железо – точно как говорил

старый Хазард. Теперь Джозеф понимал, почему литейщики так гордились своим ремеслом, ведь оно родилось на небесах и было освящено ими.

Мальчик с благоговением смотрел, как светлая полоса растаяла у горизонта. Он представил огромный кусок звездного железа, тлеющего где-то там, в образовавшемся кратере. Мир еще не создал более могущественного материала. Неудивительно, что именно с его помощью выигрывались войны и завоевывались новые земли.

С той минуты он больше не сомневался в том, чему хотел бы посвятить свою жизнь.

* * *

Джозеф направлялся в Бристоль. Его ни разу не остановили, и ему не пришлось предъявлять бумагу, так заботливо составленную Джайлсом. Это ли не доказательство того, что жизнь Тада Уиндома не стоила и ломаного гроша?

Он горевал о матери, но ничуть не сожалел о том, что убил отчима. Он сделал только то, что должен был сделать, и месть лишь стала попутчиком необходимости.

По дороге Джайлс неожиданно обнаружил, что думает о том, о чем никогда раньше не думал, – о религии. Веру своей матери в доброго, всепрощающего и, очевидно, беспомощного Христа он никогда не разделял. Но, сам того не ожидая, вдруг почувствовал интерес к Ветхому Завету. Бесс читала

ему истории о сильных, храбрых людях, которые не страшились дерзких поступков. И теперь, шагая через поля и леса к большому порту на западе Англии, он ощущал все более крепнущее родство с ними и с их Богом.

После нескольких неудачных попыток он наконец нашел торговое судно, которое вскоре должно было отплыть в Новый Свет, в ту часть мира, куда в эти дни стремились многие англичане в поисках лучшей доли. Называлось оно «Портсмутская чайка». Предложение капитана Смоллета, сурового морского волка с деревянной ногой, прозвучало вполне определенно.

— Ты подписываешь со мной договор о том, что поступаешь в мое полное распоряжение. Взамен я даю тебе возможность уехать отсюда и пропитание, пока ты на борту. Мы зайдем в Бриджтаун на Барбадосе, потом отправимся в американские колонии. Там нужны опытные работники. Если ты действительно знаешь плавильное дело так хорошо, как говоришь, я там тебя без труда пристрою.

Капитан посмотрел на Джозефа поверх кружки с элем, поднеся ее ко рту. Мальчик не только ничего не имел против жестких условий сделки, но и был в восторге. Если человек полон решимости чего-то добиться, он всегда вынужден делать трудный выбор, в этом Джозеф уже убедился. Так было и с героями Ветхого Завета Авраамом и Моисеем. И если Джозеф хотел быть на кого-то похожим, лучших примеров ему не найти.

– Ну, Хазард, что ответишь?

– Вы не сказали, как долго я буду вашим слугой.

Капитан Смоллет одобрительно ухмыльнулся:

– Ты молодец. А то некоторые, уж не знаю, на радостях или от ужаса перед своими прошлыми преступлениями, забывают об этом спросить, пока мы не выходим в открытое море. – Он уставился в кружку. – Семь лет.

Сначала Джозеф хотел крикнуть: «Нет!», но промолчал. Смоллет принял его молчание за отказ, пожал плечами и встал, бросив несколько монет на грязный стол таверны.

А Джозеф подумал, что попасть в рабство к другому человеку на целых семь лет, конечно, тяжело. Но ведь можно использовать это время с умом. Продолжать учиться, узнавать новое, как хотел Джайлс, и не только о своем будущем ремесле, но и о других сторонах жизни. Через семь лет он станет свободным человеком в новой стране, где наверняка нужны хорошие плавильщики и где никто никогда не слышал о Таде Уиндоме.

Уже в дверях таверны капитан Смоллет остановился, услышав:

– Я подпишу.

В тот вечер, когда Джозеф быстро шел по пристани к «Портсмутской чайке», зарядил дождь. На корме в окнах капитанской каюты горел свет. Он был таким ярким и манящим. Уже вскоре именно там ему предстояло поставить свою подпись на договоре.

Он улыбнулся, подумав о Смоллете. Вот шельма! О прошлом Джозефа он спросил лишь вскользь. Опасаясь, что капитан может передумать, мальчик показал ему документ, написанный Хазардом. Смоллет пробежал его глазами, хмыкнул и вернул бумагу Джозефу:

– Семейное поручение. В колониях. Кто бы мог подумать!

Их взгляды встретились. Смоллет прекрасно понимал, что мальчик в бегах, но ему было плевать на это. Джозефу он все больше и больше нравился.

Семь лет не такой уж долгий срок. Совсем даже не долгий.

С этой мыслью Джозеф остановился у лестницы, ведущей к воде. Спустившись по ней до середины, он одной рукой ухватился за скользкие деревянные перила, а другую погрузил в соленую воду – один раз, второй, третий. Потом сделал то же самое со второй рукой. Если на его ладонях и оставалась некая символическая кровь, теперь она исчезла. Он начинал новую жизнь.

В свете фонарей стоявшего рядом судна Джозеф рассмотрел свои мокрые ногти. И рассмеялся. Прежде под ногтями были темные полосы угольной пыли. Они тоже пропали.

Шагнув на трап, Джозеф присвистнул. Он был в прекрасном настроении. Предстоящие семь лет рабства не только не пугали его, он смотрел в будущее с новым чувством неожиданно обретенной свободы.

В Новом Свете все будет по-другому для Джозефа Моф... нет, Джозефа Хазарда. Бог поможет ему. Его Бог, который

теперь становился все более понятным и дружелюбным, благоволил храбрецам, не отступавшим перед трудностями.

Джозеф и его Бог стали еще ближе друг другу в последние несколько дней. Они теперь были друзьями.

1687 год. Аристократ

В конце весны следующего года за океаном, в королевской колонии Каролина, еще один человек мечтал о том, чтобы сколотить состояние.

Его стремления граничили со страстью. Ведь когда-то он уже знал, что такое богатство, власть, уверенность в будущем. Но незыблемость такой жизни оказалась лишь иллюзией, а деньги и власть смыло, как роскошный песчаный пляж близ Чарльстона под натиском штормового прилива.

Чарльзу де Мэйну было тридцать лет. В эту британскую колонию он и его красавица-жена Жанна приехали два года назад. Вообще-то, европейцы жили в Каролине всего каких-нибудь семнадцать лет, так что все две или три тысячи белых горожан были здесь, условно говоря, первопоселенцами.

Среди колонистов была и группа искателей приключений с Барбадоса. Эти люди обосновались в деревушке Чарльстон и очень быстро присвоили себе власть под покровительством лордов-собственников, английских аристократов и фаворитов короля, которые и основали эту колонию. И теперь эти самые барбадосцы уже ставили себя выше других.

Чарльз считал их непрактичными глупцами. Они мечтали о некоем сельскохозяйственном рае, где могли бы выращивать сахарный тростник, табак, хлопок или даже заниматься-

ся весьма прибыльным производством шелка. Чарльз смотрел на вещи более реалистично. Прибрежные земли Каролины были слишком сырыми для хорошего земледелия. Летом здесь царила невыносимая духота, в которой могли выжить только самые выносливые. В настоящее время благополучие в колонии, каким бы оно ни было, можно было обеспечить только из трех источников. Пушнина, которую как раз возили через факторию Чарльза. Скотоводство. И еще одно, новое для него дело, которым он занялся не так давно: доставка из глухих районов живого товара под дулом пистолета.

Индейцев для рабовладельческого рынка.

* * *

Нельзя сказать, что Чарльз де Мэйн приехал в эти края прибрежных болот и песчаных холмов, потому что ему здесь понравилось или он счел здешнюю жизнь выгодной для себя. Они с Жанной просто бежали сюда из долины Луары, где Чарльз родился четырнадцатым герцогом в своем роду.

Ему еще не исполнилось двадцати, когда он женился и начал управлять семейными виноградниками. Несколько лет супруги жили душа в душу, и беспокоило их лишь то, что Жанна никак не могла зачать. Но потом религиозная вера их предков разрушила их жизнь.

Когда Людовик XIV в 1685 году отменил Нантский эдикт, неустойчивое перемирие между французскими католиками

и протестантами закончилось. Как и все другие отчаянно гордые гугеноты, а в гордецах некоторые французы видели лишь изменников, Чарльз де Мэйн и его жена оказались под угрозой расправы, которая уже очень скоро последовала на их родине. Когда начался террор, любые попытки покинуть страну стали считаться серьезным преступлением. И все же, как и сотни других гугенотов, де Мэйны втайне строили планы бегства.

В деревне рядом с величественным родовым замком де Мэйнов жил некий законник по фамилии Эмильон, который прекрасно умел скрывать за благочестивой внешностью свою алчность и лживость. Он отлично знал, какую выгоду можно извлечь от продажи в Англии великолепных красных и белых вин, что производились на винодельнях де Мэйнов, и очень хотел заполучить их, поэтому и нанял одного конюха, чтобы тот докладывал ему о каждом шаге его хозяев.

Чутье подсказывало Эмильону, что де Мэйны могут попытаться сбежать, и действительно, вскоре конюх донес ему, что заметил некоторые приготовления. От Эмильона только и требовалось, что шепнуть словечко в нужном месте. В ту ночь, когда де Мэйны бежали, их экипаж был всего в полукилометре от замка, когда за ними пустились в погоню солдаты.

Чарльз обнял испуганную жену и шептал ей нежные слова, чтобы отвлечь от мрачных мыслей, ведь все знали, что арестованных еретиков-протестантов подвергали пыт-

кам, чтобы вынудить их отказаться от своей веры. Одного их соседа, тоже гугенота, поймали, когда он уже направлялся к побережью, и он умер под пытками.

Молодого аристократа и его жену продержали в тюрьме семнадцать дней. Их допрашивали с помощью ножей и раскаленного железа. Мучителям так ничего и не удалось добиться, вот только несчастная Жанна все время кричала и плакала.

Они бы так и сгнули в подземелье Шалона, если бы не дядя Чарльза, живший в Париже. Будучи прирожденным политиком, свою веру он мог менять с той же легкостью, с какой менял атласные камзолы. Он знал нескольких влиятельных людей, чьи католические убеждения не распространялись на их кошельки. Дядя не поскупился на взятки, и в результате одна из дверей темницы оказалась незапертой. Чарльз и Жанна де Мэйн бежали из Нанта в трюме утлого рыбацкого суденышка, которое едва не затонуло в бурных водах Ла-Манша.

В Лондоне другие беженцы-гугеноты посоветовали им отправиться в Каролину. Эта колония славилась своей религиозной терпимостью, что делало ее чем-то вроде рая для людей их веры. Несколько месяцев спустя, измученный жарой и надменностью, с которой его встретили за океаном, молодой аристократ уже начал задумываться, стоило ли это путешествие, да и сама жизнь, таких усилий. Чарльстон вовсе не обязательно должен стать счастливым местом для всех, кто

носит имя Чарльз. Во всяком случае, тогда он думал именно так.

* * *

Он упростил свою фамилию до просто Мэйн, показывая тем самым, что начинает все сначала в новых краях. Мало-помалу его пессимизм стал развеиваться. В Каролине он был свободен от многих правил, которые раньше диктовал ему его титул. И в этом Мэйн видел большое преимущество.

Он пережил пытки – об этом свидетельствовали шрамы на его груди и ногах – и бедность тоже намеревался пережить. Завистливый и жадный законник украл его земли и его имение – что ж, у него будет другая земля и новый прекрасный дом. Или у его потомков. Вот только если Жанна все-таки подарит ему наследника.

Бедняжка Жанна... Ее чудесные серые глаза остались такими же ясными, как прежде. Но узкая седая прядь, белевшая в ее золотистых волосах, напоминала о тех страданиях, которые она перенесла в тюрьме. Не изменилась и ее нежная девичья улыбка, и милая привычка мурлыкать и смеяться в ответ на любой серьезный вопрос. Иногда она узнавала мужа, но думала, что они по-прежнему живут во Франции. Ее разум не так успешно справился с испытаниями, как ее тело.

Потеря рассудка не остудила ее страсть. Но она по-прежнему не могла понести. Это мучило Чарльза, он понимал, что

уже не молод, а наследника все нет. В тридцать лет мужчина начинает стареть, а в сорок ему уже могут сказать, что он прожил долгую жизнь.

Усилия по организации собственной маленькой фактории возле переправы на реке Купер близ Чарльстона изменили Чарльза и внешне. Он уже не был похож на аристократа. Конечно, он был все так же высок и слегка сутуловат из-за большого роста, но нищета, тяжелая работа, изнуряющая бессонница и постоянное напряжение не могли не отразиться на его облике.

Его улыбка, когда-то открытая и беспечная, теперь, в те редкие моменты, когда она появлялась, казалась неискренней и даже жестокой. Глядя на этого человека, никто ныне не смог бы угадать в нем потомка древнего аристократического рода. Ездил он на тщедушной маленькой лошаденке, которая с трудом выдерживала его вес. Можно сказать, он превратился в безжалостную пародию на себя прежнего.

Он даже едва ли был похож теперь на белого человека. Карие глаза, длинные, почти до середины спины, темные волосы, перехваченные красным кожаным шнурком. Такая же смуглая кожа, как и у любого из тех восьми закованных в цепи полуодетых людей, что плелись за ним. Несмотря на очень жаркое весеннее утро, Чарльз был одет в длинные штаны из оленьей шкуры и безрукавку из старой потрескавшейся кожи. Из-под вышитого бисером ремня торчали рукоятки двух заряженных пистолетов и двух ножей. Мушкет он держал в

руке. Любой работоторговец знал, что должен быть осторожен и уметь хорошо стрелять.

Это была его четвертая экспедиция в деревни индейцев чероки у подножия гор. Если бы время от времени он не продавал нескольких индейцев, его торговое предприятие давно потерпело бы крах. Маленькая фактория у реки просто не могла принести достаточного дохода, хотя перекупщики из Чарльстона и покупали все меха, которые Чарльзу удавалось получить у тех же племен, на которые он совершал набеги в других случаях.

Всем семерым мужчинам и женщине, тащившимся за ним в цепях, было чуть больше двадцати. Это были красивые смуглокожие люди со стройными телами и самыми прекрасными черными волосами, какие он только видел. Особенно привлекла его внимание девушка. У нее была чудесная грудь. Несколько раз он ловил на себе пристальный взгляд ее огромных глаз. Наверняка за этими взглядами таилось желание перерезать ему горло, думал он.

Чарльз ехал спиной к пленникам, он мог себе это позволить, потому что у него был помощник, также основательно вооруженный, который замыкал их небольшую колонну. Помощником этим был здоровяк-метис, по-видимому потомок какого-нибудь испанца, забредшего сюда из Флориды. Он был из племени индейцев ямасы, пришел к Чарльзу почти год назад, уже немного говоря по-французски, и заявил, что хочет только одного: воевать с вражескими племенами.

Работать на Чарльза ему явно нравилось. Возможно, потому, что по Каролине было разбросано около тридцати разных племен и почти все они охотились друг на друга, а следовательно, для полукровки, величавшего себя Королем Себастьяном, страсть и призвание так удачно совпали.

У Короля Себастьяна была злодейская физиономия, и ему, как многим другим индейцам, нравилось носить одежду белых людей. Сегодня он натянул на себя грязные бриджи, скроенные из когда-то розового шелка, вышитый мундир бутылочно-зеленого цвета, распахнутый на блестящей от пота могучей груди, и огромный заношенный тюрбан, украшенный дешевыми стекляшками.

Работу свою он делал с удовольствием. Даже чаще, чем это было нужно, он подгонял свою лошадь поближе к пленникам и тыкал то одного, то другого мушкетом в спину. В ответ на гневные взгляды он только хихикал и приговаривал:

– Осторожней, братишка, не то я воспользуюсь этой огненной палкой и будешь ты уже не мужчина.

– Ты тоже поосторожнее, – сказал ему Чарльз по-французски, останавливая свою лошадь и пропуская чероки вперед. Он заметил, что в этот раз взгляды индейцев особенно яростные. – Я бы предпочел доставить их до прилавка целыми и невредимыми, так что будь добр обойтись без стрельбы.

Король Себастьян обиделся на замечание. И выплеснул свой гнев на пленных, принявшись хлестать самых медлительных плеткой, которую всегда держал за поясом. Чарльз

скрепя сердце сделал вид, что ничего не заметил.

Прилавком здесь называли помещение для аукциона. Сейчас речь шла о тайном аукционе, проходящем в окрестностях Чарльстона. Продавать индейцев в рабство в колонии запретили уже несколько лет назад, но никто не захотел отказываться от такого прибыльного дела.

Привлекательным его делал еще и относительно небольшой риск. К примеру, нынешние пленники Чарльза были взяты на мушку на дынном огороде в сумерки. Чероки были и воинами, и крестьянами. И когда их удавалось застать на полях горных склонов, заковать их можно было довольно легко. Хотя, конечно, опасность оставалась всегда.

Очень мало индейцев умирало по пути к побережью, а вот черные рабы, которых везли из Африки через Бриджтаун, в огромном количестве умирали во время долгого морского путешествия. Более того, невозможно было заняться этой торговлей, не имея собственных кораблей или хотя бы некоего начального капитала. А у Чарльза только и было что его маленькая фактория, лошадь и оружие.

Жара нарастала. Тучи крошечных насекомых терзали путников, когда они шли через песчаные холмы. Зной и темная полоса леса на дальнем горизонте сказали Чарльзу, что они приближаются к прибрежной равнине. Еще одна ночь и половина дня, и они доберутся до фактории, где он каждый раз с опаской оставлял Жанну совсем одну, когда отправлялся в экспедиции.

Во время таких вылазок он всегда был взвинчен. Но в этот раз нервничал особенно сильно. Оборачиваясь, он заметил, что девушка снова наблюдает за ним. Быть может, она ждала удобного момента, когда можно будет подать знак мужчинам и броситься бежать? Он пропустил индейцев вперед и остаток дня ехал рядом с Королем Себастьяном.

* * *

В ту ночь они развели костер не для тепла, а для того, чтобы отгонять насекомых. Первым дежурил Король Себастьян.

Чарльз растянулся на земле, положил рядом мушкет и закрыл глаза. Уже начиная дремать, он лениво размышлял о том, как же ему все-таки поймать удачу за хвост. Нужно непременно придумать что-нибудь новое. Ведь нынешних его доходов хватало только на то, чтобы не умереть с голоду. Вдобавок их одинокая жизнь не шла на пользу Жанне, даже несмотря на ее помутненный рассудок. Она заслуживала лучшей жизни, и Чарльз твердо намеревался дать ее своей любимой жене.

И все же невозможно было не думать и о практической стороне. Если ему даже удастся заработать состояние и вернуть свое имущество, кто его унаследует? Его бедная жена, которой он по-прежнему хранил верность, и эта верность оставалась последним оплотом порядочности в его жизни, была не только безумна – она была бесплодна.

Чарльз почти заснул, когда его разбудило звяканье цепей. Он открыл глаза и в тот же миг услышал предостерегающий вскрик Короля Себастьяна.

Метис тоже спал, это было видно по его неловкой позе и замедленным движениям, когда он пытался зарядить мушкет. Восемь индейцев, натянув кандалы на запястьях и лодыжках и выстроившись в ряд, бросились на своих похитителей. Девушку они тащили за собой, она бежала третьей справа, и именно ей пришлось перепрыгнуть через костер.

Чарльз в ужасе выхватил из-за пояса один из пистолетов. «Милостивый Иисус, не дай пороху отсыреть...»

Пистолет не выстрелил.

Чарльз схватился за второй.

Один чероки с левой стороны вооружился камнем. И метнул его в Короля Себастьяна, который пытался одновременно и встать на ноги, и прицелиться из мушкета. Полукровка увернулся, камень лишь слегка задел его правый висок, но когда мушкет наконец выстрелил, пуля просто улетела в темноту.

Храбрец, приблизившийся к Чарльзу, занес босую ногу, чтобы ударить его в горло, и ударил бы, если бы Чарльз не перекатился влево, одновременно вскинув правую руку и спустив курок. Второй пистолет выстрелил. Пуля врезалась слева в подбородок индейца и снесла ему половину головы.

Это жуткое зрелище чуть поколебало решимость пленников, но остановились они не сразу. Чарльзу пришлось вы-

стрелить во второго индейца, а Король Себастьян убил еще одного из мушкета раньше, чем остальные четверо оттащили прочь девушку и трупы. Волосы одного из убитых задели угли костра, задымились, потом загорелись.

Чарльз никак не мог унять дрожь. Он был весь покрыт грязью и порохом, забрызган кровью и мозгами из головы первого застреленного индейца. На ужин он ел щедро просоленную оленину, и теперь она не желала оставаться в его желудке.

Вернувшись из кустов, он увидел, как Король Себастьян в ярости хлещет плетью тех смельчаков, что еще остались в живых. С трех убитых он уже снял кандалы, причем не стал утруждаться и открывать замки ключом, а просто воспользовался ножом. Где-то в темноте огромные черные грифы уже слетались на пир.

Метис с силой дернул девушку за волосы:

– Думаю, эту сучку тоже следует наказать.

На мгновение, посмотрев вниз на провисший лиф ее платья, Чарльз отчетливо увидел ее темные груди. Он вдруг почувствовал волнение. Округлая девичья грудь казалась зрелой и полной жизни. Настороженно глядя на Короля Себастьяна, пленница слегка изменила позу, и платье вновь легло на место, скрыв ее тело.

Чарльз поймал взлетевшую в воздух руку своего помощника. В свете костра его измазанное кровью лицо напомнило лица воинов-чероки, раскрашенные перед боем.

— Это ты заслужил наказание, — сказал Чарльз. — Ты заснул на посту.

Король Себастьян яростно зыркнул на него, словно вот-вот готов был броситься на своего нанимателя. Чарльз не отвел взгляда. Хотя девушка и не знала языка, на котором говорил этот высокий человек, зато прекрасно поняла его жест. Она не осмелилась улыбнуться, но в глазах ее мелькнул огонек благодарности.

Прошла минута. Потом еще одна. Наконец метис прихлопнул севшего на шею комара и отвернулся. На том все и кончилось.

Но только не для Чарльза. Он был глубоко потрясен тем, что случилось, и даже после того, как Король Себастьян снова сменил его на дежурстве, никак не мог заснуть. Столкновение со смертью еще раз напомнило ему о том, что у него нет сыновей. Трое его братьев умерли в младенчестве. Сестра исчезла за Пиренеями сразу после того, как настали тревожные времена. Он остался последним в их роду.

Когда Чарльз наконец задремал, ему приснился странный сон, в котором картины плодородных полей чероки то и дело сменяли образы прекрасной груди индейской девушки.

* * *

В начале следующего дня они добрались до фактории на реке Купер, одной из двух рек, названных в честь Энто-

ни-Эшли Купера, графа Шафтсбери, одного из первых лордов – собственников здешних земель.

С Жанной все было в порядке. Они погуляли вдвоем по берегу реки. Чарльз обнимал жену за плечи. Она что-то лепетала по-детски, пока они наблюдали за белой цаплей, стоявшей на отмели на одной ноге. Жанна заслуживала лучшей участи. Она была достойна хорошего дома со множеством слуг.

Утром Чарльз готовился к отъезду на побережье. Он решил отправиться в полдень с индейцами и несколькими тюками шкур, которые успел собрать. По пути к тайному аукциону нужно было, как обычно, избегать людных дорог, где его могли заметить с контрабандным товаром.

За полчаса до отъезда в факторию вдруг прибежала Жанна. Она что-то возбужденно кричала, но Чарльз не понял, что она хочет ему сказать. Вскоре появился испуганный Король Себастьян. Метис с трудом пытался найти нужные французские слова.

– Кто идет? – перебил его Чарльз. – Джентльмены? Европейцы? Ты это хочешь сказать?

Перепуганный индеец кивнул и поднял руку с растопыренными пальцами:

– Много! Их много!

Чарльз обмер.

Они торопливо погнали рабов к сараю, построенному из стволов карликовых пальм и ветвей кипариса. Пока Чарльз

лихорадочно приковывал четырех мужчин и девушку к лошадиному стойлу, Король Себастьян завязывал им рты лоскутами тряпок. Если бы пленники закричали, маленький работорговый бизнес Чарльза немедленно раскрылся бы.

Пылающие глаза пленников сказали ему, что они-то как раз на это и надеются. По приказу Чарльза метис во второй раз проверил, надежно ли сидят кляпы.

Как назло, во главе группы неожиданных гостей оказался член правящего совета колонии, элегантный англичанин по фамилии Мур. Он сообщил Чарльзу, что совершает ознакомительную поездку с целью изучения этих Богом забытых задворок. С ним были четверо чернокожих слуг, один из которых обладал некоторыми навыками изыскательских работ. Мур искал место для летней резиденции, подальше от побережья, где то и дело вспыхивали эпидемии лихорадки.

Мур пробыл в фактории три часа. Все это время Чарльзу стоило огромного труда скрывать волнение. Один раз он даже услышал какой-то стук и звяканье цепей, доносящиеся из сарая, но, на его счастье, Мур в этот момент как раз говорил и ничего не заметил.

Когда один из слуг Мура обратил внимание на лежащие под стойкой цепи и наручники, Чарльзу пришлось спешно придумывать какое-то правдоподобное объяснение.

– Выменял на ружье, – солгал он. – У одного подозрительного парня, он уверял, что направляется в Виргинию. Да, это было еще прошлой осенью...

Мур даже не повернул головы. С обычным для англичан высокомерием он пространно рассуждал о дурном климате, грубой первобытности этих мест, да и всего Нового Света в целом. К четырем часам, когда стало немного прохладнее, он и его люди отправились дальше. Чарльз налил себе солидную порцию теплого джина, осушил стакан в два глотка, обнял Жанну и поспешил в сарай.

Король Себастьян стоял на страже у двери. Внутри Чарльз увидел, что все мужчины с яростью смотрят на девушку. Закрывавшая ее рот повязка висела у нее на шее. Она вполне могла бы закричать.

Когда она уставилась на него все тем же внимательным немигающим взглядом, он наконец все понял. Наверное, он понимал это уже давно, но гнал от себя эту мысль из чувства вины перед Жанной. Он резко отвернулся и торопливо вышел на солнце.

Торговля рабами-индейцами становилась все опаснее. Это убеждение не оставляло Чарльза, когда на следующее утро он с запозданием отправился в путь. И всю дорогу через болотистые низины до самого побережья эти мысли не отпускали его.

* * *

Просека начиналась сразу за частоколом, окружавшим Чарльстон. Место было выбрано с большой осмотрительно-

стью. Оно находилось не настолько близко к городу, чтобы его можно было легко обнаружить, но и не слишком далеко, чтобы не подвергать людей лишнему риску после наступления темноты. Дорога верхом сюда от реки Купер занимала не больше десяти минут. Когда они прибыли, здесь уже собралось с полдюжины мужчин, которых Чарльз мысленно называл англиканскими снобами. Это были местные плантаторы, которые пытались найти прибыльное занятие, позволившее бы им осуществить свои первоначальные мечты о Каролине. Пока что удача им не улыбнулась. Переезд в колонию явно был пустой затеей.

Тем не менее они старательно делали вид, что их жизнь идеальна во всех отношениях. Они обсудили все последние городские сплетни. Похвалили Чарльза за его товар, хотя и старались при этом не подходить к нему слишком близко. Его запах, как и его происхождение, оскорбляли их.

Факелы, воткнутые в песчаную почву, бросали дымный свет на помост из расколотых бревен пальмового дерева. Аукционист, еще один известный и весьма уважаемый джентльмен, вел торги за скромный процент с общей суммы продаж. В городе Чарльз не раз слышал, как этот человек разглагольствовал о недопустимости торговли индейцами. Такие разговоры были обычным делом. Большинство из присутствовавших здесь в прошлом имели хотя бы одного раба-индейца. И беспокоило их вовсе не порабощение одних людей другими, а возможное прекращение торговли с

индейцами, если бы все племена вдруг взбунтовались из-за возмутительной продажи их сородичей и отказались иметь с ними дело. И еще белые боялись индейского бунта.

Впрочем, все это ничуть не помешало им явиться сюда. Проклятые лицемеры, вот кто они, думал Чарльз.

Четверо его индейцев были проданы один за другим. За каждого дали вполне приличную цену. Чарльз стоял в стороне, попыхивая глиняной трубкой, и чувствовал, как его гнев мало-помалу утихает с ростом сегодняшнего барыша.

Он прислушался к разговорам. Один из покупателей говорил, что намерен отправить свое новое приобретение в Вест-Индию для, как он выразился, «акклиматизации». Это означало: сломить дух раба. Второй джентльмен рассуждал о бесплатном выделении земель вдоль ближних рек и ручьев.

– Только вот какая польза от земли, если нечем заплатить налог и урожай не снять, чтобы получить от своей собственности звонкую монету, – сказал он.

– Может быть, и будет урожай, – произнес первый говоривший и показал маленький пухлый мешочек.

Все с любопытством столпились вокруг него. Даже Чарльз подошел поближе, чтобы все расслышать. Торги приостановились, пока джентльмен с мешочком отвечал на вопросы.

– Это семена. С Мадагаскара. Те самые, которые очень хорошо растут на затопленных полях.

– Так это тот самый рис, который капитан Тёрбер дал в прошлом году доктору Вудворту? – взволнованно спросил

кто-то.

Тёрбер был капитаном бригантины, зашедшей в Чарльстон для ремонта; Чарльз уже слышал эту историю о каком-то рисе, привезенном на побережье.

Обладатель мешочка аккуратно спрятал его в карман:

– Ну да. Он растет на влажной почве. Более того, влага ему просто необходима. Многие в городе сейчас уже потирают руки в предвкушении. Вот почему всем сразу понадобилась земля. Похоже, из этих болотистых низин все-таки можно извлечь какую-то выгоду.

Джентльмен, который был настроен скептически, не сдавался.

– Да, но разве белый человек может выдержать труд в болотах и топях? – спросил он.

– Нет, конечно, Маниго. Тут нужны люди, привыкшие к сильной жаре и почти невыносимым условиям. – Для большего эффекта он чуть помедлил. – Африканцы! И полагаю, их понадобится намного больше, чем есть сейчас в нашей колонии.

Во Франции Чарльз де Мэйн пострадал из-за своей веры. Но вероломство лицемеров вроде Эмильона и жестокость, с какой обошлись с Жанной, сильно пошатнули те убеждения, из-за которых он подвергся таким тяжелым испытаниям.

Ведь не какие-то сверхъестественные силы, а его собственная воля помогла ему выстоять под раскаленным железом палачей. И хотя он все еще цеплялся за призрачную

веру в некое Высшее Существо, его представление об этом существе изменилось. Богу было все равно. Великодушных планов для этой вселенной и своих созданий на ней Он не строил. Вполне возможно, у Него вообще не было никаких планов. А значит, человеку следовало полагаться исключительно на самого себя. Только вежливо кивать Господу время от времени, как своему слабоумному дядюшке. Но когда речь идет о будущем, человек всегда должен брать дело в свои руки.

И все же именно здесь, на этой освещенной факелами поляне, посреди бескрайних густых лесов, напоенных запахом влажной земли и звенящих птичьим гомоном, с Чарльзом произошло нечто удивительное. С неожиданной мощью он вдруг ощутил прилив прежней веры. Лишь на одно яркое мгновение он почувствовал присутствие какой-то внешней силы, которая и позволяла ему выжить в последние пару лет, чтобы оказаться в этом самом месте, в эту самую минуту.

В этот миг он все решил. Ни одного шиллинга он больше не вложит в товар для своей фактории. И чего бы ни стоила консультация этих ловкачей-адвокатов, он заплатит, чтобы только узнать, как получить надел прибрежной земли. Он обстоятельно изучит все, что можно выведать об этих мадагаскарских семенах. Ведь он всегда умел работать на земле. И если он мог выращивать виноград, то и рис тоже сможет вырастить.

Конечно, на этом пути его ждет немало трудностей.

Чарльз хорошо знал те места. Поэтому понимал, что и месяца не выдержит, работая по пояс в гнилой воде, не говоря уже об опасности стать добычей аллигаторов, которыми кишат эти ленивые извилистые заводи.

Ответ напрашивался сам собой. Нужны чернокожие рабы. Пока он мог позволить себе только двух.

С извращенной логикой человека, который сознает свою вину, но должен найти способ доказать обратное, Чарльз всегда считал, что не одобряет работорговлю, хотя и занимается время от времени продажей рабов. В глубине души он чувствовал отвращение к этому занятию. Кроме того, он ведь не знал, что происходит с индейцами, после того как он сбывает их с рук. Может, новые хозяева, услужливо подсказывала ему его дремлющая совесть, потом и вовсе дают им свободу?

Впрочем, теперь его совести придется заснуть крепче. Чтобы начать то, что он задумал, ему самому понадобится хотя бы один раб из Африки, молодой и физически крепкий. И о моральной стороне придется забыть. Это не что иное, как экономическая необходимость. Вопрос выживания.

Человек делает то, что должен делать.

– Джентльмены, джентльмены! – воскликнул аукционист. – Разговоры отвлекли нас от самого интересного лота сегодняшних торгов.

Взобравшись на помост, он задрал платье девушки, оголив ее тело. Все мужчины как по команде повернули головы и стали с жадностью пожирать индианку глазами.

«Человек делает то, что должен делать». Это же правило поможет ему решить проблему с наследником, вдруг понял Чарльз. Если он хочет поймать удачу в Каролине, а теперь наконец у него впервые блеснул лучик надежды, он должен принять реальность такой, какая она есть. Бросать свою любимую жену он не намерен. Но и хранить ей верность с такой же щепетильностью, как раньше, не может.

– Итак, джентльмены, кто начнет торги за эту смазливую туземочку? Кто предложит мне...

– Стойте!

Резко оттолкнув стоявших перед ним мужчин, Чарльз вышел вперед.

– В чем дело, Мэйн? – спросил аукционист, пока те, кого Чарльз коснулся, торопливо отряхивали рукава и презрительно усмехались за его спиной. Ну и грубиян, хотя и протестант. Да и чего еще можно ожидать от французишки?

Выпрямившись во весь свой рост – куда только делась его обычная сутулость! – Чарльз пристально посмотрел на удивленного и слегка раздосадованного аукциониста.

– Я передумал, – сказал он. – Она не продается.

Он медленно перевел взгляд на девушку. Аукционист отпустил подол ее платья. Большие глаза индианки неподвижно смотрели на Чарльза. Она поняла.

Искать комнату на ночь в Чарльстоне было бессмысленно, и он прекрасно это знал. Хозяева даже самых убогих мебели-рашек на дальней оконечности полуострова, где встречались две реки, перед тем как устремиться в океан, едва ли пустили бы на ночлег белого мужчину и индейскую женщину, которая явно не была его рабыней.

Вместо этого Чарльз нашел укромную поляну недалеко от изгороди. Там, несмотря на опасность встречи со змеями или назойливыми насекомыми, он расстелил одеяла, сложил все оружие на расстоянии вытянутой руки, лег рядом с девушкой и овладел ею в знойной влажной темноте.

На ее языке он знал всего несколько обиходных слов, и это не были слова нежности. Но она понимала все его желания и страстно отвечала на его ласки. Его губы прижимались к ее губам, его сильная ладонь лежала на ее животе – почти с первой минуты, как она увидела его, она хотела именно этого. Он видел в ее глазах желание, только отказывался поверить.

Когда-то Чарльз был опытным любовником и умел быть нежным, если хотел. Да и сейчас он еще не забыл премудростей любовной науки. Тяжелый недуг Жанны и ее потребность во внимании требовали этого. Но с индианкой все было по-другому. Уже скоро его медленные, чуть ленивые движения стали быстрее и настойчивее. Возбуждение его нарас-

тало. Девушка откликалась с неменьшим пылом. Лежа на влажной земле, окруженные сотней жужжащих и гудящих тварей, они обладали друг другом под ночным небом, испещренным россыпью звезд.

Той ночью Чарльз отдавал свое семя с тем же неистовым упорством, с которым собирался выращивать урожай для будущего процветания Мэйнов.

* * *

В те годы во всем Чарльстоне насчитывалось не больше сотни примитивных домов и торговых построек. Многие из барбадосцев говорили о том, что необходимо возвести в городе такие же вместительные прохладные дома, как на их родных островах. Но это требовало больших средств и более оптимистичного будущего. А пока претензии города на элегантность были явно завышены и по меньшей мере необидительны.

Но только не для Чарльза следующим утром. День был солнечным и ясным, из гавани дул свежий северо-восточный ветер. Чарльз размашисто шел к пристани, девушка держалась на шаг сзади. В самой походке и во всем его облике появилась некая новая уверенность и сила.

Он, конечно, заметил презрительные взгляды нескольких джентри на причале. Одно дело – развлекаться с цветной женщиной в постели. Спать хоть с черными, хоть с коричне-

выми туземками не считалось зазорным. Но совсем другое — появляться с ней в обществе.

Выражение лиц джентльменов неожиданно навело Чарльза на другую мысль. Большинство жителей Каролины были чертовски высокомерны. И если станет известно, что его будущий ребенок наполовину чероки, ни он, ни его сын никогда не войдут в их круг, сколько бы денег он ни заработал и какое бы аристократическое происхождение ни имел.

Он лихорадочно начал придумывать другой план. Индианка наверняка забеременеет, уж он-то об этом позаботится. А когда это станет заметно, он увезет ее куда-нибудь в глушь, поселит в какой-нибудь лачуге, чтобы никто ничего не узнал, ну разве что только Король Себастьян. И предупредит ее, чтобы была поосторожнее.

Потом он скажет Жанне, что хочет усыновить мальчика. В том, что родится сын, он не сомневался, как и в том, что справится с матерью, когда будет отнимать у нее ребенка. Он был мужчиной, к тому же белым, это давало ему преимущества. Если понадобится, он может даже применить силу. Чарльз был готов на все, чтобы продолжить свой род и обеспечить надежное будущее любому представителю мужского пола, который будет носить его имя.

Позже можно будет выдать мальчика за своего осиротевшего племянника, сына погибшей сестры. Этот план настолько взволновал Чарльза, что он даже не мог скрыть своих чувств. Девушка теперь шагала рядом. Увидев на его ли-

це застывшую улыбку, которая, впрочем, тут же исчезла, она вопросительно взглянула на него. Чарльз мягко коснулся ее руки и посмотрел на девушку, чтобы подбодрить ее. Дыхание его понемногу успокоилось. Они пошли дальше.

На пристани он стал расспрашивать, когда придут корабли с африканскими рабами. Оказалось, что нужно ждать не меньше трех недель. Сейчас в порту единственным достойным внимания было какое-то торговое судно из Бриджтауна с несколькими пассажирами на борту. Называлось оно «Портсмутская чайка».

Чарльз прошел мимо группы из пяти молодых людей, которые с любопытством оглядывались вокруг. Он уже встречал таких. Мальчишки, заключившие кабальный договор. Вид у них был забитый, у всех, кроме одного – коренастого паренька с пшеничными волосами и очень светлыми глазами, похожими на бледно-голубые льдинки, сверкавшие на солнце. Вел он себя довольно развязно.

Идя навстречу друг другу, они обменялись взглядами. Парня явно заинтересовал этот странный человек в примитивной одежде, с отросшей щетиной на аристократическом лице. А бывший работородец и предполагаемый в будущем рабовладелец прикидывал, как бы заполучить кого-нибудь в добровольное рабство.

На палубе судна появился помощник капитана:
– Эй, парни! Возвращайтесь на борт, хватит таращиться! Начинается прилив. Насмотритесь еще на красоты и получ-

ше.

Мальчишки вернулись на судно, а высокий аристократ неторопливо пошел вперед и постепенно смешался с толпой; его женщина шла следом, с обожанием глядя на своего повелителя. В ярком свете того прекрасного утра и Чарльз, и светлоглазый мальчик очень скоро забыли друг о друге.

Часть первая

Под барабанный бой

В будущих войнах нация должна рассчитывать на Академию, потому что для победы нужна не только храбрость, но и умение.

Военный министр Джон К. Кэлхун в обращении к Сильванусу Тайеру, суперинтенданту Военной академии, 1818 год

Глава 1

– Помочь доставить на борт, юный сэръ?

Портовый грузчик улыбался, но в глазах его не было дружелюбия – только алчность, вспыхнувшая при виде явного чужака.

Несколько мгновений назад кучер пассажирского омнибуса компании «Астор-Хаус» сбросил потрепанный дорожный сундук в самом начале причала. Орри схватил его за единственную уцелевшую веревочную ручку и потащил, но не успел он пройти и трех футов, как между ним и сходящими возник грузчик.

Стояло сияющее, безветренное июньское утро 1842 года. Предстоящий день и без того сулил Орри много волнений,

а застывшая улыбка грузчика и его бесцеремонный взгляд только еще больше нервировали юношу, как и вид двух других подозрительных типов, ошивавшихся неподалеку.

Впрочем, волнение и трусость – совсем не одно и то же, и Орри вовсе не собирался идти на поводу у своих тревог. Его предупреждали, что в Нью-Йорке полно мошенников всех мастей, и, похоже, он сразу встретился с одним из них. Орри снял свою высокую касторовую шляпу, извлек из внутреннего кармана сюртука льняной носовой платок и промокнул лоб.

Орри Мэйну было всего шестнадцать, но он уже вырос почти до шести футов и двух дюймов. Его стройность только подчеркивала высокий рост и придавала юноше некую грацию при движении. У него было вытянутое некрасивое лицо здорового цвета, как у человека, который много времени проводит на воздухе, длинный и узкий аристократический нос, темные волнистые волосы и карие, глубоко посаженные глаза, под которыми сейчас темнели круги, как всегда бывало, когда он недосыпал. Тени под глазами придавали его лицу меланхолическое выражение. Однако по характеру Орри вовсе не был меланхоликом, и улыбка на его губах появлялась довольно часто. При этом он был нетороплив и обстоятелен. Каждый важный шаг в своей жизни он всегда тщательно обдумывал.

Грузчик нетерпеливо поставил ногу на сундук:

– Парень, я спросил...

– Я вас услышал, сэр. Мне не нужна помощь, я справлюсь сам.

– Ну надо же! – насмешливо воскликнул другой грузчик. – Откуда ты взялся, деревенщина?

Орри выдавал его акцент, потому что одежда на нем была совсем не деревенской.

– Из Южной Каролины.

Он чувствовал, как колотится сердце. Перед ним стояли трое взрослых мужчин, мускулистых и грубых. Но уступать он не собирался и протянул руку к сундуку. Первый грузчик схватил его за запястье:

– Нет, не справишься. Или мы отнесем его на пароход, или ты отправишься в Вест-Пойнт без него.

Орри был поражен не только угрозой, но и той легкостью, с которой они догадались о цели его путешествия. Чтобы решить, как отделаться от этих невеж, ему нужно было время. Он дернул руку, давая понять грузчику, что тот должен его отпустить. Прохвост с неохотой подчинился, хотя и не сразу. Орри выпрямился и обеими руками снова надел шляпу.

Мимо прошли три пассажирки – две хорошенькие девушки и женщина постарше. Помочь ему они точно не могли. Потом на причале появился какой-то невысокий человек в форме, видимо портовый служащий, решил Мэйн. Но один из грузчиков резко взмахнул рукой, и чиновник остановился.

– И сколько стоит погрузка? – спросил Орри.

Где-то за его спиной закрипели колеса фургона, по булыжнику застучали подковы. Орри услышал чьи-то веселые голоса, смех. Подъезжали другие пассажиры.

– Два доллара.

– Но это стоит двадцать пять центов!

Грузчик ухмыльнулся:

– Возможно, солдатик. Но такие уж тут цены.

– Если не нравится, – заговорил второй грузчик, – пойді пожалуіся мэру. Или братцу Джонатану.

Все трое расхохотались. Брат Джонатан был персонажем национального фольклора, эдакий неунывающий деревенский простачок, янки.

От напряжения и от жары Орри вспотел. Наклонившись, он снова потянулся к ручке сундука:

– Я не стану платить вам та...

Первый грузчик оттолкнул его:

– Тогда твой сундук останется здесь.

Орри спрятал страх за мрачным взглядом:

– Сэр, не трогайте меня.

Но его слова только еще больше раззадорили наглеца. Грузчик попытался было грубо тряхнуть юношу, но тот предвидел это и врезал ему правым кулаком в живот.

– Эй, вы там! А ну, прекратите! – закричал служащий в форме и двинулся к ним, но второй грузчик оттолкнул его назад с такой силой, что коротышка едва не свалился с пирса в воду.

Обидчик Орри схватил его за уши, крутанул, а потом ударил коленом в пах. Орри отлетел в сторону, наткнувшись на какого-то человека, который тут же отпрянул от него и бросился на троих грузчиков с кулаками.

Это был совсем молодой человек, немногим старше самого Орри, как тот заметил, когда тоже ринулся в драку. Невысокий, но очень крепкий, неожиданный защитник Орри яростно орудовал кулаками. Сам Орри кому-то разбил нос, а ему кто-то разодрал ногтями щеку. Как оказалось, драки в стиле первых поселенцев добрались и до нью-йоркских доков.

Первый грузчик попытался воткнуть палец в глаз Орри. Но прежде чем ему это удалось, справа взлетела длинная трость, и ее золоченый набалдашник ударил его прямо в лоб. Мошенник взвыл и покачнулся.

– Мерзавцы! – закричал мужчина. – Здесь есть хоть какие-нибудь власти?

– Уильям, не волнуйся так! – тут же воскликнула стоявшая рядом с ним женщина.

Молодой смельчак, вступившийся за Орри, вскочил на сундук, полный решимости продолжить схватку. К служащему, который безуспешно пытался унять бузотеров, наконец присоединились двое матросов с парохода. Быстро прикинув соотношение сил, грузчики отступили и, отпустив на прощание несколько крепких словечек, от которых ахнули две только что подъехавшие дамы, поспешно убрались с пир-

са и исчезли на ближайшей улице.

Орри судорожно вздохнул. Юноша спрыгнул с его сундука. Изысканная одежда молодого человека почти не измялась.

– Сэр, я вам так благодарен за вашу помощь... – Вежливость помогла Орри скрыть волнение в присутствии янки, к тому же явно богатых.

– Мы их почти одолели! – усмехнулся юноша.

Орри тоже улыбнулся. Незнакомец едва доставал ему до плеча. Он не был толстым, но казался очень массивным и крепко сбитым. У него было почти круглое широкое лицо, светло-каштановые волосы с выгоревшими на солнце прядками и бледные глаза цвета льда, взгляд которых мог бы показаться суровым, если бы не веселые искорки, мелькавшие в них. Открытая улыбка тоже располагала к себе, хотя тот, кому юноша не понравился бы, пожалуй, счел бы ее дерзкой.

– Это точно, – отозвался Орри, поддерживая ложь.

– Ерунда, – заявил полноватый парень с болезненным лицом, года на три или четыре старше спасителя Орри. – Вас обоих могли покалечить, а то и убить.

Светлоглазый юноша посмотрел на Орри:

– Самое опасное занятие, которое может позволить себе мой брат, – это подпиливать ногти.

Та женщина, что недавно успокаивала обладателя трости, тоже полная, на вид лет сорока, сказала:

– Джордж, хватит дерзить Стэнли! Он прав. Ты слишком

безрассуден.

Значит, они все из одной семьи. Орри коснулся полей шляпы:

— Как бы все ни сложилось, но это вы помогли мне в трудную минуту. И я еще раз благодарю вас.

— Я помогу вам донести сундук, — сказал Джордж. — Вы ведь на пароход?

— Да, еду в Военную академию.

— Только что приняли?

— Два месяца назад, — кивнул Орри.

— Ну надо же! — воскликнул Джордж, снова усмехаясь. — Меня тоже!

Он отпустил лопнувшую веревочную ручку. Орри пришлось отпрыгнуть, чтобы сундук не отдал ему ногу.

Юноша протянул Орри руку:

— Джордж Хазард. Из Пенсильвании. Там есть один небольшой городок, про который вы, наверное, и не слышали. Лихай-стейшн.

— Орри Мэйн. Из прихода Джеймса Санти, Южная Каролина.

Пожимая руки, они посмотрели друг другу в глаза, и Орри почему-то сразу показалось, что с этим задиристым маленьким янки вполне можно подружиться.

В нескольких шагах от них отец Джорджа распекал служащего, который остался в стороне, когда началась драка. Тот громко оправдывался, что не отвечает за то, что происходит

на пирсе. Тогда старший Хазард с возмущением заявил:

– Я запомнил ваше имя. И потребую расследования, обещаю!

Продолжая хмуриться, он подошел к своей семье. Жена принялась его успокаивать, что-то негромко говорила ему, поглаживая по руке. Потом Джордж откашлялся и вежливо представил всех друг другу.

Уильям Хазард был суровым импозантным мужчиной с солидной внешностью. Из-за изборожденного морщинами лица он выглядел лет на десять старше своей жены, хотя это было не так. Кроме сыновей, с которыми Орри уже познакомился, в этой семье была еще дочь Вирджилия, как предположил Орри, старшая из детей, и малыш лет шести или семи. Мать называла его Уильямом, но Джордж предпочитал звать брата Билли. Мальчик постоянно теребил высокий воротник, доходивший ему до мочек ушей; такие же воротники были у всех мужчин, включая Орри. На брата Джорджа карапуз смотрел с немим обожанием.

– Как старший из братьев, Стэнли в будущем встанет во главе нашего металлургического завода, – пояснил Джордж, когда они с Орри тащили сундук на пароход. – У него просто нет другого выхода. Не может быть и речи о том, чтобы он занялся чем-то другим.

– Металлургического, вы говорите?

– Да. Наша семья делает железо уже шесть поколений. Раньше компания называлась «Домны Хазарда», но отец

сменил название на «Железо Хазарда».

– Мой старший брат пришел бы в восторг. Его интересует все, что связано с наукой и разными механизмами.

– Значит, вы тоже второй сын? – спросил отец Джорджа, поднимаясь на борт с остальными членами семьи.

– Да, сэр. Мой брат Купер отказался от приглашения Академии, так что вместо него поехал я.

Больше Орри ничего не добавил. Незачем было упоминать о семейных ссорах и рассказывать чужим людям о том, как Купер, которым Орри восхищался, постоянно разочаровывал и гневил их отца своим независимым поведением.

– Значит, вам повезло, – заявил старший Хазард, опираясь на свою трость. – Кто-то считает Академию прибежищем аристократии, но это чушь, всего лишь газетная утка. Настоящая цель Академии в том, чтобы давать самое лучшее образование, какое только можно получить в Америке. – Он так четко произносил каждое слово и расставлял акценты, что можно было подумать, будто делает официальное заявление.

Его дочь подошла ближе. Это была не улыбчивая девушка лет двадцати, с почти квадратным лицом, испорченным несколькими оспинами. Для платья из расшитого батиста с буфами на плечах и зауженной талией она была, пожалуй, чересчур полногруда. Дополняли наряд перчатки и капор, украшенный цветами.

– Не будете ли вы столь любезны повторить свое имя, ми-

стер Мэйн? – сказала мисс Хазард.

После такого витиеватого вопроса Орри уже не удивлялся тому, что эта девушка не замужем.

– Орри, – ответил он и произнес имя по буквам.

А заодно объяснил, что его предки были в числе первых поселенцев, приехавших в Южную Каролину, и что он третий в их роду, кого называли Орри; имя это представляет собой искаженную версию обычного для гугенотов имени Хорри, которое произносится так, будто первой буквы вовсе нет.

Темные глаза Вирджилии смотрели на него с вызовом.

– А могу я поинтересоваться, каким делом занимается ваша семья?

Орри мгновенно насторожился, прекрасно понимая, к чему она клонит.

– Мы владеем рисовой плантацией, мэм. Довольно большой и вполне процветающей.

Он сразу почувствовал, что его ответ прозвучал излишне хвастливо, но к этому его вынудило высокомерие девушки.

– Тогда можно предположить, что и рабы у вас есть?

На лице Орри не отразилось и тени улыбки.

– Да, мэм, больше полутора сотен. Без них мы не смогли бы выращивать рис.

– Пока на Юге сохраняется рабство, мистер Мэйн, эти края так и будут отсталыми.

Мать коснулась руки дочери:

– Вирджилия, сейчас не время и не место для подобной

дискуссии. Твое замечание невежливо и звучит не по-христиански. Ты ведь совсем не знаешь этого молодого человека.

Девушка моргнула, и это, похоже, было единственное извинение, на какое мог рассчитывать Орри.

– Провожаящие – на берег! Провожаящие, сойдите на берег, пожалуйста!

Пронзительно зазвонил колокол. Джордж горячо обнял Билли, мать, отца. Потом неловко пожал руку Стэнли и просто сказал «до свидания» Вирджилии.

Вскоре пароход снялся с якоря. Родные махали руками с причала. Они исчезли из вида, когда пароход двинулся вверх по течению. Двое путешественников переглянулись, осознав наконец, что остались одни.

Семнадцатилетний Джордж Хазард счел себя обязанным принести извинения молодому южанину. Он совсем не понимал свою старшую сестру, хотя и догадывался, что она злится на весь мир из-за того, что не родилась мужчиной, со всеми их правами и возможностями. Этот гнев не позволял ей вписаться в общество, она была слишком резка, чтобы обзавестись поклонником.

И еще молодой пенсильванец не разделял взглядов своей сестры. Он вообще никогда не задумывался о рабстве. Несмотря на то что многие говорили о его недопустимости, оно существовало. И он не собирался ломать над этим голову.

Колеса парохода взбивали в пену освещенную солнцем воду. Причалы и дома Нью-Йорка исчезли за кормой. Джордж искоса поглядывал на Орри, который чем-то напоминал ему старшего брата. «Сначала хорошенько подумай, а уж потом делай». Впрочем, была между ними и серьезная разница. В отличие от самодовольной и явно вымученной улыбки Стэнли, улыбка Орри была открытой и искренней.

Джордж слегка откашлялся.

– Моя сестра вела себя неучтиво.

Он увидел, как напряглись плечи Орри, когда он только упомянул о сестре, но тон его голоса успокоил южанина.

– Она что, аболиционистка?

– Наверяд ли... Во всяком случае, открыто об этом не заявляет, хотя кто знает... Надеюсь, вы не приняли ее слова близко к сердцу, ведь они не относились лично к вам. Думаю, она могла бы наговорить дерзостей любому из ваших краев. Просто вы первый южанин, с которым она столкнулась. В Пенсильвании их не слишком много, я и сам не припомню, встречал ли там кого-нибудь из ваших.

– Зато в Академии встретите многих.

– И хорошо. Мне любопытно узнать, какие они на самом деле. У меня, конечно, есть свое представление...

– Интересно какое?

– Ну, что южане – это люди, которые едят свинину с капустой, дерутся на ножах и плохо обращаются с неграми.

Несмотря на довольно оскорбительное для него описание,

Орри сумел увидеть в нем попытку пошутить.

– Все это верно в отношении некоторых южан, но уж никак не всех. По-моему, из-за таких стереотипов и рождается непонимание. – Он немного подумал. – У меня ведь тоже есть свое представление о янки.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся Джордж. – Я весь внимание.

– Янки изобретателен на всякие мудреные штуковины и всегда готов околпачить своего соседа в суде. Он дерзок, при каждом удобном случае постарается продать вам складной нож или оловянную посуду, но чего ему хочется больше всего, так это обобрать вас дочиста.

Джордж расхохотался:

– Ну, парочку таких янки я встречал.

– Мой отец говорит, что янки сейчас пытаются управлять всей страной.

– Так же, как много лет нами командовала Виргиния? – тут же парировал Джордж.

Орри вцепился в отполированные поручни:

– Послушайте...

– Нет, вы только взгляните туда!

Джордж решил, что если они хотят стать друзьями, то ему следует немедленно сменить. И показал на корму, где, прикрываясь зонтиками, хихикали две молодые пассажирки. Женщина постарше, сопровождавшая их, заснула, сидя на скамье.

У Джорджа дома уже были романы с двумя девушками, и он чувствовал себя опытным в амурных делах.

– Может, подойдем, поговорим с ними?

Орри порозовел и покачал головой:

– Идите, если хотите. Я не слишком галантный кавалер.

– Не любите заигрывать с красотками?

– Просто не умею, – смущенно признался Орри.

– Ну, тогда вам лучше поскорее научиться, а то пропусти-те половину радостей жизни. – Джордж прислонился к лее-рам. – Хотя, думаю, не стоит с ними заговаривать. Все равно до Вест-Пойнта серьезного романа не заведешь.

Он замолчал, наконец-то дав волю тревоге, которая нарастала в его душе с той самой минуты, как он покинул родной дом. Вся его семья сейчас осталась в этом большом городе, отец начнет заключать сделки, мама с остальными детьми будет наслаждаться ресторанами, музеями и театрами... а он отправлялся неизвестно куда, навстречу неведомому будущему. К тому же одинокому. Даже если он выдержит суровую дисциплину Академии, пройдет целых два года, прежде чем он снова увидит Лихай-стейшн. Кадетам давался всего один отпуск, между вторым и третьим годами обучения.

Разумеется, до того как он заслужит право на эти маленькие каникулы, ему придется преодолеть немало трудностей. Поговаривали, что учеба в Академии очень сложна, но еще сложнее было вынести издевательства старших курсантов над желторотыми первокурсниками. Академию часто крити-

ковали за попустительство дедовщине. Обычно критика исходила от демократов, которым была ненавистна сама идея Академии, как ненавидел ее Старый Гикори.¹

Пароход шел вверх по течению. Вдоль берегов тянулись бесконечные живые изгороди, сверкающие на летнем солнце ярко-зеленой листвой. Нигде не было видно ни единого признака человеческого жилья. Края казались дикими и заброшенными, и Джордж от души порадовался, что рядом с ним находится человек, обуреваемый такими же сомнениями и страхами перед неизвестностью, которая ждала их впереди.

¹ Прозвище генерала Эндрю Джексона, седьмого президента США.

Глава 2

Пароход шел на север, к Гудзонским высотам. В час полудни он миновал точку, которая и дала учебному заведению его более привычное название. Орри все пытался рассмотреть вдалеке памятник знаменитому инженеру Костюшко, возведенный на отвесном берегу, но его скрывала густая листва.

Когда пароход добрался до Норт-Дока, перед молодыми людьми возникла захватывающая картина Гудзонского ущелья, уходившего на север. Древние ледники, изрезавшие террасы горных склонов, создали остроконечные вершины, о которых Орри знал только из книг. Он смотрел на них во все глаза. Позади, на восточной стороне, высилась гора Таурус, на западе – Кроус-Нест, а впереди виднелся хребет Шаванганк.

– Поверить не могу, – воскликнул Орри, – мы только что прошли Конститюшен-Айленд, где во время революции американцы натянули огромную цепь через Гудзон, чтобы контролировать проход судов! Там был форт Клинтон, его называли в честь одного британского генерала. А вон в той стороне – развалины форта Путнам.

– Интересуетесь историей?

– Да. В нашем роду были те, кто участвовал в войне за независимость. Один даже воевал вместе с Мэрионом, Бо-

лотным Лисом.

– Ну, полагаю, Хазарды тоже не остались тогда в стороне. Только вот мы, пенсильванцы, не слишком любим копаться в прошлом. – Осознав, что голос выдает его дурное настроение, вызванное жарой и унынием, Джордж попытался пошутить: – Теперь я понимаю, почему у вас не было времени на девушек. Вы постоянно читаете.

Орри покраснел.

– Не обижайтесь, – сказал Джордж, сжав его руку. – Все, что вы говорите, очень интересно, но неужели вы всегда такой серьезный?

– А что в этом плохого? Вам бы тоже не помешало быть посерьезнее, если хотите выдержать первые летние учения.

Джордж помрачнел:

– Пожалуй, вы правы.

Когда Джордж и Орри сходили на берег, молодые пассажиры помахали им на прощание. Жара стала еще нестерпимее; Джордж сбросил пальто.

На пристани ждали двое военных в мундирах. Один, довольно туповатый на вид, стоял, прислонившись к обшарпанной двуколке, запряженной одной лошадью. На нем были короткий мундир с медными пуговицами, брюки и перчатки – все белое, но не слишком чистое. Небольшую плоскую фуражку на голове украшал какой-то металлический орнамент. На широком ремне висела большая сабля.

Орри и Джордж были единственными прибывшими. Мат-

росы выгрузили их багаж на пристань, не очень заботясь о содержимом. Пока молодые люди оглядывались по сторонам, трап парохода быстро подняли. Звякнули склянки, завертелись колеса, и громкий гудок возвестил об отплытии.

Второй военный был чуть ниже ростом, и его форма казалась немного более опрятной, чем у его товарища. Положив ладонь на рукоять сабли, он неторопливо двинулся к Орри и Джорджу. На голове у него была такая же фуражка, лицо изрезали глубокие морщины.

– Капрал Оуэнс, – сказал он с сильным ирландским акцентом, – армия Соединенных Штатов. Военная полиция.

– Мы новые слушатели... – начал было Джордж.

– Нет, сэр!

– Что значит «нет»?

– Пока вы никто, сэр. Чтобы стать слушателем, вы должны пройти вступительные испытания. До этого вы не имеете права так себя называть. Пока вы просто предмет. Помните об этом и ведите себя соответственно.

– А здесь, значит, всё по ранжиру? – с явным неудовольствием съязвил Джордж.

– Именно так, сэр, – отчеканил Оуэнс, фыркнув. – Академия придает огромное значение порядку. Даже армейские подразделения расставлены по рангам. Инженеры – это элита. Вершина. Именно поэтому ими становятся только самые лучшие кадеты. А худшие попадают в драгуны. Помните об этом и знайте свое место.

Что за мужлан, подумал Орри. Оуэнс ему не понравился. Впрочем, как потом выяснилось, он вообще мало кому нравился.

Оуэнс показал на двуколку:

– Сложите туда багаж, идите по этой дороге и доложите о себе в кабинете начальника личного состава.

Джордж спросил, как найти этот кабинет, но Оуэнс пропустил вопрос мимо ушей.

Они потащились вверх по извилистой тропе к ровному, без единого деревца, полю, казавшемуся удручающе пыльным и раскаленным. Орри уже скучал по дому. Он попытался справиться с тоской, напоминая себе, зачем он здесь. Академия даст ему возможность добиться того, о чем он мечтал, сколько себя помнил, – стать военным.

А Джордж если и чувствовал себя несчастным, то хорошо это скрывал. Пока Орри разглядывал каменные строения на дальнем краю поля, он сосредоточил свое внимание на небольшом домике сразу слева от них, а точнее, на группе людей, оживленно беседующих на тенистой веранде.

– Девушки, – зачем-то сообщил он. – Должно быть, это гостиница. Интересно, можно ли там купить сигары?

– Кадеты не курят. Это правило.

Джордж пожал плечами.

– Ну уж с этим я как-нибудь разберусь, – сказал он.

Окрестности Академии показались Орри угнетающими, а сами строения выглядели по-спартански просто; Впрочем,

в армии и не могло быть иначе. Все это, безусловно, уличало во лжи тех критиканов, которые уверяли, будто бы учащиеся Академии не кто иные, как избалованные неженки. Вряд ли Вест-Пойнт мог быть цитаделью праздности, если из девяноста, а то и ста молодых людей, приезжающих сюда каждый июнь, из его стен четырьмя годами позже выходило не больше сорока-пятидесяти. Орри и его новому другу предстояло пройти еще долгий путь, прежде чем они выйдут отсюда вполне оперившимися полноправными офицерами в 1846 году.

Прием в Вест-Пойнт проводился по строгим правилам. Самым младшим претендентам не могло быть меньше шестнадцати лет, самым старшим – не больше двадцати одного года. Ежегодно в списки для зачисления можно было вносить не более одного кадета от каждого избирательного округа. Дополнительно принимались десять человек, представляющих весь штат, обычно это были сыновья армейских офицеров, не имеющих постоянного места жительства. Кроме того, одно место всегда резервировалось для президентского назначенца от округа Колумбия.

Всего за сорок лет своего существования Академии удалось преодолеть значительное сопротивление со стороны конгресса и общества. Ныне качество получаемого здесь образования уже почти ни у кого не вызывало сомнений как в самих Соединенных Штатах, так и в Европе, однако хорошая репутация в научных кругах отнюдь не означала благосклон-

ности общественного мнения. Академию постоянно обвиняли в элитарности, в том, что она принимает только сыновей богатых людей с большими связями. Во время администрации президента Джексона конгрессмен от штата Теннесси Дэвид Крокет даже предложил законопроект, который мог распустить Академию, если бы был принят.

Хотя Вест-Пойнт был основан в 1802 году, особого внимания и поддержки ни от конгресса, ни от кабинета министров он не получал вплоть до войны 1812 года. Во время войны почти все американское военное руководство показало свою полную несостоятельность, вследствие чего в 1817 году был назначен новый суперинтендант Академии. Майор Сильванус Тайер в короткие сроки усовершенствовал курс обучения как по военной, так и по общей подготовке. С тех пор Вест-Пойнт выпустил несколько совершенно выдающихся офицеров. Орри часто слышал, как отец упоминал о Роберте Ли из Инженерного корпуса. Ли был кадетом Академии в конце 1820-х годов.

Однако последние десятилетия ни разу не позволили продемонстрировать воинское искусство выпускников скептическим критикам. Время было мирное, а без войны заявления Вест-Пойнта о ценности академических программ ничем не подтверждались. Общественный скептицизм подпитывался также и намерениями кадетов: мало кто из них помышлял о военной карьере, а их стремление попасть туда было продиктовано лишь желанием получить хорошее обра-

зование.

К тому же по нынешнему закону после окончания Академии полагалось прослужить в армии всего четыре года. Еще на пароходе Джордж сообщил Орри, что намерен отслужить положенный срок, а потом вернуться к гражданской жизни. Неудивительно, что находились те, кто считал преступлением тратить государственные деньги на молодых людей, которые и не думают возвращать долг продолжительной службой.

С противоположной стороны строевого плаца донеслись крики. Приглядевшись, Орри и Джордж поняли, чем вызван такой шум. На пыльной улице, идущей мимо двух каменных барачных корпусов, несколько кадетов надсадно выкрикивали громкие приказы, пытаясь построить группу молодых людей, чьи сутливые бестолковые движения сразу выдавали в них новобранцев.

Где-то загрохотал барабан, отрывисто и четко. Друзья увидели, что мимо них быстро идет какой-то кадет в безупречной форме, направляясь к гостинице.

Джордж вскинул руку, чтобы привлечь его внимание:
– Простите...

Кадет остановился как вкопанный и сурово уставился на него:

– Вы ко мне обращаетесь, сэр? – Он как будто не говорил, а ревел.

Джордж с трудом сдержал улыбку:

– К вам. Мы ищем...

– Если вы новичок, сэр, – рявкнул кадет, – потрудитесь снять шляпу! – Его взгляд метнулся к Орри. – И вы тоже, сэр. Обращаясь к старшему, всегда снимайте головой убор, сэр. – Он снова посмотрел на Джорджа. – Итак, сэр. Что вы хотели мне сказать, сэр?

Напуганный его криком и бесконечными «сэрами», Джордж едва сумел спросить, как им найти начальника личного состава.

– Вам туда, сэр. Мы еще увидимся, сэр. Не сомневайтесь на этот счет, сэр.

И удалился строевым шагом. Джордж и Орри обменялись встревоженными взглядами. Они только что познакомились с манерой обращения в Вест-Пойнте. И оба были от нее не в восторге.

Помощником начальника по личному составу оказался еще один ирландец, на этот раз вполне приветливый. Он принял документы об их зачислении. Второй помощник освободил их от наличных денег и скрупулезно записал суммы в бухгалтерскую книгу, после чего их повели к кадету-сержанту Стриблингу, в комнату номер четырнадцать в Южных казармах.

Неподалеку от казарм молодые люди остановились у общей водопроводной колонны, чтобы понаблюдать за группой новичков, которых гоняли по плацу. Ранг новобранцев выдавала их гражданская одежда. На вопрос Орри о мундирах помощник ответил:

– Э, парень, чего захотел. Мундир ты не получишь, пока официально не станешь слушателем. А слушателем ты не станешь, пока не пройдешь вступительные испытания.

Новенькие на плацу неуклюже выполняли команды, то и дело спотыкаясь. Разъяренный кадет, проводивший инструктаж по строевой подготовке, кричал все громче. Вскоре неумех сменили кадеты в мундирах. Их движения были настолько четкими и синхронными, словно специально демонстрировали новичкам, чего они должны достичь.

Кадет Стриблинг предстал перед ними в безукоризненно белых брюках, сером кителе, отделанном черными витыми шнурами и тремя рядами золоченых пуговиц. Разговаривал он так же бесцеремонно, как тот заносчивый кадет, которого они встретили возле отеля. По его приказу юноши отправились в каптерку, где получили под расписку ведро и веник, оловянный ковш, кусок мыла, учебник арифметики, грифельную доску и одеяла. Одеяла были такими новыми, что все еще воняли овечьей шерстью. Это был обычный запах новичков, или плебеев, как их здесь называли.

Их комната на третьем этаже Южных казарм вряд ли показалась бы раем любителям роскоши: одно окно, несколько полок для хранения вещей, огромный дымоход и камин почти во всю стену. Орри сразу подумал о том, сможет ли эта комната защитить их от холода снежными зимними ночами. Пока он видел снег лишь однажды, да и тот через два часа растаял, но все-таки здесь не Южная Каролина.

Джордж опытным взглядом осмотрел железные кровати и сообщил, что ножки закреплены очень плохо. Снаружи снова раздалась барабанная дробь, только на этот раз она звучала уже по-другому. Джордж состроил гримасу.

– Кажется, здесь и шага не делают без этого проклятого грохота, – сказал он. – Я уже начинаю чувствовать себя рабом барабанов.

– Может, это сигнал к ужину? – с надеждой спросил Орри.

– Хорошо бы. Умираю с голоду.

Однако время ужина еще не наступило. Внизу молодым людям приказали встать в строй и наблюдать за вечерним парадом. На плацу появились кадеты, и Орри тут же забыл о голоде.

В оранжевом свете заходящего солнца сверкали штыки на прижатых к плечам мушкетах. Плюмажи на офицерских шляпах развевались на ветру. Строевой шаг и музыка до того взволновали Орри, что он даже меньше стал тосковать по дому и почувствовал себя почти счастливым оттого, что находится здесь. В конце концов, Вест-Пойнт ведь был воплощением его мальчишеских грез.

Орри не смог бы сказать с точностью, когда он твердо решил стать военным, но прекрасно понимал, почему ценил эту профессию так высоко. Жизнь военных казалась ему яркой, захватывающей, интересной – особенно в сравнении с жизнью рисового плантатора, – но, самое главное, очень важной. Хотя многие смотрели на людей в форме с презрением,

никто не стал бы отрицать того, что именно генералы и их армии часто меняли границы стран и поворачивали ход истории.

Уже став подростком, Орри зачитывался книгами о великих полководцах, которые как раз этим и прославились. Александр Великий, Ганнибал, Чингисхан. И конечно, Бонапарт, покоривший всю Европу меньше полувека назад. Из этих книг и мальчишеских мечтаний, в которых смешивались отчаянный риск и парадное величие, благородство и кровопролитие, и родилось его решение посвятить жизнь военному ремеслу. И он был бесконечно благодарен старшему брату за то, что тот не захотел для себя такой судьбы.

После завершения впечатляющей вечерней церемонии барабан вновь ожил – на этот раз призывая всех на ужин. Кадет Стриблинг командовал отделением новичков, когда они кое-как промаршировали в столовую. Пока старший кадет не дал команду садиться, все стояли в холле.

Их отделение расположилось за шатким деревянным столом, зарезервированным для только что прибывших. Однако Орри заметил, что за другими столами новички сидят вместе со старшекурсниками, и мог лишь предположить, что эти «предметы» добрались сюда на несколько дней раньше. Самые старшие занимали лучшие места на краях столов, за ними садились слушатели второго курса, еще дальше – первогодки, потом – «плебеи». Испуганные новички сидели в самом центре на каждой стороне стола, дальше всех от блюд с

едой. Старшекурсники отпускали в их адрес высокомерные замечания и не спешили передавать им тарелки. Орри от души поразился, что хотя бы в этот день он не в числе этих бедолаг.

Кто-то сказал, что основной прием пищи здесь – это обед в середине дня. Поэтому на ужин подали то, что осталось от обеда: говядину и вареный картофель. Впрочем, Орри и Джордж слишком проголодались, чтобы привередничать. Кроме того, их приятно удивили разные вкусные дополнения в виде домашнего хлеба, деревенского масла и крепкого кофе.

В конце ужина по громкой команде одного из старшекурсников все встали. Под звуки флейт и барабанов кадеты и новобранцы разошлись по казармам. Пока Джордж и Орри застилали постель на своих железных кроватях, с лица Джорджа не сходило унылое выражение, говорившее о том, что он совершенно не понимает, что они делают здесь, в этом царстве одиночества и муштры.

До наступления сигнала отбоя к ним заглянули двое старшекурсников, чтобы познакомиться. Высоченный парень по имени Бернард Би, к радости Орри, оказался из Южной Каролины. А Джорджа радушно приветствовал кадет из его родного штата Уинфилд Хэнкок.

В Южных казармах поселили большинство новичков, поэтому в тот вечер Джордж и Орри познакомились еще с несколькими своими товарищами. Первым зашел неболь-

шого росточка смышленный бойкий паренек, назвавшийся Джорджем Макклелланом.

– Сливки общества, – сказал Джордж, когда Макклеллан ушел. – В Восточной Пенсильвании его семью все знают. Говорят, он очень умный. Чуть ли не гений. И ему всего пятнадцать.

Орри перестал рассматривать свое отражение в маленьком зеркале над умывальником – ему уже приказали подстричься.

– Пятнадцать? Как это может быть? Ведь сюда моложе шестнадцати не принимают.

Джордж бросил на него скептический взгляд:

– Если только у вас нет связей в Вашингтоне. Мой отец говорит, что многие шишки из правительства часто пристраивают сюда своих протеже. Особенно если те не пригодны ни к какой работе или попадают в переделку.

Через несколько минут к ним пришли еще двое новичков. Одним из них был среднерослый, элегантно одетый виргинец с темными, спадавшими до плеч блестящими волосами и улыбчивым лицом. Звали его Джордж Пикетт. Он сообщил, что прислан от штата Иллинойс, где служил в юридической конторе своего дяди. Получить направление от Виргинии ему не удалось. Казалось, Пикетт относился к разного рода правилам даже с еще большим презрением, чем Хазард; его легкие, беззаботные манеры сразу вызывали симпатию.

Второй их гость также был уроженцем Виргинии, но ко-

гда Пикетт представлял своего земляка, его энтузиазм показался Орри слегка натужным. Возможно, Пикетт уже жалел, что познакомился с этим долговязым неуклюжим парнем. Уж слишком заметна была разница между Джорджем Пикеттом из округа Фокир и новобранцем из Кларксберга. Конечно, эта дальняя западная окраина штата едва ли могла считаться полноценной частью Юга, в тех гористых районах было полно безграмотной деревенщины.

И Том Джей Джексон, как он себя называл, был ярким тому примером. У него была желтоватая кожа и длинный тонкий нос, похожий на лезвие ножа. Под пристальным взглядом его серо-голубых глаз Орри нервно поежился. Джексон изо всех сил старался держаться так же беспечно, как Пикетт, но отсутствие светского опыта сделало его краткий визит слишком неловким для всех четверых.

– С такой физиономией ему бы проповедником быть, а не солдатом, – сказал Джордж, задувая свечу. – Уставился на меня, как будто его что-то очень сильно беспокоит. Может, живот болит. Медвежья болезнь. Ладно, не важно. Все равно больше десяти дней он здесь не пробудет.

Орри чуть не свалился с кровати, когда кто-то пинком распахнул дверь их комнаты и зычный голос прогремел:

– А вы, сэр, пробудете здесь и того меньше, если не научитесь соблюдать тишину в положенное время! Доброй ночи, сэр!

Дверь с грохотом захлопнулась. Даже во время отдыха

невозможно было скрыться от системы... или от старшекурсников.

* * *

Барабан поднял их еще до рассвета. Утро, последовавшее затем, было странным и неприятным. Старший кадет из Кентукки сбросил на пол их одеяла и прочитал короткую лекцию о том, как правильно заправлять постель и наводить в комнате порядок перед проверкой. Джордж негодовал от злости, но, как выяснилось позже, с ними поступили еще гуманно. Новичка в одной из соседних комнат навестили двое кадетов-сержантов, один из которых представился дежурным парикмахером. Доверчивый новичок позволил ему действовать бритвой и ножницами, и когда Орри увидел парня в следующий раз, бедолага был совершенно лысым.

Впрочем, далеко не все старшие развлекались, издеваясь над вновь прибывшими; некоторые готовы были помочь. Кадет Би предложил помощь по всем предметам, которые им предстояло сдавать на вступительных экзаменах: чтение, письмо, орфография, простые дроби, десятичные дроби...

Джордж поблагодарил Би, но сказал, что справится сам. А вот Орри с радостью принял предложение. Он всегда был паршивым учеником с плохой памятью и никаких иллюзий на свой счет не строил.

Заниматься Джордж вовсе не собирался. Все утро он про-

вел, расспрашивая более-менее дружелюбных старшекурсников о здешней жизни, и кое-что из того, что он услышал, ему очень понравилось.

Например, он теперь знал, что по реке довольно часто приплывает на лодке один человек, который заходит в небольшую бухточку прямо под плацем и ждет кадетов, у которых есть одеяла или какая-нибудь другая контрабанда для продажи. Сам он тоже привозит запрещенный товар – пирожные, пироги, виски и – вот прекрасная новость! – сигары. Джордж курил с четырнадцати лет.

Еще более приятной новостью было то, что в гостиницу круглый год приезжают молодые женщины. Впрочем, не только молодые. Казалось, женщины всех возрастов были сражены повальной болезнью, которую с хитрыми усмешками и подмигиванием называли кадетской лихорадкой. В общем, четырехлетняя ссылка Джорджа обещала быть не такой унылой, как он боялся.

Хоть он и считал, что соблюдать дисциплину будет для него чрезвычайно утомительно, но Академия предоставляла хорошее образование, и Джордж надеялся, что ему удастся обходить правила. Его сосед по комнате оказался вполне приятным человеком. Даже симпатичным. К тому же очень открытым, в отличие от некоторых южан, которых Джордж уже успел здесь увидеть. Меньше чем за сутки многие из них, как, впрочем, и янки, нашли своих земляков и организовали свои собственные закрытые сообщества.

После обеда барабан призвал их на строевые учения. Когда они присоединились к своему отделению, Джордж поначалу чувствовал себя вполне бодро. До тех пор, пока не увидел их инструктора – младшего кадета, или, как их здесь называли, «плебея», который уже вскоре должен был перейти в разряд «яков» и сменить серые нашивки на воротнике на голубые.

Этот парень явно весил больше двухсот фунтов. Под мундиром уже начал выпирать небольшой животик. У него были черные волосы, хитрые темные глаза и очень нежная кожа, которая под солнцем больше краснела, чем загорала. На вид ему было лет восемнадцать-девятнадцать. Джордж с первого взгляда невзлюбил этого жирдяя, похожего на свинью.

– Джентльмены! Я ваш инструктор по строевой подготовке кадет Бент. Из великого независимого штата Огайо. – Он неожиданно шагнул к Орри. – Хотите что-то сказать на этот счет, сэр?

Орри судорожно сглотнул.

– Нет, я не...

– Вы должны отвечать: «Нет, сэр!»

Джорджу вдруг показалось, что толстяк нарочно хочет выяснить, кто откуда приехал, чтобы позже использовать это знание против них. Для многих южан слово «Огайо» означало лишь одно: в этом штате находился Оберлинский колледж, где белые и черные студенты учились на равных, бросая вызов общественному мнению и всем остальным учеб-

ным заведениям.

– Вы, южане, воображаете себя выше жителей Запада, разве не так, сэр?

У Орри покраснела шея.

– Нет, сэр, не воображаем.

– Я рад, что вы со мной согласны, сэр. Удивлен, но рад.

Бент с важным видом двинулся вдоль строя, следующих двоих с явно деревенской внешностью он пропустил и остановился возле Джорджа, выбрав его новой жертвой.

– А вы, сэр? Что вы думаете о Западе по сравнению с вашей частью страны – Востоком, если я не ошибаюсь? Что важнее?

Джордж постарался напустить на себя вид безнадежного идиота.

– Так ведь Восток, сэр! – радостно выпалил он с глупой улыбкой.

– Что вы сказали?

Изо рта у Бента плохо пахло, но Джордж продолжал улыбаться.

– Восток, сэр. На Западе же одни крестьяне. Само собой, исключая присутствующих, сэр.

– А вы сказали бы то же самое, сэр, если бы знали, что семья Бентов имеет важных и высокопоставленных друзей в Вашингтоне, сэр? И одно только слово этих друзей может повлиять на ваше пребывание здесь?

Жирный хвостун, подумал Джордж, усмехаясь.

– Да, сказал бы. – И прежде чем Бент успел открыть рот, добавил: – Сэр.

– Вас ведь зовут мистер Хазард, сэр? Шаг вперед! Вы можете мне продемонстрировать один из основополагающих принципов строевой подготовки всем этим джентльменам. Вы меня слышите, сэр? Я сказал: шаг вперед!

Джордж быстро сделал шаг. Он не сразу понял приказ, потому что был ошеломлен злобной вспышкой в глазах Бен-та. У этого парня был не только скверный характер, он еще и явно получал удовольствие от своей власти. И Джордж, несмотря на жару, содрогнулся.

– Теперь, сэр, я покажу тот принцип, о котором говорил. Обычно его называют гусиным шагом. Встаньте на одну ногу, вот так...

Он поднял правую ногу, но пошатнулся – грузное тело с трудом удерживало равновесие.

– По команде «Вперед!» поднятая нога выбрасывается вперед. Ясно? Вперед!

Сам он не мог поднять ногу достаточно высоко – уж слишком был тяжел. Однако, обливаясь потом, устоял на месте, хоть и с трудом.

Потом с криком «Назад!» он попытался махнуть ногой вниз и назад. И чуть не рухнул лицом вперед. Кто-то хихикнул. Джордж с ужасом осознал, что звук долетел оттуда, где стоял Орри.

– Вы, сэр! Наша южная оранжерейная лилия. Уверен, вы

занимались спортом и знаете военные упражнения.

– Сэр... – пробормотал Орри, явно испуганный.

– Если бы вы были официально зачислены в слушатели, сэр, я бы внес вас в рапорт и вы бы получили два десятка очков взысканий. Вы ведь знаете, сэр, что если вы в течение года получите две сотни отрицательных очков, то вас с позором отправят по Кентерберийской дороге... – (Это была дорога к ближайшей железнодорожной станции, и ее название служило синонимом отчисления.) – И даже высшие чины Академии не смогут вас спасти. Так что умерьте ваше легкомыслие, сэр.

Купаясь в чувстве собственной значимости, Бент наслаждался собой.

– И что еще важнее, обратите особое внимание на то, чтобы освоить этот маневр. Вы будете тренироваться, сэр... вместе с вашим соседом по комнате. Шаг вперед!

Джордж и Орри теперь стояли бок о бок. Бент с напыщенным видом вышагивал перед ними.

– На одну ногу встать! – вдруг яростно закричал он. – Готовы? Начали! Вперед, назад! Вперед, назад! Вперед, назад...

Через минуту Джордж почувствовал боль в правой ноге и понял, что не сможет продолжать. Мимо прошел какой-то кадровый офицер и одобрительно кивнул Бенту. Команды инструктора зазвучали еще громче, еще быстрее. Лицо Джорджа уже заливал пот. Пульсирующая боль в ноге не

утихала, с силой отдаваясь в бедре.

Прошло две минуты. Потом еще две. В ушах Джорджа звенело, перед глазами все расплывалось. Он подумал, что сможет выдержать еще от силы десять минут. Не то чтобы он был в плохой физической форме – просто не привык к таким дурацким упражнениям.

– Вперед-назад, вперед-назад! – Голос Бента хрипел от возбуждения.

Несколько человек из их отделения начали нервно переглядываться. Чрезмерное злорадство пухлого кадета было уже очевидно для всех.

Орри упал первым, качнувшись вперед и едва успев подставить ладони и одно колено. Бент тут же шагнул к нему, как будто случайно подняв при этом клубы пыли, которая ударила Орри в лицо.

Бент уже был готов приказать ему подняться и продолжить упражнение, когда вдруг заметил, что тот офицер по-прежнему стоит в стороне и наблюдает.

– Встать в строй, сэр! – почти с сожалением рявкнул он, потом бросил сумрачный взгляд на Джорджа. – И вы тоже, сэр. Возможно, в следующий раз вы не будете относиться к строевой подготовке с таким пренебрежением. И возможно, не будете так дерзки с вышестоящими.

Правая нога Джорджа нестерпимо болела. Но он вернулся в строй, стараясь хромать как можно меньше. Он понимал, что все новички должны получить свою долю мучений, но

этот жирный боров, потеющий в тугом воротнике, был не просто строгим командиром. Он был садистом.

Хитрые маленькие глазки Бента снова впились в него. Джордж ответил вызывающим взглядом. Теперь он знал, что нажил себе серьезного врага.

* * *

Друзья начали расспрашивать о Бенте. И очень скоро узнали куда больше, чем ожидали. Кадет из Огайо прекрасно учился, но был крайне непопулярен. Однокурсники охотно обсуждали любые его просчеты и недостатки – начиная от крайне редких проявлений неблагонадежности и заканчивая признаками низкого происхождения.

В первый год своего пребывания в Академии Бент, как никто другой, подвергался насмешкам и издевательствам со стороны старших курсантов. Хэнкок и другие кадеты, которых они спрашивали, считали, что он сам навлекал на себя такое отношение своими напыщенными рассуждениями о войне и постоянным выпячиванием связей его семьи в Вашингтоне.

– А по-моему, он такой грубиян, потому что толстый, – сказал Би. – Я знал парочку пухлощеких увальней, которых постоянно дразнили в детстве, и в результате из них выросли весьма дрянные люди. Хотя, с другой стороны, это не объясняет его жестокости. Его поведение не похоже на по-

ведение обычного солдата. Все это напоминает какие-то серьезные отклонения. — С этими словами он постучал себя по лбу.

Другой однокурсник Бента упомянул о том, что тот чрезвычайно предан одному из самых выдающихся профессоров Академии, Деннису Мэхену, который преподает инженерное дело и искусство войны. Мэхен был убежден, что следующую большую войну, каковы бы ни были ее причины и участники, необходимо вести на основе новых стратегических принципов.

Первым принципом он считал быстроту. Армия, которая сможет передвигаться быстрее, получит преимущество. В настоящее время в Америке, как и во всем мире, происходила транспортная революция. Даже в это относительно застойное десятилетие повсеместно строились железные дороги. А железные дороги могли обеспечить эту быстроту не в теории, а на практике.

Вторым главным принципом для новой военной стратегии Мэхен называл информацию. И добывать ее следовало не только привычными способами, то есть с помощью наземной разведки. Профессор любил рассуждать об использовании воздушных шаров для наблюдения и об экспериментах по передаче закодированных посланий на большие расстояния по проводам.

Очень многие кадеты разделяли идеи Мэхена и задумывались над ними. Но, как рассказали Джорджу и Орри, лишь

единицы относились к ним с такой же фанатичностью, как Бент. Они и сами убедились в этом, когда им не повезло и они во второй раз попали на строевую подготовку к Бенту. Мэхен учил, что все великие полководцы, такие как Фридрих и Наполеон, никогда не сражались за то, чтобы просто захватить какой-то кусок земли, а преследовали куда более важную цель – полностью подавить сопротивление врага. Во время учений Бент прочитал новичкам небольшую лекцию, в которой упомянул об этих наставлениях Мэхена, а потом подчеркнул, что долг старшекурсника – развивать военную дисциплину, подавляя сопротивление новобранцев.

Все время, пока он разглагольствовал, его потное лицо кривилось от улыбки, но темные маленькие глаза не смеялись. В тот день его главной мишенью стал Джексон. Бент то и дело называл юного виргинца тупицей. Он произнес это не меньше полудюжины раз.

Вернувшись в казарму, Джексон заявил, что Бент не в своем уме.

– И он не христианин. Ни в малейшей степени, – добавил он с обычным своим пылом.

– Я не слишком много знаю об армии, – сказал Орри, – но я точно знаю, что Бент совершенно непригоден для того, чтобы командовать людьми. И он не изменится.

– Только все равно он будет командовать, – ответил Джордж, пожав плечами. – Особенно если у него действительно такие связи, какими он хвастает.

В Академии существовала традиция: выпускники на последнем параде бросали в воздух свои шляпы, а потом пинками гоняли их по плацу и кололи штыками. Этим заканчивалось обучение в Вест-Пойнте.

Вскоре после этой церемонии они уезжали, продав или подарив свои мундиры и одеяла тем, кто оставался. Теперь каждый курс передвигался на следующую ступень, и Консультативный совет, собиравшийся под командованием генерала Уинфилда Скотта, обращал свое внимание на новичков.

Генерал Скотт был верным солдатом своей родины и, несмотря на спесь и грузное телосложение, настоящим героем. Его прозвище Старина Пух и Прах не всегда произносилось с придыханием. Он обосновался в гостинице вместе с дочерьми и председательствовал на вступительных экзаменах, хотя и дремал там большую часть времени. Впрочем, как и большинство армейских офицеров, входящих в совет. Обязанности экзаменаторов возлагались на профессоров, которых всегда можно было узнать по одежде – темнo-синим сюртукам и брюкам гражданского покроя.

Новых кадетов в произвольном порядке делили на маленькие группы, или взводы, в таких же взводах велась и вся учебная работа в Академии. После учебных семестров про-

ходили экзамены. В Вест-Пойнте курсанты не просто пассивно слушали материал, чтобы через несколько месяцев выплеснуть его обратно на преподавателя. Каждый день, по строгому расписанию, несколько человек из каждого взвода повторяли услышанное. Для такого наглядного показа, как это здесь называлось, всегда использовалась классная доска.

На вступительном экзамене Джордж, Орри и все остальные должны были выйти к этой доске и продемонстрировать свои знания по разным предметам. Джордж совсем не готовился. Экзамены его не беспокоили, это было видно по его невозмутимому лицу. И он действительно выдержал их без труда.

Когда же подошла очередь Орри, он обнаружил, что в экзаменационном классе жарче, чем в угольной яме, что офицеры скучают – Скотт даже похрапывал – и что ему неловко стоять у доски. Их с Джексоном испытывали одновременно. И трудно было сказать, кто из них больше потел, нервничал и пачкал мелом одежду. Стоила ли щедрая кадетская стипендия в целых четырнадцать долларов в месяц таких пыток? Но Орри упрямо напоминал себе, что мучения у доски – это цена за честь стать солдатом.

И ему повезло. Два десятка молодых людей не смогли сдать экзамены и были отправлены по домам. Остальные получили мундиры и после этих нескольких недель, показавшихся вечностью, официально стали «плебеями» Вест-Пойнта. Теперь, даже просто проводя ладонью по рукаву

своего новенького серого мундира, Орри испытывал такую гордость, какой не чувствовал еще никогда в жизни.

Глава 3

Двухмесячные летние лагерные сборы, как и положено, начались первого июля. Кроме новоиспеченных второкурсников, уехавших в отпуск, весь кадетский корпус разбил палатки на плацу. Орри получил новый опыт ночного дежурства в карауле, где ему пришлось столкнуться с излюбленной забавой старших кадетов, которые обожали прятаться в темноте и пугать новых часовых.

Бент теперь был капралом. Он уже трижды заносил Орри в рапорт за разные нарушения. Два из них Орри считал просто выдуманными, а третий – сильно преувеличенным. Джордж настаивал на том, чтобы его друг подал письменное объяснение капитану Томасу, командиру кадетов. Если его доводы будут убедительными, рапорт Бента сочтут недействительным. Но Орри слышал, что Томас был дотошным ревнителем грамотности и изящного стиля письма и порой по целому часу задерживал у себя какого-нибудь бедолагу-кадета, чтобы вместе с ним снова и снова оттачивать одну и ту же фразу. А это уже очень напоминало экзамен у классной доски, поэтому Орри решил оставить все рапорты на себя без ответа и собирать штрафные баллы.

Но все-таки излюбленной мишенью Бента стал Джордж, который самым невероятным образом всегда попадал в прицел злопамятного капрала. Когда младшие кадеты наводи-

ли порядок в лагере, Бент доводил Джорджа до изнеможения, заставляя без конца подбирать камешки и расправлять стебли травы, которые казались ему согнутыми. К немалому восторгу Бента, Джордж не слишком умел сдерживаться и собирал штрафные баллы (кадеты иногда называли их «кожурки») с огромной скоростью. Очень быстро он набрал их в три раза больше, чем Орри.

Несмотря на тесные палатки, дурную пищу и непрестанные поддразнивания нескольких старшекурсников, которых раздражало в новичках абсолютно все – от их манеры отдавать честь до их предков, – походная жизнь приводила Орри в восторг. Он наслаждался пехотными и артиллерийскими учениями, занимавшими основную часть дня. А вечерние парады, за которыми наблюдали гости из гостиницы, становились великолепной демонстрацией воинской доблести, заставляя забывать обо всех тяготах изнурительной муштровки.

Раз в неделю для кадетов устраивались танцевальные вечера. Чтобы всем приглашенным дамам наверняка хватило достойного партнера, Академия предложила слушателям услуги учителя танцев из Германии. Джордж не пропускал ни одного бала, если только не стоял в карауле. Новичкам не возбранялось общаться с дамами, но, разумеется, их всегда оттесняли старшие. Несмотря на это, Джордж всегда веселился от души и несколько раз даже позволял себе прогуливаться с какой-нибудь девушкой на виду у всех, совершенно

обдуманно нарушая правила, которые налагали определенные ограничения на слушателей его ранга.

Как-то раз после такого вечера Джордж забрался в палатку, источая аромат сигар. Орри еще не спал, и Джордж стал уговаривать друга пойти вместе с ним на танцы на следующей неделе.

– Да из меня никудышный танцор. – Орри зевнул. – У меня никогда не хватало смелости как следует держать девушку. Наверное, моя беда в том, что я привык смотреть на женщин как на предмет поклонения издали, как на статую.

– Глупости! – прошептал Джордж. – Женщины созданы для того, чтобы их трогали и чтобы ими пользовались. Ну, скажем, как уютными старыми зимними перчатками. Им это нравится.

– Этого не может быть, Джордж! Женщины устроены совсем не так, как мужчины. Они нежные существа. Утонченные.

– Они только притворяются нежными и утонченными, когда им это на руку. Поверь, Орри, женщина хочет того же, что и мужчина. Она просто не позволяет себе признаться в этом, вот и все. Тебе лучше избавиться от такого романтического взгляда на слабый пол, а то однажды какая-нибудь прелестница разобьет тебе сердце.

Орри был склонен поверить другу. Но на танцы тем летом все-таки не ходил.

В конце августа вернулись отпускники, и все кадеты сно-

ва перебрались в казармы. В тот день старшие вволю пользовались бессловесными «плебеями» как вьючными животными, заставляя их таскать свои вещи. Капрал Бент, разумеется, выбрал для этого Джорджа, и тому пришлось совершить четыре перехода с тяжелым грузом по жаре в девяносто восемь градусов. В начале пятого захода Бент приказал Джорджу бежать. С трудом переводя дыхание, Джордж поднялся до середины лестницы в Северных казармах и потерял сознание.

Он в кровь разбил лоб, когда катился по ступеням до нижней площадки. А Бент даже не извинился и не выразил сочувствия. Вместо этого он внес Джорджа в рапорт, обвиняя в порче по небрежности вещей старшекурсника. Орри настаивал на том, чтобы его друг написал объяснительную, но Джордж отказался.

– Тогда мне придется признать, что я хлопнулся в обморок, как какая-нибудь девица, – сказал он. – Не хочу, чтобы это оказалось в моем личном деле. Но ты не волнуйся, с этим мерзавцем я расквитаюсь. Если не на следующей неделе, то в следующем месяце или в следующем году.

Орри и сам уже начал подумывать о том же.

* * *

Утренние стрельбы, вечерние стрельбы, флейты и барабаны – все эти звуки теперь стали для них вполне привычными

и даже приятными. Больше всего Орри нравился барабан, который не только служил чем-то вроде часов, но и напоминал юноше, зачем он здесь. Бравурная дробь подбадривала его, когда во время классных занятий он попадал в трудное положение, а случалось это почти каждый раз, когда он стоял у доски.

Утром «плебеи» получали задание по математике, а днем – по французскому языку. Вначале группы были собраны в произвольном порядке, но в конце первой недели новых кадетов рассортировали. В математической группе Орри оказался вторым снизу в списке. В группе французского он был в самом низу – среди «бессмертных», как называли таких кадеты.

Занятия по французскому в его отделении вел лейтенант Теофиль де Оремийо, который родился во Франции и был французом от макушки до пят. Он весьма критично относился к произношению и способностям своих учеников, и выставяемые им оценки говорили об этом.

Успехи классов объявлялись раз в неделю на параде. Некоторые кадеты то опускались на нижние строчки в группе французского, то поднимались выше, и только Орри оставался на месте. Это заставило де Оремийо спросить юношу о его семье. Орри был вынужден сказать, что основатель рода Мэйнов был французом.

- Значит, ваши родные наверняка говорят на этом языке?
- Мне очень стыдно признаваться, но никто не говорит.

Моя мать может немного читать, а сестрам взяли учителя французского, но это все.

– Боже мой! – воскликнул преподаватель, носясь по комнате. – Чего от меня ждут? Как можно учить варваров? С тем же успехом я мог бы попытаться научить мсье Аттилу расписывать посуду!

После того разговора их отношения стали еще более натянутыми. Как-то в октябре, когда Орри на занятии читал особенно плохо, де Оремийо взорвался:

– Позвольте сказать вам кое-что, мсье Мэйн! Если бы мсье Христос спросил меня: «Мсье де Оремийо, хотите ли вы слушать, как говорит по-французски мсье Мэйн, или хотите отправиться в ад?», я бы Ему сказал: «Я хочу в ад, *s'il vous plait*, мсье Христос» Садитесь. *Садитесь!*

На следующий день Орри начал практиковать свой французский чтением вслух. Он делал это, когда оставался в комнате один. Через два дня его застал за этим занятием проныра Бент, который не переставал зорко следить за друзьями. Уроженец Огайо ворвался в комнату и потребовал объяснить, что происходит. Выслушав Орри, капрал фыркнул:

– Вы тут гостей принимаете, сэр. Развлекаетесь?

Орри покраснел:

– Нет, сэр. Посмотрите сами, сэр...

Но капрал уже вышел за дверь. И внес Орри в рапорт за попытку обмануть старшего по званию.

На этот раз Орри написал объяснительную. И после

неловкого разговора с капитаном Томасом рапорт Бента был аннулирован. Позже Орри сказали, что, узнав об этом, Бент пришел в бешенство и ругался добрых десять минут.

* * *

Осень прошла быстрее, чем ожидал Орри. Войсковые учения, строевая подготовка, классные занятия и бесконечная зубрежка отнимали почти все время. Система обучения Вест-Пойнта была построена так, чтобы у кадетов не оставалось ни одной свободной минуты. Только днем в субботу «плебеи» были вольны делать что угодно, но часто это время уходило на дополнительные дежурства в карауле, чтобы отработать полученные замечания.

В дурную погоду караульная служба превращалась в сущее наказание. Суперинтендант Делафилд по прозвищу Старый Дики имел очень странные представления об экономном хозяйствовании. Например, он не разрешал выписывать новичкам теплые шинели до окончания январских экзаменов. Зачем выдавать кадету дорогую шинель, которую он может увезти с собой, если его отчислят? Поэтому под осенними дождями, а то и снегопадами новоиспеченные кадеты стояли в карауле в одних тонких и невероятно замызганных «дежурных» мундирах, которые всегда имелись в караульной будке и копили на себе грязь и паразитов год за годом.

Джордж по-прежнему не слишком много занимался, но

всегда оставался первым или вторым и по математике, и по французскому. Он уже набрал сто десять замечаний, у Орри было девяносто три. И две трети из них обеспечил Бент.

С приближением январских экзаменов постоянное преследование уроженца Огайо поутихло. После отбоя Орри стал пробираться в комнату Тома Джексона, и они вместе занимались при слабом свете углей в камине.

Орри считал Джексона очень способным от природы, но, несмотря на блестящий ум, рутинные занятия в классе давалась виргинцу с большим трудом и каждая заработанная им хорошая отметка стоила ему невероятных усилий. И все же он был полон решимости добиться успеха, и многие его товарищи уже заметили в нем эту необычную целеустремленность, за которую он даже успел заработать прозвище Генерал.

Правда, иногда Джексон казался Орри слегка тронутым. Он вдруг мог ни с того ни с сего застыть в неподвижной позе и просидеть так целых пять минут, чтобы, как он говорил, его внутренние органы «как следует встали на свои места». Джексон был просто помешан на своем здоровье.

Если Джордж писал домой лишь от случая к случаю, то Орри отправлял письма часто и постоянно, столько же получая в ответ. Однако с приближением декабря даже строчки, написанные его родными, не могли развеять печаль. Орри никогда раньше не встречал Рождество вдали от дома и очень переживал разлуку. Даже Джордж, который редко по-

казывал свои чувства, признался, что сильно скучает по дому. Наконец наступило Рождество, и хотя капеллан провел трогательную и воодушевляющую службу в церкви, а в столовой был накрыт праздничный ужин, большинство кадетов чувствовали себя в этот день одиноко.

Вскоре начался холодный январь. Приближались экзамены, да еще серое небо только добавляло мрачного настроения и без того приунывшим кадетам. Гудзон начал замерзать, но Орри едва ли замечал это. Даже стоя в карауле в снежную выюгу, он думал лишь о том, как бы не срезаться на экзамене по французскому.

И ему все-таки удалось как-то пережить эту пытку у доски. Когда объявили результаты экзаменов, он вопил от радости, а менее везучие кадеты молча укладывали свои сундуки. Шестнадцать новичков отправились по Кентерберийской дороге. А оставшиеся приняли присягу, подписали заявления о зачислении и получили наконец кадетские шинели.

* * *

Февраль успел состариться едва ли на пару дней, когда Джордж сделал своему соседу по комнате неожиданное предложение:

— У меня закончились сигары. А мы ведь так и не отпраздновали по-настоящему наш блестящий успех на экзаменах. Давай сбежим к Бенни.

Орри посмотрел на окно. Лунный свет падал на морозные узоры на стекле; в комнате было холодно, несмотря на горящий камин. Гудзон уже почти полностью замерз.

– В такую погоду? И в такой час?

Орри с сомнением посмотрел на Джорджа. Вскоре должен был прозвучать сигнал отбоя.

Джордж спрыгнул с кровати, он перед этим читал какой-то роман.

– Ну конечно! Должны же мы посетить это прославленное место. Мы просто обязаны устроить себе праздник. Где твой авантюрный дух? – Он уже надевал новую шинель.

Орри хотел отказаться, но последние слова Джорджа задели его. Через полчаса после отбоя они прокрались вниз по железной лестнице, проскользнули мимо караульных и помчались к реке под ледяным ветром.

Спустившись по тропе вдоль обрыва, друзья попытались пробиться сквозь сугробы и замерзшие кусты у берега. Это оказалось нелегко. Джордж прищурился, всматриваясь в сверкающее белое пространство слева от них:

– Было бы легче пойти по льду.

– Думаешь, он достаточно толстый, выдержит нас?

В голубых глазах Джорджа отразился свет луны, повисшей над верховьями Гудзона.

– А вот и узнаем.

Орри последовал за другом, кляня себя за свою вечную осмотрительность. Разве офицеру, который, возможно, по-

ведет людей в бой, можно быть таким рохлей? Он шагнул на скользкий лед и услышал резкий треск.

Джордж, шедший впереди, остановился:

– Что это было?

Орри всмотрелся в черную громаду обрыва:

– Мне показалось, звук шел оттуда.

– Тебе не кажется, что за нами кто-то следит?

Орри огляделся по сторонам. На освещенном луной льду они были прекрасно видны с берега.

– Ну, теперь уже поздно об этом тревожиться.

Джордж согласился. Они пошли дальше. Несколько раз лед угрожающе потрескивал, он действительно был еще слишком тонок для таких прогулок. Но никаких признаков слежки они так и не заметили и уже очень скоро заглядывали в окно уютного, освещенного светом камина маленького питейного заведения Бенни Хейвена на берегу реки. Зябко потирая ладонями и подышав на них, Джордж весело сообщил:

– Нам везет. Старших кадетов не видно.

На самом деле в тот вечер в таверне вообще не было военных, а только двое мужчин из деревни Баттермилк-Фолс, находившейся на отвесном берегу по соседству. Добродушный хозяин заведения, черноволосый и большеносый Бенни Хейвен, чертами лица похожий на индейца, продавал пиво, вино и напитки покрепче дольше, чем могли бы припомнить кадеты или захотели бы знать офицеры. Бенни сердечно приветствовал двух новых гостей. Деревенские окинули

их мрачным взглядом.

Джордж заказал три сигары и две кружки пива. Друзья усадились за столик в углу у окна, откуда был виден склон. Если бы показался кто-нибудь из старшекурсников, они успели бы сбежать через задернутую занавеской дверь возле большой каминной трубы, сложенной из плитняка. Орри немного расслабился, наслаждаясь вкусом пива и ароматными запахами, доносящимися из кухни. Он заказал жареную ветчину и хлеб.

После того как Бенни принес еду, ему захотелось поговорить. Он тепло приветствовал Орри, который был здесь в первый раз, но, услышав южный акцент, не мог удержаться от вежливого вопроса о том, что юноше известно о планах его земляков на присоединение Техаса. Значит ли это, что некоторые политики страстно желают добавить к Союзу еще больше рабовладельческих территорий?

Орри слишком часто слышал подобные речи, чтобы обижаться на них. Кроме того, его брат Купер, к большому неудовольствию их отца, говорил, что это правда. Пока он думал, как лучше ответить хозяину таверны, тот вдруг хмуро посмотрел на занавешенную дверь. Из кухни донесся какой-то шум. И за мгновение до того, как отдернулась занавеска, Орри уже все понял по встревоженному лицу Джорджа. В проеме двери стоял капрал Бент собственной персоной, в занесенной снегом шинели и с красным от мороза лицом.

– Так-так, сэр, и что же у нас здесь? Парочка преступников, очевидно, – заявил Елкана Бент со злобной ухмылкой.

Орри бросило в дрожь. Он точно знал, что приход Бента не случаен. Наверняка это его они слышали по дороге сюда. Сколько же ночей он следил за ними, выжидая такой возможности?

И вдруг Джордж швырнул в капрала пустую пивную кружку. Бент взвизгнул и пригнулся, чтобы избежать удара.

– Беги! – крикнул Джордж и метнулся к двери, как пушечное ядро.

Орри помчался следом, а из головы у него не выходила глупая мысль: они ведь не заплатили по счету.

* * *

На одном из самых глубоких снежных заносов вдоль берега Джордж споткнулся. Орри остановился, побежал назад и помог другу подняться. Он увидел, что Бент неуклюже ковыляет сзади, а в дверях таверны стоит Бенни Хейвен и весело наблюдает за ними. Похоже, неоплаченный счет его совсем не беспокоил.

– Ну же, Джордж! – выдохнул Орри, когда его друг снова поскользнулся и забарахтался в снегу. – Теперь этот сукин сын точно получит наши головы.

– Нет, если мы его обгоним.

– Он все равно подаст рапорт, и мы не сможем солгать.

Орри уже едва дышал, но они продолжали карабкаться вверх по склону. Кодекс чести Академии уже был вбит в них окончательно и бесповоротно.

– Думаю, не сможем, – согласился Джордж.

Грузное тело Бента мешало ему, и он сильно отставал. Но Орри и Джорджа снова задержал кустарник. Замерзшие ветки хлестали по лицам и ломались с оглушительным треском ружейных выстрелов, когда юноши на бегу наталкивались на них. Вскоре Джордж крикнул, что надо поворачивать. Перепрыгнув через низкие заросли, он приземлился на лед. Орри увидел, как освещенная луной поверхность треснула и просела.

– Может, если мы напугаем его как следует, он не станет подавать рапорт, – предложил Джордж. – Он ведь тоже вышел после отбоя, не забывай.

Орри не ответил, просто продолжал бежать. В логике Джорджа чувствовался какой-то изъян, которого он никак не мог уловить.

Идти здесь было опасно. С каждым шагом Орри ощущал, как лед отступает под ногами. Оглянувшись, он увидел, что Бент, спотыкаясь и пошатываясь, продолжает преследовать их, он был похож на огромную темную кляксу на светлой плоскости реки.

– Еще двадцать ярдов, и мы будем на тропе! – крикнул Джордж, взмахивая рукой.

В это мгновение позади них раздался крик.

Джордж резко остановился и всмотрелся в темноту.

– О боже... – выдохнул он.

Орри чуть не наткнулся на друга, оборачиваясь. Надо льдом виднелась только половина чернильного пятна. Руки Бента неловко взлетали вверх. Ночную тишину рассекали испуганные крики.

– Он провалился! – воскликнул Орри.

– А чего еще ждать при его-то весе? Идем!

– Джордж, мы не можем его здесь бросить. А что, если он утонет?

Крики Бента стали еще громче. Джордж скривился:

– Я боялся, что ты так скажешь.

– Послушай, я не верю, что ты вот так вдруг взял и потерял совесть...

– Заткнись и пошли! – огрызнулся Джордж, поворачивая назад. Он был вне себя от ярости и чувствовал, что добром это не кончится.

Вдруг Орри увидел, что Бент погружается в воду. Они побежали еще быстрее. Уже скоро голова Бента исчезла. Его фуражка поплыла по воде, блестящий козырек сверкнул под луной. Когда друзья подбежали к пролому во льду, голова капрала снова показалась над поверхностью реки. Бент потянулся к ним, с визгом разбрызгивая воду.

Джордж и Орри тащили его изо всех сил. Спасательную операцию сильно затрудняло то, что лед был очень скользким. Наконец они выволокли Бента из воды. Он лежал, мок-

рый, похожий на кита, и выплевывал воду.

Джордж опустился на колени рядом с ним:

– Эй, Бент! Ты должен встать и вернуться в казарму. Если будешь лежать тут, замерзнешь.

– Да... хорошо. Помогите мне. Пожалуйста.

Они закинули руки Бента себе на плечи, чтобы поддерживать его. К этому моменту капрал уже ничего связного не произносил, только стонал и жадно хватал ртом воздух. Из-за того что он был насквозь мокрым, его спасители тоже промокли и отчаянно замерзли к тому времени, когда вывели его на берег. Все так же молча он с трудом стал подниматься по тропе. Наверху он встряхнулся, перевел дыхание и сказал:

– Я ценю то, что вы сделали. Это был... храбрый поступок. Мне лучше пойти этой дорогой. А вам я советую вернуться в казарму, и как можно скорее.

Бент шагнул в темноту, и еще некоторое время после того, как он исчез, они слышали скрип его ботинок и тяжелое дыхание.

У Орри начали стучать зубы. Руки застыли и онемели. Он вдруг подумал о том, что последние слова Бента прозвучали как-то странно. Но не успел он ответить себе, что же именно его так насторожило, как Джордж сказал это за него:

– Он говорил так же искренне, как женщина, расхваливающая жизнь старой девы. Надо было дать ему утонуть.

Орри, несмотря на холод, рассмеялся:

– Ну, все кончилось хорошо, и ты должен признать: ка-

кое-то удовольствие мы все-таки получили.

– Да уж... – Джордж достал из-под шинели три сломанные сигары и с мрачной ухмылкой отбросил их в сторону. – Единственное утешение, что я за них не заплатил. Ладно, пойдем к себе, пока не умерли от лихорадки.

На следующее утро Бент не появился на завтраке. Орри и Джордж предположили, что он решил «подурачить Уитона». Так кадеты говорили, когда хотели притвориться больными. Военврач Уитон из медицинской части служил в Академии уже почти двадцать лет и был добрым и доверчивым человеком. Он часто укладывал кадетов на больничную койку или давал освобождение от дежурства под ложными предлогами.

О своем ночном приключении Джордж и Орри рассказали лишь нескольким самым близким друзьям. В середине дня Пикетт принес тревожные новости:

– Боюсь, этот вонючий мешок нытья не сказал вам всей правды, парни. У него было специальное разрешение на выход из казармы после отбоя. От одного из дежурных офицеров. Бент сказал ему, что получил сведения о каких-то двух «плебейх», которые бегают к Бенни почти каждый вечер, и хочет поймать их с поличным.

На ужин подали «олбанскую говядину» – так прозвали осетров, выловленных в Гудзоне перед тем, как он замерз. Рыба не доставила Орри особого удовольствия. Позже он даже подумал, не было ли это чем-то вроде предчувствия.

Еще до конца вечера капрал Бент подал рапорт на кадетов

Кодекс чести Академии был основан на вере в благородство кадетов. Если какой-то кадет заявлял, что его обвиняют ложно, его слово принималось без сомнений и обвинение снималось. Орри верил в этот кодекс. И Джордж, несмотря на свой скептицизм, тоже. Именно поэтому ни один из них не стал отрицать свою вину, хотя общая сумма взысканий теперь подводила Джорджа к опасной близости отчисления.

Чтобы отработать часть взысканий, друзья должны были простоять в караулах немало лишних часов. Погода совсем испортилась. И если Джордж оказался более стойким к простудам, то Орри повезло меньше. После их вынужденного купания в ледяной воде он постоянно чихал и кашлял, и на очередном дежурстве, в один особенно ненастный субботний день, вдруг почувствовал головокружение и слабость.

Над горами, двигаясь с севера, редела снежная буря. Меньше чем за час снега намело на фут с лишним. Потом температура поднялась, пошел дождь со снегом. Орри вышагивал взад-вперед недалеко от задних ворот, когда вдруг осознал, что весь горит, несмотря на холод.

По его щекам тек пот, смешиваясь с мокрым снегом. Мушкет вдруг стал очень тяжелым. Пошатнувшись от ветра, Орри прислонился к стене казармы, чтобы немного передох-

нуть.

Кто-то тронул его за рукав. Орри увидел Сэма Гранта – старшекурсника, который ничем особо не выделялся, кроме того, что был превосходным наездником.

– Кто послал вас сюда в такую погоду? – спросил Грант. – Вы весь зеленый! Того и гляди упадете. Вам срочно надо в лазарет.

– Я в порядке, сэр, – прохрипел Орри, пытаясь выпрямиться.

Невысокий темноглазый кадет бросил на него скептический взгляд:

– Вы в таком же порядке, как моя тетя Бесс за пять минут до того, как испустила дух. Мне найти дежурного офицера – попросить, чтобы вас освободили от караула?

– Нет, сэр, это было бы... нарушением... нарушением долга.

Грант покачал головой:

– Вы будете отличным солдатом, мистер Мэйн. Если прежде не умрете от своего ослиного упрямства.

– Вы меня знаете?

– О вас с вашим другом и об этом негодяе из Огайо уже знают все. Жаль, что у капрала Бента такое высокое положение. Некоторые из нас пытаются это исправить. Чтобы он испытал на своей собственной шкуре те же мучения, которым подвергает других. Я искренне надеюсь, что вы выживете, чтобы полюбоваться на это, сэр. – С этими словами Грант

ушел, сдержанно улыбаясь.

По расчетам Орри, было еще только четыре часа, но так же темно, как и в полночь. Орри заставил себя двигаться. Ему казалось, что он идет строевым шагом, но на самом деле он еле-еле переползал с места на место. К счастью, большинство офицеров находились внутри, иначе кто-нибудь увидел бы эту жалкую комедию.

Прошло еще с полчаса. Орри уже начал бояться, что действительно очень болен, может быть даже смертельно, и что его глупое желание скрыть свою слабость убьет его.

– Вы не слишком красиво шагаете, сэр. Я бы даже сказал, совсем некрасиво.

Вздвогнув от неожиданности, Орри обернулся и увидел возле задних ворот огромную шинель Бента, больше похожую на палатку. Казалось, капрал не шел, а плыл в густых сумерках, неумолимо надвигаясь на него всей своей тушей. Глаза его злобно сверкали.

– Я узнал, что вы в карауле, сэр. И пришел проверить...

Его голос чуть дрогнул, когда Орри неожиданно сбросил с плеча старое гладкоствольное кремневое ружье. От гнева Орри совсем потерял голову и уже ничего не боялся.

– Зачем вы направляете на меня этот предмет, сэр?

– Затем, что собираюсь вас пристрелить, Бент. Если вы не оставите в покое меня и моего друга, я вас просто-напросто застрелю.

Бент попытался усмехнуться:

– Это ружье не заряжено, сэр.

– Вот как? – Орри моргнул и пошатнулся. – Ну, тогда я забью тебя этим ружьем насмерть. И пусть меня потом судят, пусть приговорят к расстрелу, но если ты, неблагодарный мерзавец, удержишься здесь еще хоть на пять секунд, я тебя убью.

– Боже правый, да у нас в Вест-Пойнте сумасшедший!

– Да, сэр. Сумасшедший из Огайо, который обращается с «плебеями» как с животными. Ну так вот, мистер Бент, сэр, перед вами один из этих «плебеев», который больше не желает терпеть такого к себе отношения. Пять секунд. Один, сэр, два, сэр...

Бент молчал, яростно сверкая глазами. Решительный вид Орри явно напугал его. Весь облепленный снегом, Мэйн стоял перед ним, словно белый призрак. Его бледное, почти безумное лицо не оставляло никаких сомнений в его намерениях. Мушкет он держал за ствол, замахнувшись им, как дубинкой.

Унижение и ненависть отразились в глазах Бента. Постояв так еще секунду, он внезапно развернулся и как будто растаял в нестихающей метели.

Орри сглотнул и выкрикнул:

– И лучше вам с этой минуты оставить нас в покое!

– Что вы сказали, сэр?

Резкий голос заставил Орри обернуться. К нему шел один из дежурных офицеров, закутанный по уши. Вой ветра вы-

нуждал офицера кричать.

– Кадет Грант попросил, чтобы я вышел сюда, сэр. Он сказал, вы слишком больны, чтобы нести караул. Это правда?

К этому времени Орри уже несчетное число раз тренировался стоять навытяжку, как настоящий солдат, и был уверен, что все делает правильно. Но когда он попытался продемонстрировать свое умение, он даже не заметил, что только что совершил самую непростительную оплошность. Уронил мушкет в снег.

Казалось, дежурный офицер раскачивается перед ним взад и вперед. Орри отчаянно заморгал, пытаясь остановить это движение.

– Это правда, сэр?

– Нет, сэр! – выкрикнул Орри и упал без сознания лицом в снег.

Через час в лазарет примчался Джордж. Военврач Уитон встретил его в приемной:

– Ваш друг в очень тяжелом состоянии. У него сильнейшая лихорадка, высокая температура. Мы пытаемся ее сбить, но, если в течение суток это не удастся, его жизнь может оказаться под угрозой.

Джордж думал о Бенте, о ненастной погоде, об Орри...

– Как же этот несчастный дурачок хочет стать хорошим солдатом, – с горечью проговорил он.

– Само это место рождает такие стремления. – В голосе Уитона смешались сожаление и гордость. – Вы, молодой че-

ловек, тоже не слишком хорошо выглядите. Пожалуй, я выпишу вам глоточек рома. Идемте в мой кабинет и... — Он улыбнулся. — Подурачьте немножко Уитона, как тут говорят.

* * *

С разрешения врача Джордж всю ночь просидел у постели Орри. Ненадолго заходил Пикетт. И Джексон. А еще кадет выпускного курса Грант. Джордж даже не подозревал, что они с Орри знакомы.

К утру в лазарете стало холодно и тихо. Джордж беспокойно ерзал на стуле. Все разошлись. Лицо Орри по-прежнему было таким же бледным, как одеяло из небеленой шерсти, натянутое до самого его подбородка. Он выглядел таким слабым в мигающем свете лампы, в которой горел рыбий жир... Слабым и очень больным.

Глядя на друга, Джордж, к своему изумлению, вдруг почувствовал, как глаза наполняются слезами. В последний раз он плакал, когда ему было пять лет. Тогда его взгрел старший брат за то, что Джордж осмелился поиграть с его ручной лягушкой.

Ничего удивительного в том, что его так сильно волновала судьба Орри Мэйна, не было. За короткое время они успели пройти через многое, а общие надежды и общие трудности только закаляют крепкую привязанность. И Вест-Пойнт отлично умел это делать.

Джордж так и просидел на стуле, без еды и сна, до самого обеда, пока жар у Орри наконец не спал.

* * *

На следующий день, когда в окно заглянуло февральское солнце, Орри уже выглядел намного лучше. Перед ужином Джордж зашел к нему с хорошими новостями:

– Похоже, Бенту надоело нас изводить. Я прошел мимо него, когда сюда направлялся. А он отвернулся.

– Мне все еще хочется его убить. Да простит меня Бог за такие страшные слова, но именно это я чувствую.

Тихая ярость Орри встревожила Джорджа, но он улыбнулся и постарался не показывать вида.

– Послушай, дружище, это ведь ты был таким сердобольным и милосердным, когда он барахтался там, в ледяной воде. И я тебя послушался.

Орри развел руками:

– Я уже почти жалею об этом.

– Зато он теперь испытает все на своей шкуре. Старшие кадеты гоняют его и в хвост и в гриву. Сладкая месть.

– Да, но винит-то он нас. И даже если на какое-то время оставит нас в покое, ничего не забудет. У него с головой не все в порядке.

– Ладно, не стоит из-за этого мучиться, – сказал Джордж, пожимая плечами. – Сейчас нам надо думать о том, как не

набрать еще больше штрафных баллов. До июня еще далеко.

Орри вздохнул:

– Пожалуй, ты прав.

Разумеется, ни один из них не верил, что если просто забыть о Бенте, то он станет от этого менее опасным.

* * *

В конце весны все Хазарды, кроме Вирджилии, посетили Вест-Пойнт. Джордж выпросил разрешение побывать с ними днем в субботу в гостинице. И взял с собой друга.

Уильям Хазард пригласил Орри погостить у них в Лихай-стейшн в любое время в будущем. Орри с радостью принял приглашение. Он нашел всех членов этого семейства такими же приятными, какими их запомнил, – всех, кроме Стэнли, который непрерывно болтал, а точнее, хвастал. Стэнли то и дело подчеркивал тот факт, что они с отцом вечером должны ужинать с некими Кемблами, жившими за рекой, в Колд-Спринг.

Наслаждаясь изумительной бараньей отбивной, Орри спросил:

– Эти Кемблы – ваши родственники?

Стэнли так и прыснул.

– Нет, мой мальчик, – сказал он, отсмеявшись. – Это владельцы литейного завода в Вест-Пойнте. Откуда, по-вашему, берутся боеприпасы и артиллерия для армии?

Он говорил с таким напыщенным видом, что самый младший из Хазардов, сидевший рядом, не выдержал и стал гримасничать, беззвучно передразнивая его. Сам Стэнли не видел представления, поэтому не мог понять, почему Джордж расхохотался. Кончилось все тем, что Билли за свои кривлянья заработал подзатыльник от отца. Миссис Хазард выглядела очень расстроенной.

– К сожалению, – сдержанно произнес Орри, – я никогда не слышал о Кемблах.

– Меж тем их вечерние приемы по субботам довольно знамениты.

Своим высокомерным тоном Стэнли словно хотел подчеркнуть, что Орри и его родной штат почему-то находятся в стороне от главных событий в жизни страны.

– Значит, они занимаются металлом? – спросил Орри у мистера Хазарда.

Старший Хазард кивнул:

– С откровенной завистью должен признать, что они цвет нации.

– Может, они смогли бы помочь моему брату...

Стэнли со скучающим видом уставился на картофель в своей тарелке. Однако Уильям Хазард внимательно слушал Орри, пока тот рассказывал, как в последних письмах его брат Купер жаловался на слишком частые поломки кованых поперечин и маховых колес на их рисовой мельнице в Монт-Роял.

– Так называется наша плантация, – добавил Орри. – Раньше колеса вращала струя воды, но брат уговорил отца попробовать паровой двигатель. Отец был против. И теперь оказывается, что не зря.

– Делать отливки из чугуна – занятие не из легких, – сказал мистер Хазард. – Но, думаю, Кемблы смогут помочь вашему брату. А еще лучше, почему бы нам самим не попробовать? Пусть он мне напишет.

– Непременно, сэр. Спасибо.

Орри очень хотелось заслужить похвалу от старшего брата, и уже на следующий день он написал Куперу. Ответное письмо начиналось со слов благодарности, затем брат сообщал о том, что уже давно подозревал того парня из Колумбии,² который делал детали для мельницы, в полной некомпетентности и будет рад принять совет от специалистов. В конце он добавлял, что уже отослал письмо на завод Хазардов.

Близился июнь. К своему удивлению, Орри обнаружил, что у него есть неплохие шансы пережить этот первый год в Академии, даже несмотря на то, что он, казалось, был обречен вечно оставаться в числе «бессмертных». А вот Джордж продолжал занимать верхние строчки по успеваемости, не прилагая к этому видимых усилий. Орри искренне завидовал другу, хотя это ничуть не мешало их дружбе.

Им удалось удержать сумму штрафных баллов ниже по-

граничных двух сотен, а когда стали прибывать новобранцы, давление на первогодков ослабло. Орри с Джорджем теперь подшучивали над новичками, как и все остальные, но беззлобно и без подлостей – слишком наглядный урок они получили от Бента, чтобы подвергать кого-то такому же унижению, какое испытали сами.

Полностью избегать уроженца Огайо им, конечно, не удалось. Однако всякий раз, когда они пересекались, он делал вид, что их просто не существует. И все же друзья не могли избавиться от ощущения, что он ничего не забыл, хоть и оставил их в покое. И уж точно не простил.

Примерно за десять дней до летних лагерей неожиданно приехал Купер. Перед этим он заезжал в Пенсильванию, куда привозил неисправные детали для мельницы из Монт-Роял.

– Ваши отец и брат вмиг разобрались, в чем дело, – сообщил Купер Джорджу. – Как я и думал, тот олух из Колумбии просто не понимал, что делает. Он явно переплавлял чугунные чушки при неправильной температуре. Если мне удастся его в этом убедить, поломок наверняка станет меньше. Но убедить его будет нелегко. Он ни за что не признается, что у янки можно хоть чему-нибудь научиться. Для него это все равно что заявить, будто Джонни Кэлхун был не прав, защищая свой штат.

Джорджу очень понравился брат Орри. Куперу было уже двадцать три, и он был еще выше ростом, чем его младший брат. Красивая и добротная одежда на нем почему-то выгля-

дела ужасно неряшливо. У него были впалые щеки и внимательные темные глаза с веселыми искорками, хотя Джорджу и показалось, что он больше склонен к саркастической улыбке, чем к беззаботному смеху. Во внешности Купера и Орри было много общего: та же стройная фигура, те же волнистые каштановые волосы и узкий горделивый нос. Но старшему брату не доставало загара, который Орри приобретал, проводя на солнце хотя бы один день; его утонченное лицо казалось нездоровым, как будто бледность, усталость и постоянные глубокие раздумья сопровождали его с самого рождения.

Свой скоротечный, с одной ночевкой, визит в Академию Купер объяснил не только желанием повидать Орри, но и любопытством. Ему очень хотелось побольше узнать об этом прославленном месте, где теперь обучали самых профессиональных военных в стране. Он подчеркнул, что все в этом мире достойно изучения, разве что кроме некоторых родословных в его родном штате.

Однако его внимание за время и без того короткого пребывания в отеле Роя то и дело отвлекалось от достопримечательностей, на которые он приехал посмотреть. Когда однажды Орри показывал брату большие каменные бараки, он с тревогой заметил, что печальный взгляд Купера устремлен куда-то вдаль и мысли его очень далеко отсюда.

Перед самым отъездом Купер все же отвлекся от грустных раздумий и со своим обычным насмешливым видом сказал

Джорджу:

– Вы просто обязаны приехать к нам, сэр. В наших краях так много хорошеньких девушек. Да и в нашей семье найдется парочка. Будут настоящими красавицами, когда вырастут. В Лихай-стейшн я что-то не увидел столько милых барышень. Разумеется, мне пришлось смотреть в основном на доменные печи. У вашей семьи потрясающий завод, мистер Хазард.

– Зовите меня Джорджем.

– Нет, зови его Пенёк, – вмешался Орри. – Все кадеты со временем получают прозвища. Нас тоже окрестили на прошлой неделе.

– Пенёк, вот как? – Купер взглянул на брата. – А ты кто?

– Палка.

– Значит, части одного дерева, да? – рассмеялся Купер. – Что ж, мистер Пенёк, хочу сказать, что я восхищен размахом и масштабами вашего семейного предприятия. – И снова в его глазах появилась все та же скрытая грусть. – Да, восхищен...

Сквозь мычание телят, которых перевозили по Гудзону, они слышали гудок парохода, стоявшего возле Норт-Дока. Купер схватил саквояж и быстро сбежал по ступенькам гостиничной веранды.

– Приезжайте к нам, мистер Пенёк! А ты береги себя, Орри! Ждем тебя дома следующим летом!

Когда гость скрылся из вида, Джордж сказал:

– По-моему, твой брат – отличный парень.

Орри нахмурился:

– Да, это правда. Но что-то наверняка случилось... Он так старался шутить и улыбаться, хоть и через силу, но был явно расстроен.

– Из-за чего?

– Хотел бы я знать.

Глава 4

С морского побережья домой Купер добирался на речном шлюпе «Юто». Шлюп вез мешки с почтой и разные товары, которые чарльстонский комиссионер развозил вверх по реке на плантации штата.

Стояло тихое солнечное утро. В зеркальной поверхности воды отражалось небо. Из всех рисовых рек Эшли была одной из наименее важных в силу слишком существенного влияния океана. Хотя вода здесь была чистой, приливы и штормы иногда заносили в нее соль из Атлантики, и она убивала рис. Но, как считал Купер и другие местные плантаторы, этот риск полностью возмещался той легкостью, с которой урожай доставлялся в Чарльстон.

Жаркое солнце последних июньских дней припекало все сильнее. Опершись на леера, Купер с нетерпением высматривал, когда же наконец появится пристань Мэйнов. Ему часто приходилось выслушивать нелестные высказывания и о его родном штате в целом, и о том месте, где он родился и вырос. Но он всем сердцем любил этот край и всегда с волнением смотрел на знакомые берега, где росли могучие сосны, раскидистые дубы и даже кое-где попадались пальмы на бесхозных участках земли. В ветвях мелькали сойки и иволги, щеголяя ярким оперением. В одном месте почти вплотную к берегу подходила дорога. Купер увидел трех бравых юношей

на прекрасных лошадях; в этой части страны конные состязания были излюбленным развлечением.

Вокруг гудели насекомые, то и дело впиваясь в кожу. Приближалось самое тяжелое время года. В доме должны были уже всюю идти приготовления к переезду семьи в Саммервилл. Оттуда отец Купера будет ездить верхом на плантацию, чтобы регулярно проверять, как идут дела, но не останется в Монт-Роял, пока снова не похолодает. О прибрежных районах Южной Каролины говорили: «Весной это рай, летом – ад, а осенью – лечебница».

На том берегу, где находился порт, растительность подобралась вплотную к созданным человеком бастионам – высоким насыпям. За ними, на месте давным-давно осушенных еще предками Купера болот, простирались поля. Сами же насыпи представляли собой важную часть сложной агрокультурной системы, какую представляла собой рисовая плантация.

На равных расстояниях друг от друга в насыпях были проложены деревянные дренажные трубы прямоугольного сечения, или так называемые каналы, снабженные специальными воротами с каждой стороны. С помощью этих ворот речная вода либо очень осторожно, чтобы не допустить размывов, подавалась на рисовые поля, либо отводилась с них. Другими словами, рассчитывать на хороший урожай можно было только в том случае, если люди Тиллета Мэйна выполняли свою работу как следует и вовремя. А еще если в мае не нале-

тало слишком много птиц. И если осенние шторма не отравляли речную воду солью.

Были и другие условия, другие бесчисленные риски. Частые разочарования и крайне редкие удачи. Жизнь рисового плантатора учила его разумному уважению к силам природы, и Купер уже давно подумывал о том, что Мэйнам следовало бы подыскать себе менее своенравное занятие и к тому же более современное.

Дождь брызг, поднятых колесом парохода, вывел Купера из задумчивости. Они уже приближались к причалу, а он и не заметил этого. Вдруг Купер почувствовал странную печаль. «Лучше помалкивать о том, что ты видел на Севере», — сказал он себе.

Хотя и сомневался, что сможет сдержаться.

Вскоре он уже шагал по тропе через английский сад, разбитый на холме над рекой. В воздухе пахло фиалками и жасмином, дикими яблонями и розами. На верхней веранде их большого дома его мать, Кларисса Голт-Мэйн, присматривала за домашними рабами, запиравшими комнаты второго этажа. Заметив сына, она подбежала к перилам, приветствуя его. Купер помахал матери и послал ей воздушный поцелуй. Купер очень ее любил.

Он не стал заходить в дом, вместо этого обойдя его вокруг и здороваясь с каждым негром, которого встречал по пути. Потом он прошел к отдельно стоящему зданию кухни. Отсюда открывался дивный вид на аллею огромных вечнозеленых

дубов, которая тянулась на полмили и упиралась в давно заброшенную дорогу, ведущую к реке. Подул легкий соленый ветер, качнув бороны мха на деревьях.

В начале аллеи показались две девочки. Это были его младшие сестры. Они, как обычно, ссорились, гоняясь друг за дружкой. А вот кузена Чарльза, этого пройдохи, нигде не было видно.

Контора плантации Монт-Роял также располагалась в отдельном здании, сразу за кухней. Подходя к ней, Купер услышал голос Рэмбо, одного из самых опытных надсмотрщиков на плантации:

– На Южном квадрате уже проклюнулись, мистер Мэйн. И на Береговом тоже. – Он говорил о полях, каждое из которых имело свое название.

Тиллет Мэйн перестраховывался каждый год, засевая треть своей земли поздно, в начале июня, чтобы с большей вероятностью избежать опасностей для будущего урожая. Надсмотрщик говорил отцу Купера о том, что семена на этих поздно засеянных участках дали ростки и показались над водой. Вскоре их необходимо будет осушить с помощью каналов, и начнется долгий период сухого вызревания.

– Хорошая новость, Рэмбо. Мистер Джонс уже знает?

– Он со мной ходил, сэр.

– Я хочу, чтобы вы с мистером Джонсом сообщили об этом всем людям, кто должен знать.

– Да, сэр. Непременно сообщим.

Купер открыл дверь конторы и поздоровался с выходявшим оттуда высоким седоволосым чернокожим. Все в их семье, кроме Купера, никогда не называли негров Тиллета рабами, заменяя это слово традиционно принятым здесь обращением «люди». Предполагалось, что такая нейтральная замена может каким-то образом смягчить или затушевать горькую правду. Куперу же, в отличие от остальных, казалось менее обременительным хотя бы в мыслях называть негров только одним словом: рабы.

– Я уж думал, янки тебя похитили, – сказал Тиллет Мэйн из облака табачного дыма, висевшего над письменным столом.

Он слегка изогнул уголки губ, что должно было означать единственное на сегодняшний день проявление отцовской нежности, как догадался Купер.

– Я на денек заглянул к Орри. У него все хорошо.

– В том, что у него все хорошо, я и не сомневался. Меня больше интересует, что тебе удалось выяснить по нашим делам.

Купер уселся в старое кресло-качалку, которое стояло рядом со столом отца, заваленным бухгалтерскими книгами. Тиллет был сам себе бухгалтером и тщательно проверял каждый счет, относящийся к делам Монт-Роял. Как и другие плантаторы нижних земель, он с удовольствием называл свои владения баронским поместьем, но был единственным бароном, который лично прослеживал за движением каждой

принадлежавшей ему монеты.

– Я узнал, что мои подозрения подтвердились, – сказал Купер. – Частым поломкам осей и колес есть научное объяснение. Если в чугуне мало окисленного углерода и других примесей, металл получается недостаточно крепким для изготовления механизмов. Именно в этом главная причина поломок. Теперь придется объяснять это тому невежде из Колумбии. А если он не слушает, не лучше ли нам заказать детали на литейном заводе Мэриленда или даже в Пенсильва...

– Я бы предпочел поддержать производителей в своем штате, – перебил его Тиллет. – На друзей легче надавить, чем на чужаков.

– Хорошо, – вздохнул Купер. Это был очередной родительский приказ. Такие он получал дюжинами каждую неделю. Чувствуя досаду, он не удержался и добавил: – Но у меня теперь появились друзья в Пенсильвании.

Тиллет пропустил это замечание мимо ушей.

Главе семейства Мэйн уже исполнилось сорок восемь лет. Его сильно поредевшие волосы были совсем седыми. Купер унаследовал от отца высокий рост и темные глаза. Но даже это последнее сходство показывало, насколько разными людьми они были. Взгляд Купера был мягким, задумчивым, иногда ироничным. А вот глаза Тиллета очень редко смотрели ласково и еще реже смеялись. Всегда твердый и немигающий, его взгляд мог порой излучать нешуточную ярость.

Отвечая за жизнь и благополучие десятков людей, как белых, так и черных, Тиллет Мэйн давным-давно избавился от природной робости. Он отдавал приказы с такой уверенностью, словно был рожден повелевать, что, вероятно, так и было, во всяком случае, об этом говорила даже его фамилия. В целом о нем можно было сказать, что он любил свою жену и детей, свою землю, свою веру, своих негров и свой штат и не видел ничего предосудительного ни в одной из этих привязанностей.

Половина его детей прожила не больше четырех лет. Мать Купера говорила, что именно поэтому Тиллет так редко улыбается. Но старший сын подозревал, что для этого были другие причины. Положение Тиллета, а также его происхождение располагали к некоей толике высокомерия в его характере. В то же самое время он был жертвой растущего чувства собственной ущербности, которое он никак не мог ни подавить в себе, ни сдерживать. Это была какая-то общая болезнь, которую в последнее время Купер замечал во многих южанах. А его поездка на Север лишь подтвердила то, что причины к таким настроениям действительно были.

Тиллет всмотрелся в сына:

– Ты как будто не слишком рад тому, что вернулся домой.

– Конечно я рад! – совершенно искренне ответил Купер. – Но я не бывал на Севере с тех пор, как закончил Йель. И то, что я там увидел, по-настоящему меня расстроило.

– Что же именно ты увидел? – холодно спросил Тиллет.

Купер понимал, что ему лучше не продолжать этот разговор, но упрямство взяло верх.

– Заводы, отец. Огромные грязные заводы, гудящие, грохочущие, воняющие, пускающие в небо дым, как сам Вельзевул. Север растет с пугающей скоростью. Там кругом машины. А люди... Бог мой, я никогда не видел столько народа! По сравнению с ними у нас тут просто пустыня!

Тиллет заново разжег трубку и несколько мгновений пускал клубы дыма.

– Ты думаешь, количество значит больше, чем качество?

– Нет, сэр, но...

– Мы совсем не хотим, чтобы сюда хлынули никому не известные иностранцы.

Вот оно... Снова эта глупая негибемая гордыня.

– А кем был Чарльз Мэйн, если не таким же иностранцем? – огрызнулся Купер.

– Он был герцогом, джентльменом и одним из основателей поселения гугенотов.

– Все это замечательно, сэр. Но поклонение прошлому не создаст заводов и не поможет южной экономике. Настал век машин, а мы упорно отказываемся признать это. Мы цепляемся за сельское хозяйство и за прошлое и при этом отстаем все сильнее и сильнее. Когда-то Юг действительно практически возглавлял эту страну. Но те времена давно минули. С каждым годом мы все больше теряем уважение и влияние на национальном уровне. И тому есть причины. Мы не созвуч-

ны времени.

Купер умолк, не став упоминать о самом главном козыре — особом общественном построении, к которому благосостояние южан было привязано так же прочно, как сами рабы были привязаны к своим хозяевам. Но ему и не нужно было заходить так далеко, чтобы разъярить Тиллета. Старший Мэйн грохнул кулаком по столу:

— Придержи язык! Южане не станут ругать родную землю. По крайней мере, преданные ей южане. Хватит и того, что это делают янки!

Купер, как это часто бывало, почувствовал себя зажатым в тиски между собственными убеждениями и своей вечной неспособностью переубедить отца. Они и раньше спорили на эти темы, но никогда с таким жаром. Купер вдруг заметил, что уже почти кричит:

— Если бы вы не были таким же невыносимым упрямым, как все эти невежественные «бароны»...

Громкий крик, донесшийся снаружи, на время прервал их перепалку. Отец и сын бросились к двери.

Кричала одна из двух девочек, которых Купер видел по дороге в контору. Эштон Мэйн и ее сестра Бретт закончили уроки чтения и арифметики за полчаса до того, как причалил шлюп. Их учитель, немец из Чарльстона герр Нагель, отправился подремать, довольный усердием к учебе младшей девочки, но утомленный дерзостью старшей, как и тем, что она отчаянно скучала от любого напряжения ума.

В обеих девочках сразу угадывалась порода Мэйнов, хотя они и были совсем разными. Но гости всегда замечали только одну из них – Эштон, которая в свои восемь лет уже была настоящей красавицей. Волосы у нее были намного темнее, чем у остальных членов семьи. При определенном освещении они даже казались черными. А цвет глаз и их выражение она унаследовала от отца.

Бретт не была дурнушкой, но не обладала такими же безупречными чертами, как ее сестра. Даже сейчас было видно, что она будет высокой и стройной, как ее отец и братья. Она уже догнала ростом Эштон, хотя и была моложе ее на два года, из-за чего сестра не упускала случая напомнить ей, что высокий рост может отпугнуть от нее кавалеров, когда придет время.

После уроков девочки отправились погулять вдоль реки. На ветке в зарослях кустов за последним участком засеянного в марте поля, где уже зеленели высокие налитые побеги, Бретт нашла птичье гнездо, в котором лежало маленькое бледное яйцо.

– Эштон, иди сюда, посмотри! – позвала Бретт.

Эштон подбежала к сестре, в движениях ее чувствовалось легкое самодовольство. Несмотря на юный возраст, она уже прекрасно осознавала достоинства своей внешности в сравнении с сестрой. То же выражение превосходства отразилось на ее лице, когда она взглянула на яйцо.

– Думаю, его оставила зеленая цапля, – сказала Бретт, с

серьезным видом оглядев реку. – Спорим, она скоро вернется в гнездо.

Эштон внимательно посмотрела на сестру, и ее розовые губы на миг искривились в улыбке.

– Ну так она будет разочарована, – вдруг сказала она, быстро наклоняясь и хватая яйцо.

И тут же бросилась бежать.

Бретт погналась за ней по берегу:

– Положи его обратно! Ты не имеешь права забирать птенца у мамы!

– А вот имею! – откликнулась Эштон, встряхивая волосами.

Что ж тут поделаешь! Бретт знала свою сестру, или ей казалось, что знала. Ситуация требовала мгновенных действий, но при этом очень осторожных. Бретт сделала вид, что уступила. Вскоре Эштон потеряла бдительность, теперь она шла медленно, на ходу разглядывая добычу, которую держала перед собой на ладони. Бретт подскочила к ней сзади и выхватила яйцо.

Эштон погналась за сестрой вокруг дома, в сторону аллеи, там их и увидел Купер, когда направлялся к конторе. Погоня продолжалась несколько минут. Наконец, когда обе запыхались, Эштон будто бы проявила раскаяние:

– Ну прости меня, Бретт. Ты права, я просто дурочка. Надо отнести его обратно. Только дай мне еще раз на него посмотреть, и вернемся к гнезду.

Неподдельная искренность и ласковый голос сестры успокоили Бретт, и она протянула ей яйцо. Улыбка Эштон тут же изменилась.

— Если оно не мое, то и не твое тоже! — С этими словами она сжала кулак и раздавила яйцо.

Бретт бросилась на нее — она была сильнее и проворнее — и не слишком женственно повалила сестру на землю. Схватив Эштон за волосы, девочка колотила ее, пока та не завизжала. Этот крик и слышали Купер и Тиллет. Отец растащил драчуний, потребовал от каждой объяснений, потом переброшил обеих разом через колено и как следует отшлепал. И все это успел сделать до того, как их мать прибежала из дома на крики.

Бретт рыдала, протестуя против несправедливости. Эштон надрывалась еще громче. Но несмотря на то что она закидывала голову назад, корчила страдальческие гримасы и всячески изображала оскорбленную невинность, глаза ее сияли. На первый взгляд могло показаться, что они блестят от слез. Но более внимательный наблюдатель увидел бы, что ей весело. Кларисса, Тиллет и Купер не заметили этого.

Зато заметила Бретт.

* * *

Примерно в трех четвертях мили от дома Мэйнов, в небольшом отдельном поселении на плантации, в то же са-

мое время произошла другая драка. Черный мальчик и белый мальчик катались в пыли посреди улицы, сражаясь за обладание бамбуковой удочкой.

Улица тянулась между двумя рядами выбеленных хижин, где жили рабы. Здесь же, вдали от хозяйского имения, находились небольшая больничка, крошечная церковь, а в дальнем конце улицы возвышался пятикомнатный дом, стоявший на опорах из глины и щебня. Этот дом принадлежал главному надсмотрщику Монт-Роял мистеру Салему Джонсу – уроженцу Новой Англии и стороннику строгой дисциплины. Джонса вырастила здесь же, на Юге, его рано овдовевшая мать, и примерно одиннадцать лет назад он пришел в Монт-Роял с блестящими рекомендациями с другой плантации. Но Тиллет все равно смотрел на него как на янки, то есть как на вечного чужака. Со временем старания Джонса на благо Мэйнов помогли Тиллету отчасти преодолеть недоверие, но окончательно от своей подозрительности он так и не избавился.

Мальчишки мутузили друг друга под безразличными взглядами чернокожих детей и мужчин, слишком старых, чтобы работать. Трудно сказать, который из двух был задиристее или грязнее. Белый мальчик – загорелый семилетний крепыш – был Чарльзом Мэйном. Кузен Чарльз – так называла его Кларисса, чтобы отличить от Мэйнов собственной семьи.

Чарльз был исключительно красивым ребенком. Однако

привлекательная внешность была, пожалуй, его единственным наследством. Чарльз был сыном брата Тиллета, бездарного адвоката Хьюджера Мэйна. Хьюджер и его жена находились на том самом пароходе, который затонул по пути в Нью-Йорк у мыса Гаттерас в 1841 году. Чарльза на время отдыха родители отвезли к его тетушке и дядюшке. Он был их единственным ребенком и остался у родственников после похорон, когда в землю были зарыты два пустых гроба.

Жизнь Чарльза на плантации была легкой, хотя и одинокой. Каким-то внутренним чутьем, свойственным юности, он почувствовал, что дядя Тиллет не особенно горюет о его отце и, вероятно, поэтому не слишком думает и о своем единственном племяннике. Чарльз обратил эту холодность себе во благо. Его тетя и дядя позволяли ему жить так, как он хотел, не делая попыток обречь его на скучные занятия с наставником-немцем. Чарльз много рыбачил и с удовольствием бродил по лесам и болотам, окружавшим плантацию. Дружил он с чернокожими детьми и с одним из них, Каффи, сейчас сражался из-за удочки.

Громкие голоса в одном из домишек привлекли внимание мальчиков и нескольких рабов. В дверях показалась знакомая фигура. Маленький, лысый и толстый, Салем Джонс был обладателем одной из самых ангельских физиономий в мире, но вел себя совсем не ангельски и считал необходимым как можно чаще демонстрировать свою власть, заходя, куда ему вздумается, с плеткой в руке и толстой дубиной на рем-

не.

Друзья прекратили потасовку, тем более что, пока они боролись, Чарльз случайно сломал удочку. Вид у него, как обычно, был растрепанный: щеки и подбородок вымазаны грязью, рубашка торчала из-за пояса. На прошлой неделе драка с двоюродным братом Каффи Джеймсом стоила ему одного переднего зуба. Но он считал, что щербинка во рту только придает ему лихости.

– Джонс опять подкатывался к Семирамис, – прошептал Каффи. – С тех пор как жена умерла полгода назад, он все время пытается.

– Пока она была жива, он тоже пытался, только так, чтобы никто не видел, – сказал Чарльз. – Так дядя Тиллет говорит.

Салем Джонс прошагал по улице и исчез за своим домом. Чарльз осторожно подошел ближе к лачуге, где жила семья Семирамис. Через открытую дверь в тусклом свете смутно вырисовывался стройный силуэт девушки. Но хотя Чарльз не мог хорошо ее видеть, он живо представлял себе ее образ: шелковистая черная кожа, точеные черты лица, пленительное гибкое тело. Все молодые мужчины на плантации неизменно провожали ее восхищенными взглядами.

Показался Джонс верхом на коне. Вид у него был злобный.

– Приаму точно сегодня достанется, – предположил Каффи, глядя, как надсмотрщик направляется в сторону полей. – Старик Джонс не получил от нее то, чего хотел, значит отыграется на ее брате.

Чарльз посмотрел на солнце:

– Мне бы надо домой возвращаться, скоро обед. Но я, пожалуй, останусь здесь, подожду, чем это закончится.

Все равно никто из домочадцев не хватится его, решил он.

Бродя по поселку, он думал о том, чем может обернуться вся эта история. Высокий и физически крепкий, брат Семирамис обладал еще и очень сильным характером. Хотя его предков привезли из Анголы три поколения назад, в Приаме по-прежнему жил неугасимый дух свободы, которой он был лишен.

Чарльз вполне разделял негодование Приама. Он совершенно не понимал порядка, который даровал свободу одним людям, потому что они были белыми, и лишал ее других только потому, что у них другой цвет кожи. Он находил эту систему несправедливой, даже варварской, и в то же время считал, что она должна быть незыблемой и повсеместной.

Бывало, что они говорили о некоторых сторонах рабства с Каффи. К примеру, Семирамис ничего не имела против имени, данного ей при рождении, хотя Каффи находил его чересчур вычурным. Она совсем не видела в этом какой-то скрытой насмешки над своим положением невольницы. А вот Приам чувствовал издевку очень хорошо. И не делал тайны из того, что ненавидит свое имя.

– Приам сказал, что не будет человеком мистера Тиллета вечно, – доверительно сообщил однажды Каффи. – Он часто так говорит.

Чарльз понимал, что это значит. Приам собирался бежать. Но зачем? Разве рабство существует не везде? Каффи думал, что не везде, хотя и не мог этого доказать.

Он бродил по поселку почти до самого вечера. Успел даже часик подремать в прохладной темной церкви, а потом сел на ступеньках одного из домишек и начал обстругивать ножом деревяшку, когда с полей потянулись рабы с мотыгами на плечах.

Джонс вернулся домой час назад. Когда он вышел на свое крыльцо, Чарльз увидел, что на его рубашке темнеют пятна пота, а дубинка и плетъ явно нарочито выставлены напоказ.

– Эй, Приам! – крикнул Джонс с любезной улыбкой.

Раб, на целую голову выше и на пятнадцать лет моложе надсмотрщика, вышел из группы неторопливо шагавших негров.

– Да, мистер Джонс? – не слишком уважительно откликнулся он.

– Мой помощник сказал, что в последнее время ты плохо работаешь. Да еще и много жалуешься. Не давать ли мне тебе особую норму на каждый день?

Приам покачал головой:

– Я делаю все, что надо. Но мне ведь не обязательно это должно нравиться, да? – Он посмотрел на других рабов, и в его взгляде вспыхнула обида, даже угроза. – Помощник никогда мне не говорил, что он мной недоволен.

Джонс сделал шаг вниз по ступеням – только один, сойди

он дальше, макушка его головы оказалась бы ниже уровня глаз Приама.

– Ты и вправду думаешь, что он бы тебе сказал? Нет. Ты слишком глуп, чтобы понять. Ты годишься только для того, что ты делаешь. Твоя работа для ниггеров. Или для скота. – Главный надсмотрщик ткнул дубинкой в живот Приама, стараясь вывести раба из терпения. – Я собираюсь побольше нагрузить тебя работой на недельку-другую. Еще полнормы дополнительно на каждый день.

Кто-то в толпе рабов судорожно вздохнул. Почти у всех плантаторов, за исключением самых жестоких, рабам было принято давать только одну норму в день. Опытный работник мог справиться с ней задолго до захода солнца, и у него еще оставалось достаточно времени и для собственного огородика, и для каких-то личных дел.

Приам стиснул зубы. Он прекрасно знал, что нельзя пререкаться с надсмотрщиком. Но Джонс явно нарочно злил его. Чарльз просто ненавидел этого жирного маленького янки с лысым черепом и плаксивым, гнусавым голосом.

– Ну, ничего не скажешь на это? – Джонс снова ткнул Приама дубинкой, на этот раз сильнее. – А я ведь могу и еще кое-что сделать, не только увеличить тебе норму. Я могу сделать то, к чему призывает твой наглый взгляд. – Он потряс плеткой перед носом Приама. – Что-то вроде этого.

Столь односторонний характер ссоры вынудил Чарльза рвануться с места, как пушечное ядро.

– Мистер Джонс, у вас есть плеть и дубинка, а у Приама ничего нет. Почему бы вам не поступить по справедливости? Дайте ему или то, или другое, а потом подеритесь честно!

Стало очень тихо. Рабы испуганно застыли. С реки доносился хриплый рев аллигатора. Даже во взгляде Приама угас яростный огонь, разожженный Джонсом. Ошеломленный надсмотрщик уставился на мальчика:

– Ты защищаешь этого ниггера?

– Мне просто хотелось бы, чтобы с ним обращались справедливо. Все говорят, что он отличный работник. И мой дядя так говорит.

– Он ниггер. Он и должен хорошо работать. Пока хребет не сломает, если понадобится. А тебе полагается находиться в господском доме, там твое место. Ты постоянно болтаешь здесь, и я уже начинаю задумываться, почему это так. Что тебя так здесь привлекает? Может, своих чувствуешь, вроде как рыбак рыбака видит издалека? Может, в тебе есть черная кровь?

Чарльз взбесила скорее усмешка надсмотрщика, чем само оскорбление. Он наклонил голову и изо всех сил боднул Джонса в живот. А потом два раза ударил кулаком и бросился бежать со всех ног.

До самых сумерек Чарльз прятался у реки. Наконец он решил, что дольше тянуть нельзя и пора вернуться домой. Когда он медленно шел через сад, из-за кустов раздался тихий свист, привлечший его внимание.

Лицо Каффи сияло в угасающем свете. Ухмыляясь, он сообщил, что своей смелой выходкой Чарльзу удалось отвлечь Джонса от его главной цели. Он так взбесился, что потерял к Приаму всякий интерес.

Голодный и усталый, Чарльз поплелся к дому. Теперь его победа почему-то не казалась ему такой важной. А когда он увидел, что дядя Тиллет ждет его с мрачным видом, она стала приобретать очертания настоящей беды.

– С час назад приходил Джонс, – сказал Тиллет. – Пойдем-ка со мной в библиотеку. Я хочу услышать, что ты сам скажешь в свое оправдание.

Чарльз послушно пошел следом. Ему всегда нравился дом Мэйнов именно в это время дня. Серебряные вазы и чаши, полированная мебель из розового дерева и ореха отражали огоньки свечей и ламп. Хрустальные подвески люстр слегка покачивались на легком ветерке, влетавшем в открытые окна, и тихо звенели. Домашние слуги негромко переговаривались и смеялись, заканчивая работу. Сегодня ничего этого Чарльз не видел и не слышал.

Библиотеку Тиллета Чарльз тоже всегда любил, любил ее громоздкую, мужскую мебель и очень реалистичное изображение римских развалин на стенной росписи над каминной полкой. На стеллажах здесь стояли сотни замечательных книг на английском, латыни и греческом. Сами книги Чарльза не слишком занимали, а вот то, что дядя их все прочитал, приводило его в восторг. Но этим вечером библиотека каза-

лась ему чужой и пугающей.

Когда Тиллет попросил племянника объяснить свое поведение, мальчик, запинаясь, рассказал, что встал на сторону, как ему казалось, несправедливо обиженного, потому что у Джонса была плеть и дубинка, а у Приама – ничего.

Покачав головой, Тиллет взял в руки трубку:

– Не твое дело – вставать на чью-то сторону в таких стычках. Ты прекрасно знаешь, что Приам – один из моих людей. У него нет таких же прав и привилегий, как у белого человека.

– Но разве он не должен их иметь? Почему он обязан терпеть, если кто-то хочет его ударить?

Тиллет принялся раскуривать трубку. Когда он снова заговорил, его голос звучал тише, а это всегда было признаком гнева.

– Ты еще слишком молод, Чарльз, поэтому легко можешь стать жертвой превратных представлений... ну то есть неправильных взглядов, – пояснил он, видя, что сложное слово вызвало у мальчика недоумение. – Я забочусь о своих людях. Они это знают. А мистер Джонс, хотя он и хороший управляющий, часто ведет себя чертовски глупо. Ему нет никакой нужды размахивать плетью и дубиной. У нас в Монт-Роял нет негров-баламутов. Впрочем, я не прав. Приам и еще один или двое иногда проявляют бунтарский характер. Но не постоянно и не в такой уж непростительной мере. Я многое делаю для того, чтобы поддерживать на плантации

благоприятную обстановку. И мои люди счастливы.

Он умолк, ожидая от мальчика одобрительного ответа.

– Как же они могут быть счастливы, если не имеют права поехать, куда захотят, или делать, что им хочется? – спросил Чарльз.

Вопрос был абсолютно естественным, однако Тиллет разозлился:

– Не задавай вопросов о вещах, которых не понимаешь! Такой порядок выгоден людям. Если бы они не оказались здесь, они бы жили в полной дикости. Негры счастливы, когда вся их жизнь организована для них же самих, когда за них думают другие. Что до вас, молодой человек... – Взгляд Тиллета скользнул к двери, которую он не закрыл как следует, когда они с Чарльзом вошли в библиотеку. Снаружи кто-то подслушивал. Тиллета, похоже, это не встревожило. Он ткнул трубкой в сторону мальчика. – Если ты еще раз доставишь неприятности мистеру Джонсу, я тебя отшлепаю как следует. Я хочу, чтобы ты вел себя пристойно и старался поступать как молодой джентльмен... хотя и понимаю, что моя просьба, пожалуй, невыполнима, учитывая твой характер. Все, можешь идти.

Чарльз резко развернулся и выбежал из библиотеки. Он не хотел, чтобы дядя заметил, как его глаза вдруг наполнились слезами. Выскочив за дверь, он вздрогнул от неожиданности, когда увидел стоящую за ней фигуру.

Но это оказалась всего лишь тетя Кларисса.

– Чарльз... – Она протянула к нему руку с жестом утешения.

Дядя считал его никудышным. Наверняка и тетя тоже. Чарльз увернулся от ее руки и выскочил из дому в темноту.

* * *

Позже тем же вечером в большой спальне на втором этаже с окнами, выходящими на реку, Тиллет помогал жене расшнуровать корсет. Освободившись из тесного плена, она обошла несколько частично уложенных сундуков и саквояжей и скрылась за ширмой, чтобы закончить приготовления ко сну.

Тиллет натянул льняные кальсоны, которые надевал на ночь в теплую погоду. Они были не слишком изысканными, зато удобными. В спальне было тихо. Эта тишина встревожила Тиллета. Он посмотрел в сторону ширмы:

– Ну же, Кларисса! В чем дело? Говори быстрее, я хочу выспаться.

Она вышла из-за ширмы в ночной рубашке, расчесывая распущенные седые волосы. Кларисса Мэйн была маленькой женщиной с изящными аристократическими чертами, которым странным образом совершенно не соответствовали ее крестьянское пухлощекое лицо и крупные руки. Как многие полагали, ее сыновья были похожи на нее только в одном: у них были точно такие же носы. Предки Клариссы бы-

ли гугенотами, и в Каролину семья Голт приехала на два года раньше Чарльза де Мэйна, о чем Кларисса всякий раз напоминала мужу, когда он становился чересчур властным.

– Я уже извинилась за то, что подслушивала, – сказала она. – Как ты воспитываешь кузена Чарльза – это твое дело. Он ведь сын твоего брата.

– Ты не можешь так легко увернуться, – с мрачной иронией произнес Тиллет. – Уж я-то знаю, что у тебя на этот счет имеются собственные идеи.

– А ты станешь слушать, если я их выскажу? – Вопрос прозвучал серьезно, без всякой издевки. Супруги редко спорили, но тем для обсуждения у них было предостаточно. – Думаю, не станешь. Ты уже записал мальчика в неудачники.

Тиллет ответил пословицей:

– Каков отец, таков и сын. Яблоко от яблоньки...

– Иногда. А иногда – нет.

– Но у него опасные наклонности. Ты ведь слышала, какие вопросы он задавал?

– Тиллет, дорогой мой, кузен Чарльз не единственный, кто сомневается в справедливости того порядка, при котором эта семья живет уже шесть поколений.

– Живет и благоденствует, – уточнил Тиллет, тяжело опускаясь на край кровати под пологом. – Как и семья Голт.

– Я этого и не отрицаю.

– Даже моего собственного сына уже начали посещать эти безумные идеи.

Обвиняющий тон мужа разжег гнев Клариссы.

– Если ты собираешься прочесть свою обычную лекцию о том, что ученость Купера замутила ему мозги и что виновата в этом я, то я этого слышать не желаю. Я тебе просто напомню, что Купер отправился в Йель – туда, где ты сам учился, – по твоему настоянию. И – да, я действительно разделяю некоторые его сомнения насчет того, что держать в рабстве десятки тысяч людей – это хорошо для их же пользы.

– Ты просто боишься бунта, – отмахнулся Тиллет. – Ничего подобного здесь не случится. У нас тут не Гаити. И в Монт-Роял нет никого, похожего на Визи и ему подобных.

Тиллет имел в виду организатора восстания рабов в 1822 году, некоего Денмарка Визи, свободного мулата из Чарльстона. Бунт так и не состоялся, заговор был раскрыт и вовремя подавлен. Но память о нем влияла на поведение и помыслы очень многих жителей Южной Каролины.

Снисходительность Тиллета еще больше рассердила Клариссу.

– Да, ты прав, я действительно боюсь негров. Но гораздо больше, чем страх, согласишься ты в это или нет, во мне говорит моя совесть.

Тиллет вскочил. На его щеках выступили красные пятна, однако он сдержал гневные слова, что рвались наружу, и быстро совладал с собой. Он любил Клариссу, и только поэтому она была единственным человеком, способным не только спорить с ним, но и настоять на своем.

– Мы ушли далеко от того, с чего начали, – произнес он уже более спокойно.

– Да, ты прав, – кивнула она, улыбаясь в знак примирения. – Я только хотела сказать, что ты мог бы сделать для этого мальчика нечто большее, чем без конца осуждать его. У него такая огромная энергия. Почему бы тебе не попытаться направить ее в положительное русло?

– Как?

Она вздохнула, слегка пожимая плечами:

– Ох, если бы я знала.

Погасив лампы и задернув полог, защищавший от ночной прохлады, Тиллет прижался к жене и положил ладонь на ее бедро, как делал каждую ночь. Их спор никак не хотел отпускать его. Возможно, потому, что в глубине души Тиллет чувствовал правоту жены в отношении кузена Чарльза. Как и Кларисса, он часто ломал голову, пытаясь найти решение этой проблемы, но так ничего и не придумал. И неизбежно прятал свою растерянность за враждебностью.

– Ну, у меня нет времени на геркулесовы усилия по исправлению этого юного негодника. Я сказал «геркулесовы»? Лучше слова и не придумать. Но я, как и все разумные люди вокруг нас, убежден, что Чарльз плохо кончит.

– Если все так думают, – грустно пробормотала Кларисса, – значит так оно и будет.

Глава 5

Летние сборы 1843 года прошли для Джорджа и Орри намного приятнее предыдущих. Джордж получил звание капрала, и это событие немного смутило самолюбие его друга, который продолжал грезить о военной карьере. Тем не менее Орри тепло пожал Джорджу руку, поздравляя его, и они вместе поспешили к Бенни за пивом и сигарами. Никто за ними не следил. Они теперь были «старички».

Все время, пока шли летние сборы, Орри тревожился из-за учебы на третьем курсе. Он уже не был «плебеем», но это вовсе не означало, что он мог расслабиться. Тем более что в новом учебном году его ждало еще больше занятий по французскому и в придачу добавлялись черчение и начертательная геометрия.

Джордж уговорил его пойти на последний летний бал. Как обычно, танцы проходили в главном корпусе – строгом здании из бурого песчаника и гранита. В окружении модно одетых девушек и их матерей, приехавших из гостиницы и из Баттермилк-Фолс, Орри чувствовал себя ужасно глупо. Он совершенно не представлял, как себя вести, и пришел сюда только потому, что устал от настойчивых просьб друга.

В парадном мундире Орри не просто задыхался. Ему казалось, что он смешон. Впрочем, какую-то награду за страдания он все-таки получил. Ему нравилось смотреть на при-

пудренные плечи и кокетливые глазки дам, хотя сладостные чувства и отравляло сознание того, что ни одна из девушек даже не взглянула в его сторону.

Елкана Бент тоже устроил им небольшое развлечение. Он явился в сопровождении какой-то дурнушки с вытянутым лицом и плохой кожей. Джордж подтолкнул друга локтем и хихикнул. Пикетт чуть не лопнул, пытаясь сдержать смех.

– Просто поверить не могу, – сказал он. – Неужели Бент наконец-то нашел кого-то, кто захотел танцевать со слоном?

Стоящий на противоположном конце переполненного зала Бент заметил их внимание и одарил друзей злобным взглядом. Джордж ничуть не испугался и продолжил ухмыляться:

– Думаю, когда ты так же безобразна, как эта бедняжка, ты даже вниманию Бента будешь рада.

Глядя на девушек в зале – красивых и не очень, – Орри проклинал себя за свою неуклюжесть. Джордж уже танцевал без передышки, а он наблюдал за танцующими парами, стоя у стены. Он бы и сам хотел пригласить кого-нибудь, только не знал, как это делается.

Так он и простоял в сомнениях почти час, пока его не спас Джордж. Когда тот подошел, держа под руки сразу двух девушек, Орри сразу понял, что одна из них предназначалась для него. Вскоре Хазард уже закружился со своей партнершей в очередном танце, а Орри стоял ни жив ни мертв и готов был провалиться сквозь землю от смущения. В незна-

дежных попытках блеснуть остроумием он стал задавать девушке какие-то нелепые вопросы, но симпатичная пухленькая блондинка, казалось, не слушала его. Как замороженная она смотрела на его безупречный мундир, не сводя глаз с рядов блестящих пуговиц, что, очевидно, помогало ей не заметить отсутствие светского лоска в ее кавалере.

Это была некая мисс Дрейпер из Олбани. Ее неспособность сосредоточиться на каком-либо умном замечании собеседника, а вернее, вообще на любой беседе в конце концов подтолкнула Орри к тому, чтобы пригласить ее на танец. И он тут же принялся наступать ей на ноги. Их разговор во время танца состоял из непрерывных извинений. Когда же Орри спросил, не желает ли мисс прогуляться, она мгновенно согласилась.

Теперь у него появился пропуск, позволяющий ему пройти по Дорожке Флирта – так кадеты прозвали одну укромную тропинку в саду, – и Орри повел девушку туда. Однако уединение не придало ему уверенности. Напротив, слыша то и дело раздававшийся в темноте аллеи шорох веток (а может, то было шуршание атласа и шелка под чьими-то нетерпеливыми руками), он смущался еще больше. Они сели на скамью и погрузились в неловкое молчание.

Неожиданно мисс Дрейпер открыла сумочку и извлекла из нее пакетик с маленькими сахарными печеньями, который прихватила из буфетной отеля. Она предложила Орри попробовать лакомство, но когда он попытался откусить ку-

сочек, то уронил печенье на землю. После этого мисс Дрейпер несколько долгих секунд смотрела на него, словно чего-то ожидая, а потом вдруг вскочила:

– Пожалуйста, отведите меня обратно, сэр. Здесь слишком прохладно.

На самом деле было на удивление тепло. Орри проводил мисс Дрейпер до танцевального зала в мучительном молчании. Не прошло и тридцати секунд, как девушка уже танцевала с другим кавалером. В общем, вечер был окончательно испорчен, как Орри и ожидал.

– Никогда больше не пойду на эти чертовы танцульки! – заявил он Джорджу, когда они вернулись в свою комнату. – Мне нравятся девушки, но рядом с ними я совершенно теряюсь. Я совсем не умею ухаживать. Мисс Дрейпер попрощалась со мной так, словно я заразный.

– Мальчик мой, ты пренебрег принципом *quid pro quo*. Услуга за услугу.

– О чем ты?

– Мисс Дрейпер предлагала тебе какой-нибудь маленький подарок? Ну, например, печенье?

– Как, черт возьми, ты узнал?

– Потому что я их тоже получил.

– От нее?

– Конечно нет. От других девушек.

– Их что, было много?

– Несколько. Пойми, это часть игры. В ответ на свой по-

дарок девушка ожидает получить какой-то сувенир, и настоящий джентльмен просто обязан не обмануть ее ожиданий. Как ты думаешь, почему я выпрашиваю запасные пуговицы и пришиваю их на мундир?

— Ну да, я заметил, что ты постоянно теряешь пуговицы. Постой, ты хочешь сказать, что мисс Дрейпер ждала от меня...

— Истинный храбрец заслуживает внимания красавицы, — перебил его Джордж, — но красавица, в свою очередь, хочет иметь пуговицу вестпойнтовца. Особенно перед тем, как пожмет тебе руку или поцелует. Друг мой, пуговица с кадетского мундира — самый желанный романтический сувенир во всей стране!

— Бог мой!.. — выдохнул Орри. — А я и не знал. Неудивительно, что она рассердилась. Ох, ну ладно. Наверное, я просто из тех мужчин, кого Бог сотворил для одной-единственной женщины.

— И для одной-единственной карьеры? Орри, ты уж слишком серьезен!

Железная кровать Джорджа скрипнула в темноте, когда он повернулся лицом к другу.

— Знаешь, если уж мы всегда честны друг с другом, то у меня есть к тебе один вопрос, который давно меня занимает. Хотя, мне кажется, я уже знаю ответ.

— Ну и?..

— Ты когда-нибудь был с женщиной?

– Послушай, это слишком личное, не говоря уже о том, что хвастаться этим непорядочно.

– Да что б тебя! Не морочь мне голову своими южными нотациями. Просто ответь: был или нет.

– Нет... – с трудом выдавил Орри.

– Надо с этим что-то делать.

– Делать? В каком смысле?

– Господи, у тебя такой голос, словно мы говорим о холере!

Орри понял, что друг только притворяется рассерженным. Нервно хихикнув, он пробормотал:

– Ну, извини. Продолжай.

– В деревне живет парочка весьма сговорчивых дам. Визит к одной из них может наконец избавить тебя от всяких сентиментальных заблуждений относительно женщин. И наверняка поможет тебе убедиться в том, что женщины не разбиваются на мелкие осколки от одного твоего взгляда – хоть осторожного, хоть похотливого. – Орри попытался вставить слово, но Джордж решительно добавил: – Никаких возражений! Обойдется это недорого, а урок будет очень познавательный. Если ты ценишь нашу дружбу, ты должен пойти.

– Я так боялся, что ты скажешь что-нибудь в этом роде, – ответил Орри, надеясь, что голос не выдал его внезапного волнения.

Орри думал, что о его посвящении в мужчины будут знать только Джордж и та женщина, но спустя несколько дней выяснилось, что его друг собрал еще четверых кадетов, и в результате они отправились в Баттермилк-Фолс вшестером. Таким образом, ни о какой тайне не могло быть и речи.

Дама, к которой они пришли, показалась ему древней старухой, хотя на самом деле ей не исполнилось еще и тридцати трех. Звали ее Алиса Пит. Это была полногрудая брюнетка с добрыми глазами, застывшей улыбкой и лицом, с которого труд и тяготы жизни стерли почти всю привлекательность. Джордж рассказал, что эта женщина – вдова, которой приходится заниматься стиркой и «другими вещами», чтобы выжить самой и прокормить троих детей и кошку. Ее муж, матрос с речного парохода, упал за борт и утонул во время шторма два года назад.

Алиса Пит отправила детей к подруге, так что дом был в их полном распоряжении. Впрочем, домом это трудно было назвать, больше подошло бы слово «лачуга». Комнат было всего две: одна большая, другая поменьше – видимо, для вечерних занятий. Разделяла их довольно хлипкая дверь.

Орри проглотил порцию обжигающего виски, налитого хозяйкой. И тут же его охватили стыд и застенчивость. Он знал, что не сможет войти в ту дверь. Не говоря ни слова, он

вышел на крыльцо.

Лачуга Алисы Пит находилась в южном конце деревни, достаточно далеко от ближайших соседей. И если и было в ее доме хоть что-то хорошее, то это совершенно потрясающий вид на освещенный звездами Гудзон. Орри сел на ступеньки и стал смотреть на реку.

Алиса, похоже, не слишком тосковала по мужу. Она смеялась, пила и наслаждалась жизнью с остальными кадетами. Вечеринка становилась довольно бурной. Примерно через час Орри понял, что о нем забыли, но был этому только рад. А потом входная дверь с шумом распахнулась.

Наружу вывалился кадет Стриблинг. Они подружились еще на первом курсе.

– Мэйн? Вы куда пропали, сэр? Мадам Помпадур-Пит ждет. И поверьте мне, это имя я выбрал не случайно.

В этот момент Стриблинг едва не свалился с крыльца. Но ухватился за перила и громко рыгнул.

– Бог мой, эта особа ненасытна! Мы тут пробудем всю ночь. Ну и ладно – цена та же самая. Иди же! Твоя очередь.

– Спасибо, но, думаю, я останусь...

– Кадет Орри Мэйн! – Это кричал Джордж. – Идите сюда и исполните свой долг, сэр!

Послушав еще несколько минут беззлобные шуточки в свой адрес, он неохотно зашел в дом. Насмешки кадетов сопровождали его, пока он шел через большую комнату в маленькую и закрывал за собой дверь. Он был напуган до смер-

ти. Но к своему удивлению, обнаружил, что начинает хоть чем-то оправдывать свое прозвище, когда вдруг почувствовал, как натянулась ткань на том месте, где в брюки был вшит гульфик. Гульфики появились на форме вестпойнтовцев недавно. Их ввели, несмотря на возражения многих, в том числе и жены суперинтенданта, которая считала пришитые спереди пуговицы не чем иным, как признаком морального разложения. Похоть признавалась публично! И правительством в том числе!

Орри вдруг пришла в голову дикая мысль о том, что от растущего натяжения пуговицы могут оторваться. В темноте от прачки исходил приятный терпкий запах – смесь запахов туалетной воды, виски и теплой плоти.

– Сюда, – прошептала она.

Он налетел на край кровати, потом нашел дорогу. Алиса Пит не засмеялась. Возможно, она была пьяна, однако в голосе ее звучала ласка.

– Иди сюда, милый. Ты ведь Орри, да?

– Да, точно. Орри.

– Хорошее имя. Твой друг сказал, для тебя это в новинку.

– Ну...

– Тебе незачем отвечать. Сядь.

Весь горя – неужели он подхватил лихорадку? – Орри сел на край кровати.

– Мы сделаем все так, чтобы тебе было легко и приятно, милый, – сказала она и стала прикасаться к нему так, что и

более искушенный мужчина на его месте мог бы лишиться рассудка.

Она была опытна. Уже через десять минут он судорожно дышал помимо своей воли, и никаких тайн не осталось.

На обратном пути к казармам Орри пытался заверить Джорджа, что отлично развлекся. Однако сам себе он втайне мог бы признаться в том, что объятия Алисы Пит оставили в его душе неизбывную и странную печаль. Возможно, он и шел не в ногу со всем остальным миром, но соития с едва знакомыми дамами были явно не для него. Посещение этой убогой хибары только лишний раз убедило Орри в том, что в его жизни должна быть одна женщина. Одна-единственная. Он был уверен, что узнает ее, как только увидит.

И если от этого он выглядел в глазах других романтическим дураком, пусть так и будет.

* * *

В один субботний день весны 1844 года Джордж и Орри вдруг обнаружили, что у них есть свободный час и нет взысканий, которые нужно отрабатывать дополнительными караулами. Сделав такое приятное открытие, они решили побродить по холмам в окрестностях Академии. В тот день Орри много узнал о семейном деле Хазардов. Семья его друга занималась литьем металла давно и плодотворно, но Орри до сих пор даже не догадывался, что Джордж тоже знает толк в

этом сложном и немного мистическом ремесле.

Шагая без всякой цели, друзья случайно оказались у края глубокой круглой ямы на склоне холма. Диаметр ямы был чуть больше двух футов. На дно сползла земля, а края уже поросли травой и молодыми побегами, отчего становилось понятно, что яма появилась здесь много месяцев, а то и лет назад.

Неожиданно Джордж пришел в сильное волнение. Опустившись на колени возле ямы и ничего не объясняя, он вдруг стал рыть землю обеими руками.

– Джордж, какого черта ты де...

– погоди! Я кое-что нашел.

Наконец он извлек из рыхлой глины свою находку – нечто вроде куска угля конической формы длиной около шести дюймов. Но Орри никогда не видел угля такого странного темно-коричневого цвета.

– Да что это такое, объясни толком!

– Нездешний гость, – ответил Джордж с какой-то странной, совсем невеселой улыбкой.

Увидев, как Орри нахмурился, явно недовольный таким загадочным ответом, Джордж показал на усеянное легкими облачками небо:

– Он прилетел оттуда. Это метеорит. Цвет показывает, что в нем очень много железа. Старые рабочие с нашего завода называют его звездным железом.

Он вертел шершавый предмет в руках, изучая его почти с

благоговением. Орри был поражен.

— О звездном железе знали еще древние египтяне, — негромко продолжал Джордж. — Этот кусок мог пролететь многие миллионы миль, прежде чем упал здесь. Отец говорит, что производство железа оказало больше влияния на ход истории, чем все политики и генералы с самого начала времен. — Он поднял осколок повыше. — И причиной тому вот это. Железо может разрушить все: семьи, состояния, правительства, целые страны. Это самое могущественное вещество во всей Вселенной.

— Неужели? — с сомнением спросил Орри и посмотрел вниз, на строевой плац Академии. — Ты действительно думаешь, что оно сильнее большой армии?

— Без оружия, а значит, без этого большие армии ничего не стоят.

Он произнес это с такой страстью, что Орри вздрогнул. Несколько мгновений спустя они пошли дальше. Вскоре Джордж уже вел себя как обычно, болтал и шутил. Но не выпускал из рук метеорит. Когда они вернулись в казарму, Джордж тщательно завернул его и спрятал, как драгоценное сокровище.

* * *

Как-то вечером, почти в конце мая, Джордж отправился за сигарами. Перед дверью заведения Бенни Хейвена он

остановился. Внутри шумная ватага исполняла в честь владельца пивной старую и всем знакомую песню. Каждый курс Вест-Пойнта пытался добавить к ней какую-нибудь запоминающуюся строфу, которая перешла бы к следующим поколениям. Почти всегда стихи были похабными, но на этот раз звучали на удивление пристойно.

Вперед, товарищ, ровней шаги!
Настроим мы голос свой
И песню споем, чтоб дрожали враги,
Когда мы идем гурьбой!
Для трезвых и скучных армейский удел —
Не лучший выбор пути.
Так славься, наш Бенни, чтоб всяк веселел,
Решая к тебе прийти!

Джордж заглянул в окно и нахмурился. В трактире было слишком много старших кадетов, в том числе и ненавистный Бент. Джордж уже подумал, не уйти ли ему, но он уже несколько дней обходился без сигар.

Он еще раз посмотрел в окно и на этот раз заметил парочку первокурсников. Почти все кадеты были пьяны — весна оказывала свое действие. Джордж быстро обдумал тактику. Он не должен позволять старшим считать, будто чувствует себя не в своей тарелке. А для этого необходимо держаться уверенно и невозмутимо. Джордж расправил плечи, растянул губы в дерзкой ухмылке и решительно вошел в трактир.

Так славься, наш Бенни, чтоб всяк веселел,
Решая к тебе прийти!

Кадеты последнего курса повернулись к Джорджу, крикнув на него больше для вида, чем с реальной угрозой. Он купил сигары и уже направился к выходу, когда к нему вдруг подбежал Бент и обнял рукой за плечи.

Джордж внутренне напрягся. И правый кулак тоже на всякий случай сжал. Но кулаки не понадобились. Взгляд Бента был туманен и рассеян. Он предложил Джорджу выпить с ним пива и бормотал что-то насчет того, что пора бы им всем забыть старое. Такое неожиданное поведение их злейшего врага ни на секунду не обмануло Джорджа, но он все же согласился с ним выпить, потому что никуда не спешил и хотел пить.

Основательно захмелевший Елкана Бент был не так чванлив, как обычно. Он возбужденно болтал о какой-то недавней новости из Вашингтона. Некий изобретатель Морзе послал сообщение по проводам до самого Балтимора.

– Неужели ты не понимаешь, как это важно, Хазард? Это же начало новой эры, ускорение передачи военных сведений! В точности то, что предсказывал старина Мэхен! В следующую войну...

– О какой войне речь? – перебил его Джордж.

– Да откуда мне знать? – Бент хлебнул еще пива, пролив

его на мундир. – Но она будет, уж поверь мне! – Его глаза даже слегка прояснились. – Человеческие существа просто не умеют решать свои разногласия по-другому! Такова уж животная природа людей. И я благодарен Богу за это, иначе как бы сложилась наша военная карьера?

Несколько кадетов прислушивались к их разговору. Один из них смотрел на Бента с таким же недоверием, как и Джордж. Но уроженец Огайо, похоже, ничего вокруг себя не замечал.

– Когда эта страна снова начнет сражаться, – вдруг заговорил он с неожиданным пылом, – то будет искать новых вождей и командиров. – Он наклонился вперед, щеки у него блестели, губы увлажнились. – И армия будет искать нового Бонапарта!

Джордж нервно засмеялся:

– Что ж, мистер Бент, ваш взгляд на мир куда шире моего. Я надеюсь уволиться из армии еще до того, как начнется ваша великая война. Но если я останусь, то постараюсь делать всего три дела. Исполнять приказы. Делать это как можно лучше. И уклоняться от пуль.

– Вот и правильно, – покачнувшись, одобрил Бент. – Рассудительный генерал сам никогда не полезет под выстрелы. Для этого есть солдаты. А любого солдата всегда можно заменить другим, точно таким же. Это взаимозаменяемые детали. И лучше потерять пятьдесят тысяч таких деталей, чем одного блестящего полководца.

– Любопытная теория, – пробормотал Джордж, резко вставая.

Он поблагодарил Бента за выпивку, но тот его не слышал. Он был слишком занят тем, что хватался за рукав Джорджа, пытаясь привлечь его внимание.

Джордж вырвался. Его уже тошнило от этого типа и его пьяных речей. Хотелось поскорее глотнуть свежего воздуха и увидеть что-нибудь, кроме маленьких безумных глаз Бента.

* * *

На той же неделе Пикетт пригласил Джорджа, Орри и еще нескольких друзей на пирушку. Такие посиделки были в традициях Вест-Пойнта. За три дня до события все приглашенные тащили из столовой остатки мяса, картофеля, масла и хлеба. Воровали еду всегда одинаково: прятали в фуражках, из которых вынимали жесткий ротанговый каркас.

Вечером в субботу, после проверки казарм, гости собрались в комнате Пикетта. Из мяса и овощей, принесенных товарищами, виргинец приготовил отменное рагу, пользуясь утварью, которая тоже была украдена и уже давно стала общей собственностью кадетов всей казармы. Солидная порция горячего рагу была предложена и ближайшему караульному, так что компания могла чувствовать себя в безопасности до отбоя.

Это был веселый, беззаботный вечер. Кадеты болтали обо всем подряд. Они обсудили проблему Орегона, поговорили об апрельском договоре, по которому Техасская республика вливалась в состав Союза, и о том, что демократы на партийном конвенте внезапно отвернулись от своего любимца ван Бюрена и в результате кандидатом в президенты был выбран Полк, открытый сторонник экспансии.

Те, кто ждал летних отпусков, обсуждали свои планы. Среди них был и Орри. А потом Джордж рассказал о своей недавней встрече с Бентом.

– Когда он говорил об американском Бонапарте, могу поклясться, то имел в виду себя. Но еще хуже другое: у меня сложилось стойкое впечатление, что он, не задумываясь, пошлет целый полк на смерть, если это послужит его целям. Даже ни на секунду не задумается. Он назвал солдат взаимозаменяемыми деталями.

Пикетт потянулся к камину за кастрюлей с длинной ручкой, в которой он разогревал остатки рагу:

– Позволю себе заметить, джентльмены, что кадет, о котором вы говорите, одержим идеей славы. И помощи Бог любому, кто встанет у него на пути, намеренно или случайно.

– Думаю, мы слишком серьезно его воспринимаем, – сказал худенький юноша из Миссури. – Он же просто болван. Клоун.

– Боюсь, это ты болван, если его недооцениваешь, – возразил Джордж.

- Да будет так! – воскликнул Орри. – Он опасен. Может быть, даже безумен. Держитесь от него подальше.
- И доедайте рагу, – добавил Пикетт.

Глава 6

Домой Орри плыл на каботажном пароходе. Когда он первый раз зашел в столовую, то чувствовал себя ужасно неловко в отпускном мундире, украшенном каким-то невероятным количеством штампованных позолоченных пуговиц, даже на обшлагах. Конечно, такая форма привлекала внимание. Впрочем, все смотрели на Орри вполне дружелюбно, кроме одного торговца из Коннектикута, который тут же не преминул проворчать что-то о напыщенной военной аристократии. Торговец полагал, что для надзора за Академией необходимо учредить общественный совет.

В Чарльстоне Орри решил не садиться на шлюп, а нанять лошадь, чтобы добраться домой по суше. Хотя это был и не такой быстрый путь, зато Орри мог вдоволь насладиться видами родных мест. Он не был здесь целых два года, и за это время, к своему удивлению, сумел пройти через множество испытаний, закаливших его волю и характер. Когда он думал об этом, у него поднималось настроение. Впереди был целый отпуск, и было бы еще прекраснее, если бы где-то его ждала девушка – та самая, единственная, которой он мог бы подарить традиционный кадетский знак любви: золотой вышитый веночек с готическими буквами «В. А. С. Ш.»³ украшавший черную бархатную ленточку на его фуражке.

³ Военная академия Соединенных Штатов.

Но такой девушки не было. И он уже начал свыкаться с мыслью, что так и не найдет ее за всю свою жизнь.

Не успел Орри выехать из города, как начался ливень. Он остановил лошадь, надел синий китель и покрепче натянул фуражку, чтобы козырек защищал глаза от воды, хотя, конечно, понимал, что все равно успеет вымокнуть до нитки. На плантации он надеялся встретить Купера и уже вместе с ним поехать в летний дом их семьи.

Справа поблескивала под дождем река. Слева темнели заросли карликовых пальм и дубов, сквозь редкие просветы иногда проглядывали болота. Плотный и влажный воздух был полон знакомых запахов и звуков.

По дороге ему встретились два негра, они везли тачку с продуктами в Чарльстон. Один сразу же достал разрешение и показал Орри, хотя тот ни о чем не спрашивал. Ни один раб не мог никуда поехать без письменного разрешения своего хозяина. В каждом округе полицейские патрули следили за дорогами и проверяли пропуска, хотя и не так тщательно, как хотелось бы некоторым плантаторам. Этой системе было уже много лет, и создавалась она для того, чтобы предотвратить большие скопления рабов, которые могли бы привести к бунту.

Орри ехал уже почти час, когда вдруг услышал испуганные голоса. Он поскакал в ту сторону, откуда они доносились, и вскоре увидел впереди красивую лакированную карету. Она лежала на боку справа от дороги.

Приглядевшись повнимательнее, он заметил, что дорога в том месте почти полностью размыта и для проезда осталась совсем узкая часть рядом с довольно крутой насыпью, на которую, должно быть, карета и налетела, когда пыталась преодолеть этот участок. Рядом лежали сломанные оглобли, но лошади нигде поблизости не было.

Рядом с перевернутой каретой стоял кучер. Он пытался дотянуться до верха и открыть дверцу. Испуганные голоса принадлежали женщинам, хотя самих дам Орри не видел. Зато видел с полдюжины саквояжей и сундуков, раскиданных по дороге. Один из них открылся, и что-то белое лежало теперь в вязкой дорожной грязи. Направляя лошадь вперед, Орри заметил, что все белые вещи щедро украшены кружевами. Пассажирки были явно не из бедного сословия.

Кучер заметил мундир Орри:

– Сэр, вы полицейский?

– Нет, но буду рад помочь.

– Похоже, у меня руки недостаточно длинные, чтобы открыть эту дверь.

– Дайте-ка я попробую.

Орри спрыгнул с лошади и вдруг заметил, как что-то длинное и тонкое быстро мелькнуло возле самой кареты и исчезло в одном из окошек. Если он не ошибся, то оно было оливкового цвета с темными полосками.

С этой минуты он действовал молниеносно. Подбежав к карете, он увидел, что она лежит прямо в болотистой луже.

Значит, скорее всего, это действительно была та змея, о которой он подумал.

– Я заберусь, – сказал он кучеру.

Взобравшись наверх по оси заднего колеса, Орри встал на боковину кареты, заглянул внутрь – и увидел два огромных темных глаза. Даже несмотря на свое тщательно скрываемое волнение, он успел заметить, что женщина в коляске очень молода, бледна и невероятно хороша собой. Ее чернокожая спутница была гораздо старше.

– Сейчас мы вас вытащим, леди, – сказал Орри.

Он присел на корточки и дотянулся до ручки дверцы, стараясь принять как можно более беспечный вид, а сам внимательно осматривал карету внутри. Наконец он заметил ее, замершую в складках юбки девушки. Змея была сзади, поэтому пассажирки ее, к счастью, не видели.

По лицу Орри текли дождевые капли и пот.

– Леди, умоляю вас выслушать меня и держаться спокойно, что бы я ни сказал. – Его серьезный тон сразу привлек их внимание. – Пожалуйста, не делайте резких движений и вообще ничего не делайте, пока я не скажу. К вам в карету забралась змея...

Их глаза расширились. Негритянка хотела наклонить голову и посмотреть вниз, но Орри прошептал:

– Не надо! Не двигайтесь!

Женщины замерли, Орри тоже. Змея разинула рот, выставив ядовитые зубы и белую, как хлопок, внутреннюю часть

пасти. С подбородка Орри упала капля воды... потом еще одна. Он ничего не слышал, кроме стука собственного сердца.

– Est-ce que le serpent est venimeux? – спросила девушка и, спохватившись, что говорит по-французски, добавила: – Это ядовитая змея?

– Очень, – чуть слышно ответил Орри. – Но они не нападают, если не чувствуют угрозы. Однако их легко напугать. Поэтому я и прошу вас не делать резких движений и не говорить громко. Если вы будете осторожны, все обойдется.

Он лгал. Или, по крайней мере, не говорил всей правды. К счастью, они не могли заглянуть в его душу и почувствовать его страх.

– Мы ничего в этом не понимаем, сэр, – с легкой виноватой улыбкой прошептала девушка. – Мы ведь горожанки.

И не из Каролины, понял Орри по ее выговору. Он не сводил глаз с мокасиновой змеи. Та снова закрыла пасть.

Внезапно черная женщина все-таки поддалась страху. Плечи ее задрожали. Прикусив нижнюю губу, она пыталась сдержать слезы, но не смогла.

– Успокойте ее, – прошептал Орри девушке. – Сделайте что-нибудь, чтобы она замолчала!

Девушка и сама была сильно напугана, но ей удалось справиться с собой и сохранять багоразумие. Медленно и очень осторожно она провела рукой, затянутой в перчатку, по рукаву своей спутницы. И, легонько сжав пальцы, едва слышно

прошептала:

– Мère Sally, prière de se taire encore un moment. J'ai peur aussi. Mais si nous pourrions rester tranquilles une minute de plus, nous serons en sécurité. J'en suis sûre.⁴

Негритянка кое-как совладала со своим ужасом. Медленно подняв левую руку, она коснулась светло-сиреневой перчатки девушки, как бы благодаря ее. Но ее движение оказалось слишком быстрым, а шорох ее блузки – слишком громким. И прежде чем Орри успел предупредить их об опасности, змея дернулась.

Девушка почувствовала ее на юбке и закричала. От охватившей его паники у Орри на какую-то долю секунды все поплыло перед глазами, но он тут же взял себя в руки и, схватившись за край окошка, всмотрелся вперед.

Змея исчезла. Очевидно, она провалилась в одно из окон, оказавшихся внизу, и в испуге уползла.

Орри ужасно расстроился. Весь план спасения был безнадежно испорчен. Однако путешественники с ним не согласились. Все трое пылко благодарили его, пока он помогал женщинам выбраться из кареты.

Сначала он помог негритянке, потом юной леди. Когда девушка встала на боковину кареты, Орри поддерживал ее за талию немного дольше, чем того требовалось. Очарованный ее белоснежной кожей, темными глазами, блестящими чер-

⁴ Мамушка Салли, пожалуйста, старайтесь не двигаться. Я тоже боюсь. Но если мы сохраним спокойствие хотя бы еще минуту, то будем в безопасности. Я в этом уверена (фр.).

ными волосами и изумительной пышной грудью под модным дорожным костюмом, он просто ничего не мог с собой сделать. Девушка была примерно его возраста, и он мог бы поклясться, что никогда не встречал никого прекраснее ее.

– Не знаю даже, как нам благодарить вас за вашу доброту, – сказала она. В ее словах слышался невысказанный вопрос.

– Мэйн. Орри Мэйн.

– Вы военный?

– Пока нет. Учусь в Военной академии Вест-Пойнта. А сейчас еду домой в отпуск на два месяца.

– Вы живете где-то рядом?

– Да, немного дальше вверх по течению реки.

Орри спрыгнул вниз и помог девушке спуститься. Прикосновение ее пальцев в перчатке взволновало его. У нее было округлое лицо и пухлые губы с едва заметным намеком на чувственность, и эта неожиданная деталь лишь добавляла очарования ее облику, в котором безошибочно угадывалась изысканная утонченность. Орри неохотно отпустил ее руку.

– А меня зовут Мадлен Фабрей. Мы едем на плантацию, которая называется Резолют. Вы знаете это место?

Орри с трудом удержался от того, чтобы не нахмуриться.

– Да, знаю. Плантация Ламотта. Это недалеко, – произнес он.

– Мы приехали из Нового Орлеана: мамушка Салли, Вильфранш и я. Никто из нас не уезжал из дому больше чем

на два дня. Боюсь, в Новом Орлеане люди ужасно провинциальны. Многие, пройдя от Оружейной площади до берега Миссисипи, сказали бы вам, что на всем континенте не на что посмотреть.

Конечно, она его поддразнивала, и он рассмеялся от души.

– Ну, в любом случае, – продолжала девушка, – Каролина для нас нечто совершенно новое. Мы надеялись добраться до Резолюта к обеду, но теперь, конечно, не успеем. Вынуждена признать, здешние дороги такие неровные. Вильфранш – прекрасный кучер, но здесь нам попало уж слишком узкое место. Лошади вырвались из упряжи и умчались, карета перевернулась... – Она пожала плечами – непринужденно и выразительно. И одарила Орри удивительно теплой улыбкой. – К счастью, некий кавалер скакал мимо и спас нас.

Орри порозовел:

– Вы больше обязаны спокойствию той змеи, чем мне.

– Нет, мистер Мэйн, именно вас я должна благодарить. – Мадлен Фабрей порывисто коснулась его рукава. – Всегда...

На мгновение она заглянула ему в глаза. Потом, заметно покраснев, отдернула руку, и на ее лице отразилась досада.

Орри недоумевал. Ему показалось, что девушке самой хотелось дотронуться до него, но когда она это сделала, то тут же пожалела о своем поступке. Орри слышал, что женщины в Новом Орлеане обладают в высшей степени утонченными манерами, но ведь коснуться рукава мужчины в знак благо-

дарности – это не такой уж страшный грех? Что же ее так раздосадовало?

Конечно, спросить он не осмелился. А если бы даже и осмелился, то ответа все равно бы не получил. В этой девушке чувствовалась какая-то закрытость, некий барьер, который прятал от мира ее мысли и чувства. За этим барьером и скрывался ответ на маленькую загадку: почему рука, коснувшаяся его, была тут же отдернута с удивлением и, возможно, даже с легким стыдом?

Но даже несмотря на этот флёр загадочности, Орри казалось, что он уже много узнал об очаровательной путешественнице, и за такое короткое время. Она была умна, аристократична, но, в отличие от многих дам своего круга, не так холодна и бесстрастна. Скорее наоборот – она проявляла свои чувства с милой непосредственностью, и эти пленительные свойства ее натуры привлекали даже больше, чем ее красота. На одно головокружительное мгновение Орри вдруг охватило чувство, что они нашли друг друга.

Романтический осел, подумал он уже через секунду. Вильфранш вежливо, но недвусмысленно намекнул на то, что хорошо бы продолжить путь. Орри откашлялся:

– В миле отсюда, на развилке, есть лавка. Там я найду для вас пару мулов и двух-трех негров, чтобы поставить вашу карету обратно на дорогу.

Он помог кучеру собрать рассыпавшийся багаж, хотя и делал это без особого рвения. Ему неприятно было думать, что

эта милая молодая женщина едет в гости к владельцу Резолюта Джастину Ламотту, которого он отлично знал и недолюбливал.

Ламотт происходил из древнего гугенотского рода. Его предок прибыл в Каролину более чем на год раньше Чарльза де Мэйна. Поэтому Джастин, его брат Фрэнсис и вся их большая семья смотрели на Мэйнов сверху вниз, как, впрочем, и на всех остальных. Такому высокомерию ничуть не мешало то обстоятельство, что из-за плохого управления своей землей и весьма расточительного образа жизни Джастин почти совсем обнищал. При первом и даже при втором знакомстве он производил весьма приятное впечатление, многие даже считали его чрезвычайно обаятельным. Однако Орри знал его совсем с другой стороны.

Неудивительно, что ему так хотелось выяснить как можно больше о госте этого человека. Передавая кучеру очередной перепачканный саквояж, он спросил Мадлен:

– Судя по вашему имени, вы француженка?

Она засмеялась:

– В Новом Орлеане почти у всех французские имена, потому что большинство местных жителей и особенно церковники упорно настаивают, что не могут ни произнести, ни запомнить что-либо другое. Вы же знаете, французы могут быть ужасными снобами.

– Да, знаю. В Каролине тоже есть французы. – Орри так и подмывало сказать что-нибудь нелестное о Джастине, но он

сдержался. – Так откуда ваша семья?

– По отцовской линии наш род ведет свое начало из Германии. Мой прапрадед, Фабер, был одним из первых поселенцев на так называемом немецком побережье, это около двадцати пяти миль вверх по реке от Нового Орлеана. В той части света живет много немцев, но за последние сотни лет, по сути, не осталось ни одной немецкой фамилии. Баквайтер стал Бовалде, Кернер – Квирнелом. Я могу с десятков таких перемен назвать.

– Но теперь ваша семья живет в городе, а не на этом, как вы сказали, немецком побережье?

По лицу девушки промелькнула легкая тень.

– Только мой отец.

Она объяснила, что он держал сахарную фабрику, как его отец и дед. Он хотел даже поехать с ней сюда, но не смог. Шесть месяцев назад у него случился удар.

Орри смахнул сухую грязь с последнего саквояжа, понимая, что дальше тянуть нельзя и пора уезжать.

– Надеюсь, вы отлично проведете время в Резолуте, мисс Фабрей, – произнес он, боясь сказать что-нибудь еще и в то же время сознавая, что другого случая может и не представиться. – Возможно... – добавил он, нервно теребя фуражку, – возможно, мы еще увидимся.

– Я была бы очень рада, мистер Мэйн, – ответила Мадлен и сдержанно кивнула, обращая на него серьезный взгляд темных глаз.

Орри был слишком взволнован, чтобы признать в этом обычную вежливость с ее стороны.

Помахав им рукой, он вскочил в седло и уехал. Восторженное настроение не покидало его всю дорогу до развилки, он даже напевал. Единственное, чего он никак не мог понять, так это почему такая милая и умная девушка, как Мадлен Фабрей, решила провести лето с высокомерными и пустыми Ламоттами. Возможно, их связывает какое-то кровное родство? Другого разумного объяснения он просто не находил.

Ну что ж, ради новой встречи с очаровательной Мадлен он даже готов быть полюбезнее с теми, кто ему неприятен. И он непременно навестит ее при первой же возможности. Ведь впереди у него целых полтора месяца отпуска – достаточно времени, чтобы поухаживать за молодой леди. Орри уже размышлял, как он преподнесет Мадлен вышитый веночек со своей фуражки, как в конце его отпуска они обменяются пылкими обещаниями писать друг другу...

Как странны порой повороты судьбы! Если бы унылый дождь не размыл ту часть дороги, они могли так никогда и не встретиться. А теперь его ждало счастье, и это новое чувство было невыразимо прекрасно.

Однако уже через пять минут после того, как Орри добрался до Монт-Роял, Купер спустил его с небес на землю.

– Фабрей, говоришь? Боюсь, ты забрел не на ту дорожку, братец. Фабрей – это фамилия девушки, на которой Джастин собирается жениться.

После ошеломленного молчания Орри воскликнул:

– Как такое возможно! Объясни мне!

Купер пожал плечами. Они сидели в столовой; за окном снова зарядил дождь, и в комнате было сумрачно. Парадная фуражка Орри так и лежала в углу, куда он весело зашвырнул ее, перед тем как обняться с братом. Купер налил им обоим по стаканчику лучшего отцовского кларета. Орри не сделал ни глотка.

– Понятия не имею, – сказал Купер, закидывая ноги на дорогой стол красного дерева. – Я ведь не доверенное лицо Джастина или Фрэнсиса.

– Просто поверить не могу, что такая девушка может выйти за Джастина. Ей ведь не больше двадцати. А он, наверное, лет на пятнадцать-двадцать старше ее. Как давно умерла его первая жена?

– Девять лет назад, кажется. Да какая разница? Брак явно устроил отец девушки. Такое часто случается. У Ламоттов прекрасная родословная, даже если в них уже много лет назад иссякли доброта и сострадание.

Впервые в жизни Орри проявил по-настоящему серьезный интерес к женщине. Кому-то его возмущенные возгласы и страдальческие бормотания могли показаться комичными, но только не Куперу. Хотя сам он никогда не испытывал подобных переживаний, а потому не мог в полной мере понять чувств Орри, однако ни секунды не сомневался в их искренности.

Он не спеша допил кларет и вернулся к чертежу мельницы, который изучал до появления брата. Орри возбужденно ходил по комнате, и на лице его отражалась мучительная боль. Вдруг он остановился возле Купера:

– Когда они венчаются?

– В ближайшую субботу. Кстати, мы тоже приглашены. Вся семья. Но, думаю, тебе не стоит идти.

– В субботу! Да почему же так скоро?

– Могу только догадываться. Мать Джастина предпочла бы подождать до осени, когда будет прохладнее. Но он уже достаточно взрослый, чтобы не согласиться с ней. Не знаю, в чем он больше заинтересован – в самой юной леди или в ее приданом. Если она такая хорошенькая, как ты говоришь, я вполне могу поверить в те разговоры, которые слышал. В округе говорят, что Джастин так же нетерпелив, как какой-нибудь из его призовых жеребцов... Эй, послушай, да прекрати ты метаться как безумец! Это же просто девушка.

Орри резко развернулся лицом к брату:

– Она не просто девушка! Мы с ней и говорили-то всего каких-то пять минут, но я... и она...

Он не знал, что сказать. А может, просто боялся показаться смешным из-за своей откровенности. Купер смотрел, как брат поднял лежавшую в углу фуражку и потрогал указательным пальцем золоченый веночек на ней.

А потом, не добавив ни слова, вышел из комнаты.

Купер вздохнул и потянулся к оставленному братом

нетронутому стакану кларета. Ему вдруг тоже стало ужасно грустно.

* * *

На следующее утро братья оседлали коней и поскакали в Саммервилл. Когда они приехали, Орри все еще был так расстроен, что с трудом заставлял себя находить теплые слова для каждого члена семьи. Но Кларисса знала своих детей. Тем же вечером, после ужина, она отвела Купера в сторону:

– Твой брат – плохой актер. Почему он так несчастен? Разве он не рад приехать домой?

– Конечно рад. Но вчера у реки, по дороге в Чарльстон, он встретил одну юную леди. Она его совершенно очаровала, а потом он узнал, что девушка предназначена для Джастина Ламотта.

– О Боже!... Это та девушка, которую все называют креолкой?

– Наверное. А это так?

– Судя по имени, вполне возможно. Боже мой... – снова вздохнула Кларисса. – Да, это все усложняет. Я имею в виду приглашение на свадьбу. Твой отец отказался поехать, но вежливость требует, чтобы семья все же была представлена. И я надеялась, что вы с Орри поедете со мной.

Купер вполне понимал отцовскую антипатию к Ламоттам и разделял ее. Это были недалекие, подлые люди, которые

ценили лошадей больше, чем людей, и постоянно ввязывались в ссоры, чтобы разрешить их незаконными дуэлями. Только из уважения к матери Купер ответил:

– Честно говоря, я предпочел бы не ездить, но поеду. А вот Орри мы не должны заставлять.

– Разумеется, ты прав, – согласилась Кларисса. – При таких обстоятельствах он наверняка не захочет там быть.

Однако на следующий день за ужином Орри, к их большому удивлению, заявил, что поедет с ними в субботу. Купер посчитал это жестом отчаяния, но промолчал. Тиллет велел Клариссе взять с собой и кузена Чарльза.

– Ему полезно будет посмотреть на приличных людей, которые умеют себя вести, – едко заметил он.

А Купер подумал, что беднягу Чарльза и так постоянно наказывают и это лишь один из способов.

В субботу установилась ясная, теплая погода с легким ветерком, который разгонял насекомых. Отъезд в Резолют задержался почти на час, потому что Кларисса была занята. Как раз перед рассветом одна из женщин, привезенных ими из Монт-Роял, надумала рожать.

Кларисса помогала при всех родах на плантации и вовсе не ожидала какой-то похвалы или просто признания ее усилий. Она всего лишь исполняла традиционный долг женщины своего положения. Когда придет время, Эштон и Бретт должны будут поступать точно так же.

Поездка в карете заняла полтора часа. Кузен Чарльз всю

дорогу вертелся и жаловался. Кларисса нарядила его в красивый костюмчик с высоким воротником и шейным платком. Но к тому времени, когда они добрались до Резолюта, Чарльз, постоянно дергавший за платок, умудрился измять и его, и костюм.

Приехали они через сорок минут после окончания церковной службы. Венчание состоялось в крохотной отдельной молельне, на нем присутствовали только самые близкие родственники. А теперь прием набирал обороты. Гости болтали и смеялись под дубами и магнолиями на боковой лужайке, где были установлены четыре павильона из холста в желтую и белую полосу.

Плантация Ламотта напомнила Куперу некоторых чарльстонских шлюх, которые пытались скрыть причиненные временем разрушения под толстым слоем пудры и румян. На первый взгляд дом, стоящий на холме над рекой, выглядел огромным и внушительным. Потом вы начинали замечать, что деревянная обшивка покоробилась и повсюду проступает плесень. Кирпичная кладка в колоннах, поддерживающих заднюю веранду, во многих местах разрушилась, а ставни на окнах полусгнили от частой непогоды.

Но веселившаяся толпа, похоже, ни на что не обращала внимания. Подсчитав членов семьи, гостей и всех рабов, потребовавшихся для такого события, Купер решил, что на свадьбе Ламотта присутствует не меньше трехсот человек. Два акра земли сбоку от парадной аллеи были заставлены на-

рядными каретами и двуколками. В воздухе плыл запах жареного мяса – традиционного угощения на свадьбах в этих местах.

Заиграл оркестр, приглашенный из Чарльстона. Кузен Чарльз куда-то сбежал. Мрачный Орри искал взглядом невесту. Купер надеялся, что пунш подадут крепкий – только избыток спиртного мог сделать терпимым остаток этого дня.

– Вот она, – сказал вдруг Орри. – Мы должны выразить свое почтение и поздравить новобрачную, пока желающих не стало слишком много.

Кларисса и Купер согласились с ним. Они встали в очередь и вскоре уже приветствовали пастора, многочисленных Ламоттов и жениха с невестой.

Джастин Ламотт был статным, немного располневшим мужчиной с красноватым лицом и шелковистыми каштановыми волосами, очень похожими на крашенные. Поздравления Мэйнов он принял с очаровательной улыбкой, поблагодарив их положенными в таких случаях учтивыми фразами. Однако глаза его были холодны.

Купер внимательно рассматривал невесту. От ее красоты перехватывало дыхание. Неудивительно, что его брат влюбился в нее с первого взгляда. Джастин не заслуживал такой награды. Много ли знала эта девушка о человеке, за которого вышла замуж? Бедняжка, подумал Купер. Будет ужасно, если она только теперь узнает, что скрывается за обаятельной внешностью ее мужа.

Он нарочно встал в очередь первым, чтобы потом обернуться и посмотреть, как его брат будет держаться с Мадлен Ламотт. Купер от души надеялся, что Орри сумеет совладать со своими чувствами и не будет слишком сентиментален. Юноша был и без того несчастен, чтобы еще и оконфузиться на глазах у всех.

Однако Орри оказался безупречным джентльменом. Он на мгновение взял руку невесты, когда наклонялся к ней и традиционно касался губами ее щеки. Но когда он отступил назад, Купер увидел, как молодые люди обменялись взглядами. В глазах брата, как и в глазах Мадлен, он заметил печаль – мимолетную, но такую неутешную и такую искреннюю, отчего сразу становилось ясно: как бы им хотелось, чтобы все сложилось по-другому.

Устыдившись, слегка порозовевшая невеста отвела взгляд. Джастин приветствовал других гостей и ничего не заметил. А Купер, все думая о том, как смотрела Мадлен на его брата, сказал себе: «Надеюсь, найдется женщина, которая и на меня посмотрит так же до того, как я умру».

Они отошли в сторону от других желающих поздравить молодых. Куперу хотелось выразить сочувствие брату, но он не смог найти подходящих слов. К тому же Орри, скорее всего, обиделся бы. Поэтому Купер направился напрямик к столику, где наливали пунш. По пути он заметил, что кузен Чарльз забирается под один из праздничных столов. В руках у мальчика была огромная тарелка жареной баранины, а на

лице – предвкушение счастья. Рубашка его, как обычно, торчала из-под ремня.

Увидев, что его матери уже подали еду, Купер оставил ее в компании трех почтенных дам, две из которых были кузинами Мэйнов, а третья принадлежала к огромной семье Смит. За полчаса Купер осушил четыре бокала пунша, но это ему не слишком помогло. Со всех сторон он слышал комплименты жениху и постоянно морщился от отвращения. Гости были любезны, однако любезность самого Купера не простиралась до лжи.

Вскоре он, к своему удивлению, обнаружил, что находится на площадке для танцев и отплясывает под ручку с добродушной тетушкой Бетси Булл. Купер любил танцевать польку, но тетя Бетси все испортила, заявив:

– Разве они не прекрасная пара? Она будет счастливейшей женщиной. Я не очень хорошо знаю Джастина, но он всегда производил на меня впечатление доброго и обаятельного человека.

– На свадьбе все мужчины кажутся ангелами.

Тетя Бетси шикнула на него:

– И как только такая нежная женщина, как ваша матушка, умудрилась воспитать такого циничного прохвоста? Думаю, дело тут не в Джастине. Смотрите, юноша, с таким поведением вы в рай не попадете.

Да не хочу я в рай, подумал Купер, я хочу вернуться к пуншу, как только смолкнет музыка.

– Спасибо за танец, тетя Бетси. Прошу прощения. – С этими словами он отвесил учтивый поклон и удалился.

А уже вскоре, с новой порцией выпивки в руке, прочел себе лекцию о том, что не следует проявлять свои чувства на людях. Ему было все равно, что подумают о нем окружающие, но он не хотел ставить в неловкое положение свою мать. Тем более из-за пустяков. И все же очень трудно было оставаться безучастным, когда речь шла о Джастине Ламотте. Этот человек претендовал на то, чтобы называться джентльменом, но не имел на это никакого права. С лошадьми он обращался лучше, чем с неграми. Ругань и открытая жестокость процветали в Резолюте с тех пор, как Джастин стал управлять плантацией после смерти отца.

Прошлым летом, после того как Джастин проиграл на скачках, один из его черных конюхов сделал что-то вызвавшее недовольство хозяина. Ярость Джастина никак не соответствовала случаю. Он приказал набить гвоздей в большую пустую бочку, а потом затолкал туда обидчика и спустил его с холма. После этого негр уже не мог работать и стал никому не нужен. Через месяц он покончил с собой.

Такие варварские наказания были большой редкостью в их краях и никогда не применялись в Монт-Роял. Купер считал, что именно жестокость Ламотта и была главной причиной того, что в Резолюте постоянно получали плохие урожаи и год за годом плантация все ближе подходила к банкротству.

Но даже если оставить в стороне вопросы морали, Купер

видел в существующей издавна системе одну большую слабость. Сам факт удержания человека против его воли уже был наказанием. А если добавить к этому еще и физические расправы, то разве можно ожидать, что человек будет работать во всю силу? Много размышляя об этом, Купер пришел к выводу, что самая существенная разница между экономическими системами Севера и Юга вовсе не в противопоставлении промышленности сельскому хозяйству, а в заинтересованности. Свободные янки работали, чтобы жить лучше. Южные рабы работали, чтобы избежать наказания. И эта разница медленно разъедала Юг изнутри.

Но пытаться говорить об этом с Джастином Ламоттом... или Тиллетом Мэйном? Окончательно впав в уныние, Купер налил себе еще пунша.

* * *

Фрэнсис Ламотт был на три года старше брата. Он был превосходным наездником и почти неизменно побеждал Джастина и других соперников на средневековых турнирах, столь популярных на равнине. Когда он мчался во весь опор мимо рядов с подвешенными кольцами, все зрители замирали от ужаса, а он, разумеется, собирал на свое копьё больше всего колец. Он также всегда участвовал в «ловле гусей» и девять раз из десяти был первым, кто сворачивал птице намазанную жиром шею прямо из седла.

Маленький и жилистый, Фрэнсис не обладал светским лоском своего брата. Когда они с Джастином, потягивая пунш, ненадолго отошли от гостей, по его лицу было видно, как он раздражен. В нескольких шагах от них Мадлен разговаривала с приходским священником.

– Не знаю, кто победит на осенних выборах, отец Виктор, – слышали братья, – но совершенно очевидно, что результат будет зависеть от решения об аннексии Техаса.

– А вам известно, что кое-кто из влиятельных южнокаролинцев сыграл ключевую роль в привлечении внимания к этому вопросу?

– Вы говорите о мистере Кэлхуне?

Отец Виктор кивнул. Кэлхун служил третьим секретарем штата при администрации Тайлера, переживавшей не лучшие времена. Получив назначение в начале этого года, он составил проект договора о присоединении, который и подписали в апреле независимая республика Техас и Соединенные Штаты.

– Вы совершенно правы насчет важности этой темы, – согласился священник. – Еще до конца года каждому публичному деятелю придется открыто заявить о своей позиции.

Ему незачем было добавлять, что многие уже это сделали. Поддержка аннексии Джеймсом Полком и экс-президентом Джексонсом была хорошо известна. С этим были также согласны оппозиционеры ван Бюрен и Клей.

– Да, это правда, – ответила Мадлен. – Но есть мнение,

что вопрос Техаса на самом деле куда глубже, чем решаются признать политики. Говорят, главная проблема состоит в расширении рабовладельческих территорий.

Священник мгновенно ошетинился:

– Так говорят только подстрекатели, моя дорогая. Беспринципные подстрекатели-янки.

Мадлен вежливо пожала плечами, как бы признавая такую возможность, но потом тихонько пробормотала:

– Сомневаюсь.

– Не пора ли нам перекусить? – недовольно рявкнул священник.

Мадлен поняла, что рассердила его:

– Разумеется. Прошу вас, идемте.

Она улыбнулась мужу, ответная улыбка была довольно напряженной. Когда Мадлен со священником отошли, Фрэнсис, прищурившись, посмотрел на брата:

– У твоей невесты есть свое мнение по многим политическим вопросам.

– Тебя, похоже, это задело? – усмехнулся Джастин.

– Ей не следует разговаривать так свободно. Хорошо, когда женщина умна, но только до известных пределов.

– Все имеет свою цену, мой дорогой брат. И приданое, которое дает за ней старый Фабрей, не исключение.

Поверх края серебряной чашки с пуншем он посмотрел на пышную юбку свадебного платья Мадлен, потом перевел взгляд на солнце. Еще несколько часов – и он станет обла-

дателем того, что скрыто под этим безупречным атласом и кружевами. Он с трудом сдерживал нетерпение.

Как причудливо играет с людьми судьба, подумал он. Года два назад он неожиданно решил съездить в Новый Орлеан, хотя едва ли мог позволить себе такую поездку. Он собирался развлечься за игорным столом и посетить один из легендарных кварталонских балов в прославленном зале на Орлеан-стрит. Однако еще до того, как он пошел на бал или смог увидеть чернокожих красавиц, случай столкнул его с Николя Фабреем в баре одного модного игорного заведения. Сам Фабрей не играл, но часто туда заходил, потому что это было одно из тех мест, где собирались влиятельные люди города. Уже скоро Джастин догадался, что его новый знакомый также принадлежит к избранному кругу. Он всех знал, был элегантно и дорого одет и тратил деньги с легкостью человека, которому не нужно о них думать. Позже Джастин навел справки и узнал, что не ошибся в своих предположениях.

Через два дня он снова столкнулся с Фабреем в том же месте. Тогда он и узнал, что у владельца сахарной фактории есть дочь на выданье. С этой минуты он был сама любезность и очарование. Фабрей был покорен его обходительностью и тонким юмором – когда Джастин хотел быть обаятельным, никто не мог перед ним устоять.

После того как он несколько раз ненавязчиво намекнул в разговоре, что он в этом городе чужак, Фабрей пригласил его к себе на ужин. Так Джастин познакомился с его дочерью и

сразу же потерял голову от вожделения.

Разумеется, он тщательно это скрывал. С Мадлен Фабрей он разговаривал с той же сдержанной учтивостью, которая так привлекла ее отца. Еще до конца вечера Джастин пришел к выводу, что юная красавица совсем не боится его, хотя и испытывает нечто вроде благоговения перед его возрастом и опытом.

Он задержался в Новом Орлеане на неделю, потом еще на одну. Фабрею, кажется, нравилось то, что такой солидный джентльмен, как Джастин Ламотт, ухаживает за Мадлен. Джастин же чем больше узнавал об отце, тем сильнее хотел обладать дочерью.

Немаловажным было и то обстоятельство, что никаких препятствий к их союзу с религиозной точки зрения также не существовало. По происхождению отец девушки был немцем-протестантом, его предки носили фамилию Фабер. Мадлен посещала церковь, в отличие от своего отца, которого больше интересовали деньги, чем бессмертие души. Догадавшись о намерениях Джастина, Фабрей однажды довольно прозрачно намекнул, что даст за своей дочерью солидный капитал в качестве приданого.

О матери Мадлен Джастин узнал только то, что она умерла несколько лет назад. И еще то, что она была креолкой, а значит, родилась в Новом Орлеане от родителей-европейцев, скорее всего французов, хотя, возможно, и испанцев. Внимательно изучив небольшую галерею семейных портретов

Фабрея, Джастин поинтересовался, где же среди них портрет его жены, на что хозяин дома со странной уклончивостью ответил:

– Здесь его нет.

После этого Джастин решил прекратить расспросы. Каждая респектабельная семья, включая и его собственную, имела свои скелеты в шкафу; обычно эти тайны касались жен, сбежавших с другими мужчинами или впавших в нервное расстройство, отчего доживали свой век взаперти. О покойной миссис Фабрей он, впрочем, ничего плохого – да и вообще ничего – не слышал. Никто из тех, с кем он разговаривал об этой семье, ни разу так и не упомянул о ней. Поэтому в конце концов он перестал беспокоиться на этот счет, решив, что неотразимая красота Мадлен и так необходимые ему деньги с лихвой перевесят тот ореол таинственности, который окружал образ ее матери.

Что касается самой Мадлен, если у нее и были какие-то недостатки, то это ее очевидный ум и желание высказывать свое мнение по вопросам, которые обычно являлись привилегией мужчин. Фабрей позаботился о том, чтобы дочь получила лучшее образование, доступное молодой женщине в Новом Орлеане, – его давала школа, основанная урсулинками. У Фабрея было много друзей в городской католической общине, и все знали, что к нему всегда можно обратиться за помощью в трудные для Римской церкви времена. Сначала урсулинки не хотели брать в ученицы протестантку, но Фаб-

рею удалось сломить их сопротивление, после того как он сделал щедрые пожертвования больнице и сиротскому приюту, которые они содержали.

Прямолинейность Мадлен не казалась Джастину серьезным препятствием. Он умел справляться с проблемами такого рода, хотя и не собирался открывать свои методы до того, как девушка станет его законной женой.

Перед отъездом он попросил у Фабреа разрешения сделать предложение Мадлен и получил его. Мадлен выслушала довольно длинное объяснение в любви, и Джастин уже предвкушал ее кроткое согласие. Но она ответила отказом, хотя и поблагодарила его несколько раз за столь лестные слова.

В тот вечер, чтобы облегчить свое физическое и душевное разочарование, Джастин снял на улице шлюху и жестоко ее избил кулаками и тростью. После того как она с трудом выбралась из его комнаты в отеле, Джастин больше часа лежал без сна в темноте, вспоминая выражение лица Мадлен в тот момент, когда она ему отказывала. В конце концов он пришел к выводу, что это был страх. Поскольку самого его она бояться вряд ли могла, решил Джастин, ведь он был сама обходительность, то, скорее всего, прекрасная креолка просто боялась замужества. Это было обычным явлением среди юных девушек, и с этим он вполне мог справиться. Так или иначе, он счел отказ лишь отсрочкой, но никак не полным поражением.

В последовавшие затем недели и месяцы Джастин посы-

лал девушке длинные цветистые любовные письма, снова и снова повторяя свое предложение. Она каждый раз отвечала вежливыми фразами благодарности и отказа. А потом вдруг с ее отцом случился удар, и все изменилось.

Джастин так и не узнал, почему произошли эти перемены. Возможно, Фабрей боялся, что долго не проживет, и удвоил усилия к тому, чтобы надежно пристроить свое дитя, до того как покинет этот мир. Как бы то ни было, Мадлен согласилась, и уже вскоре они обо всем договорились. Финансовое вознаграждение Джастина за долгую осаду оказалось в высшей степени щедрым. И вдобавок уже совсем скоро он с полным правом сможет заполучить Мадлен...

Фрэнсис бесцеремонно вернул брата к реальности:

– Послушай меня, Джастин, ты не должен позволять ей быть слишком независимой для ее же собственного блага. И для твоего тоже. Жена не должна высказываться на политические темы, и уж тем более публично.

– Разумеется, я с тобой согласен, но я же не могу все изменить за один день. Это потребует какого-то времени.

Фрэнсис фыркнул:

– Удивлюсь, если ты вообще сможешь справиться с этой молодой особой.

Джастин положил крупную руку с наманикюренными ногтями на плечо брата:

– Разве твой опыт обращения с чистокровными лошадьми ничему тебя не научил? Норовистая женщина ничем не от-

личается от норовистой кобылки. И той и другой просто нужно показать, кто тут хозяин. — Он сделал глоток пунша и пробормотал: — Сломать ее.

— Надеюсь, ты понимаешь, о чем говоришь. — В голосе Фрэнсиса звучало сомнение, хотя его опыт общения с женщинами и ограничивался рабынями, проститутками и собственной глупой и забитой женой. — Креолы никогда не отличались покорностью. Это же латинская кровь... Ты здорово рисковал, женись на ней.

— Ерунда! Это не важно, что Мадлен из Нового Орлеана. Она всего лишь женщина. А у женщин ума не намного больше, чем у лошадей, что бы они ни пытались из себя изображать. Она не посме... Черт, это что такое?

Он резко повернулся, услышав громкие крики и грохот перевернутого стола.

— Там что, уже драка? — И бросился на шум.

* * *

За несколько минут до этого кузен Чарльз сидел, привалившись к стволу виргинского дуба, в окончательно измятом и испачканном костюме и держал на коленях вторую тарелку жареного мяса, такую же огромную, как и первая. На его ноги упала чья-то тень.

Подняв голову, Чарльз увидел тощего расфуфыренного мальчишку, за спиной которого стояли трое его приятелей.

Мальчик, на пару лет старше самого Чарльза, был из семьи Смит.

— Ну и ну! Это же тот зверек из Монт-Роял! — глядя на сидевшего Чарльза сверху вниз, произнес юный Смит, красуясь перед друзьями. — Нашел укромное местечко. Прячешься?

Чарльз посмотрел на него и кивнул:

— Верно.

Смит улыбнулся и потрогал свой шейный платок:

— Вот как? Боишься?

— Кого? Тебя? Не слишком. Просто хотел спокойно поесть.

— А может стыдишься своего затрапезного вида? Вы только взгляните на него, джентльмены, — продолжил Смит с преувеличенной важностью. — Подивитесь на его замызганную одежду! Обратите свои лорнеты на отвратительную стрижку! И уж конечно, не обойдите вниманием эти вымазанные грязью щеки! Разве похож он на Мэйна? Скорее на какую-нибудь белую шваль!

Чарльз почувствовал, как закипает кровь, но сдержал гнев, сообразив, что только еще больше разозлит Смита, если сохранит невозмутимость. Так и случилось. Пока дружки Смита продолжали изощряться в остроумии, подшучивая над Чарльзом, сам Смит вдруг перестал улыбаться.

— А ну-ка, встань и посмотри на тех, кто лучше тебя, когда к тебе обращаются, щенок! — Он взял Чарльза за левое ухо и резко дернул.

Недолго думая, Чарльз швырнул в него тарелку. Мясо и подлива заляпали небесно-голубой жилет. Друзья Смита расхохотались. Вzbешенный, он обернулся к ним, а Чарльз за это время успел вскочить, схватить его сзади за оба уха и что есть силы вывернуть их.

Смит завизжал.

– Ах ты, маленький оборванец! – рявкнул один из его друзей.

Он попытался поймать Чарльза, но тот увернулся, со смехом отскочил за дерево и помчался к гостям. Он был уверен, что Смит и его компания не посмеют устроить драку на людях, но недооценил их горячий нрав – мальчишки рванулись следом за ним.

На лужайке, где кто-то пролил выпивку, Чарльз поскользнулся. Хлопнувшись на спину, он не успел прийти в себя, как подоспевший Смит схватил его и рывком поставил на ноги.

– Ну а теперь, деревенщина, я намерен преподать тебе урок...

Чарльз боднул его в живот, и на его волосах налипли остатки мясного соуса. Но результат того стоил. Смит схватился за живот и согнулся пополам, подняв голову. В таком положении он оказался весьма уязвим, и Чарльз ткнул его большим пальцем в глаз.

– Убить его! – взвыли остальные.

Чарльз не поручился бы, что это была простая угроза. И побежал к накрытым столам.

Друзья Смита бросились в погоню. Чарльз, упав на четвереньки, нырнул под один из столов. Но чьи-то пальцы тут же вцепились в его лодыжки и потащили назад. Чарльз сопротивлялся... и в результате перевернул стол. Именно этот шум и привлек внимание Джастина Ламотта, его брата и множества гостей.

С удивлением обнаружив, что Смит не имеет понятия о том, что такое настоящая драка, и предположив, что его дружки так же необразованны, Чарльз начал веселиться во всю. Он резко развернулся к парню, державшему его за лодыжку. Когда подбежали Джастин и Фрэнсис, а за ними и десятилетний сын Фрэнсиса Форбс, Чарльз уже сидел верхом на своем незадачливом сопернике и от души колотил его по голове разбитыми в кровь кулаками.

– Да отстаньте вы от него! – выкрикнул мальчик постарше. – Он же не умеет драться, как джентльмен!

– Нет, сэр, я дерусь, чтобы победить.

Чарльз схватил лежавшего под ним горемыку за уши и стукнул головой о твердую землю.

– Чарльз, довольно!

Этот голос удивил и встревожил Чарльза. Он вскочил и обернулся. Перед ним стоял Орри в своем великолепном мундире, с горящими глазами. За спиной Орри Чарльз увидел Купера, тетю Клариссу и толпу гостей.

– Какой стыд! – воскликнула одна женщина. – При таком уме и такой милой внешности такой испорченный. Вот уви-

дите, этот юный Мэйн плохо кончит.

Несколько человек с ней согласились. Чарльз вызывающе уставился на толпу. Орри крепко взял его за руку, а тетя Кларисса стала извиняться за беспорядок и предложила возместить ущерб. Ее тон заставил Чарльза покраснеть и наконец опустить голову.

– Думаю, будет лучше, если мы сейчас же уедем, – сказала тетя Кларисса.

– Мне очень жаль, что вы не можете остаться! – откликнулся Джастин.

Чарльз прекрасно видел, что он лжет.

По дороге домой Орри принялся читать кузену наставления:

– Это была постыдная сцена! Мне все равно, что они сделали, но ты должен был сдержаться! Пора уже вести себя как джентльмен.

– Не могу, – возразил Чарльз. – Я не джентльмен. Я сирота, а это совсем не одно и то же. Все в Монт-Роял только и делают, что мне об этом напоминают.

В гневных глазах мальчика Купер заметил скрытую боль. Орри расправил плечи, как какой-нибудь генерал, столкнувшийся с неповиновением:

– Да ты просто дерзкий...

– Оставь его, – негромко перебил брата Купер. – Он уже получил свое наказание, когда все эти люди говорили о нем.

Чарльз внимательно посмотрел на Купера и с изумлением

понял, что этот худой серьезный человек знает о нем очень много. Чтобы скрыть смущение, он отвернулся и уставился в окно кареты.

Орри все никак не мог успокоиться и хотел поспорить. Но Кларисса коснулась его руки:

– Купер прав. Не стоит ни о чем говорить, пока не доберемся до дому.

Несколько минут спустя Кларисса попыталась обнять Чарльза за плечи. Он отстранился. Она взглянула на старшего сына и покачала головой.

Когда они приехали в Монт-Роял, Тиллет выпорол Чарльза, несмотря на протесты жены. И повторил то, что говорила женщина на свадьбе:

– Он плохо кончит. Разве тебе нужны другие доказательства?

Кларисса лишь молча, с тревогой смотрела на мужа.

* * *

В большом доме Резолюта часы пробили два.

Ночной воздух был влажным и душным, и от этого у Мадлен Ламотт еще больше усиливалось чувство, что она попала в ловушку. Ее чудесная ночная рубашка сбилась до самой талии, но Мадлен боялась ее поправить. Любое движение могло разбудить ее мужа, негромко храпевшего рядом.

День был утомительным, но самыми ужасными оказались

последние несколько часов, которые принесли ей немало боли и разочарования. Она ожидала от Джастина нежности и такта, и не только потому, что он был старше, но и потому, что именно так он вел себя в Новом Орлеане. Однако теперь она знала, что вся его учтивость была лишь притворством ради того, чтобы произвести хорошее впечатление на ее отца и на нее саму.

Трижды за эту ночь она получила горький урок. Трижды Джастин заявлял свои права. И делал это грубо, ни разу даже не спросив ее согласия. У нее осталось только одно небольшое утешение: столкнувшись с его непорядочностью, она могла уже не стыдиться своего обмана.

Эту маленькую хитрость – немного крови при первом супружеском объятии – ей помогла устроить мамушка Салли, которая разбиралась в таких вещах. Обман был необходим, потому что Мадлен по глупости позволила себя соблазнить в совсем еще юном возрасте. И хоть эта единственная ошибка изменила всю ее жизнь, она тем не менее сохранила представления о девичьей чести, почему и вынуждена была прибегнуть к обману в свою первую брачную ночь.

Это случилось, когда ей было четырнадцать. От того летнего дня у нее остались яркие воспоминания о Джерарде, беспечном красивом юноше, который работал стюардом на одном из больших пароходов, ходивших по Миссисипи. Мадлен познакомилась с ним случайно, гуляя однажды по набережной. Ему было семнадцать, и он был таким веселым

и привлекательным, что Мадлен вскоре перестала обращать внимание на тихий голос совести и убегала к нему на свидание, когда его пароход приходил в город, а это случалось в то лето каждые десять дней.

Позже, уже в августе, в темный грозовой день, она уступила его мольбам и пошла с ним в какую-то убогую съемную комнатуху в одном из переулков Французского квартала. Как только Джерард добился уступки, он тут же забыл о вежливости и с жаром овладел девушкой, хотя и старался не причинять ей боли.

Они условились о новом свидании, но он не пришел. По забыв про стыд и осторожность, она даже подошла к трапу его парохода, чтобы узнать, не случилось ли с ним беды. Матрос, с которым она заговорила, уклончиво ответил, что не знает, где его можно найти. А потом Мадлен случайно подняла голову и в иллюминаторе одной из кают верхней палубы увидела лицо Джерарда. Едва заметив ее взгляд, он тут же отступил в темноту. Больше она его никогда не видела.

Несколько дней она боялась, что беременна. Когда этот жуткий страх прошел, Мадлен стала чувствовать себя виноватой. Ей хотелось заниматься любовью с Джерардом, но теперь, когда это случилось и она поняла, что он охладел к ней сразу же, как только добился своего, ее страсть уступила место раскаянию и страху перед всеми молодыми людьми и их намерениями. События того лета заставили Мадлен установить для себя новые, более строгие правила поведения, ко-

торые, если только это было возможно, помогли бы ей искупить свой грех.

В следующие несколько лет она отвергала все ухаживания и вообще всячески сторонилась мужчин до того дня, пока отец не пригласил к ним на ужин Джастина Ламотта. Гость из Южной Каролины обладал двумя качествами, хорошо рекомендовавшими его: обезоруживающим обаянием и солидным возрастом. Мадлен убедила себя, что Ламотт, в отличие от Джерарда, не одержим страстями. Это стало одной из причин того, что она в конце концов приняла его предложение.

На самом деле изменить свое решение ей пришлось через несколько дней после того, как заболел отец. Однажды вечером при мягком свете свечей, стоявших у кровати, отец стал умолять ее:

– Я не знаю, сколько еще смогу прожить, Мадлен. Прошу тебя, успокой меня. Выходи за Ламотта. Он достойный и порядочный человек.

– Да, – ответила Мадлен, когда огонек свечи качнулся от слабого дыхания Фабрея. – Мне тоже так кажется.

Только нечто столь же убедительное, как мольбы слезшего в постель Николая Фабрея, могло бы помочь ей преодолеть страх перед замужеством. Но даже уважение к отцу не могло избавить ее от грусти, ведь предстояло покинуть родной дом, своих немногих друзей, город, который она знала и любила. Но она отправилась в долгое путешествие в Южную Каролину, потому что верила: Ламотт именно тот, кем кажется.

И как же она ошибалась! Как жестоко, глупо ошибалась! Джастин был ничуть не менее сластолюбив, чем молодые мужчины, а в чем-то даже намного хуже их. Джерард, по крайней мере, не старался причинять ей боли.

Она не винила отца за этот брак, но была убеждена, что все сложилось бы иначе, будь жива ее мать. Мадлен не знала своей матери, но Николя Фабрей всегда описывал ее как самую замечательную женщину в мире. По его словам, она была умна, рассудительна и невероятно красива. Фабрей говорил, что Мадлен очень на нее похожа, но у него не осталось ни одного портрета, который мог бы это доказать или опровергнуть. Как раз перед тем, как его жена внезапно и неожиданно для всех умерла, он заказал ее портрет в миниатюре. Но портрет так и остался ненаписанным, и Фабрей всегда винил себя за то, что не позаботился об этом раньше.

Боже милостивый, думала Мадлен, какая горькая ирония! Как она спорила с мамушкой Салли, когда та настаивала на этом постыдном обмане в первую брачную ночь. Она отказывалась снова и снова, хотя мамушка Салли и убеждала ее, что такое жульничество не просто очень важно, но и мило по отношению к Джастину, ведь всем известно, как щепетильны мужчины в этих вопросах. Такой обман должен был обеспечить спокойное и ровное начало их супружеской жизни.

Какой стыд испытывала она, когда наконец согласилась на этот подлог, и каким жалким этот стыд казался теперь, когда

открылось истинное лицо ее мужа!

А еще эта встреча с молодым кадетом Орри Мэйном на прибрежной дороге. Мадлен была очарована его мягкими благородными манерами, взглядом его темных глубоких глаз. Ей захотелось прикоснуться к нему, и она так и сделала, на несколько секунд забыв не только о том, что выходит замуж, но и о том, что кадет вполне мог быть не тем, кем казался. В конце концов, они были почти ровесниками.

Неожиданно образ Мэйна вновь возник перед ее глазами. Она вспомнила, что даже на свадебном приеме думала о нем непозволительно много и, более того, на один короткий миг представила себя в его объятиях. Теперь же, лежа рядом со спящим мужем, она мысленно снова и снова вглядывалась в это воображаемое лицо и ощущала, как ее захлестывает чувство вины. Не важно, как с ней поступил Джастин. Он был ее мужем, и она не должна думать о другом мужчине.

Однако, несмотря на все ее угрызения, образ их юного спасителя не исчезал. Чтобы избавиться от наваждения, Мадлен подняла руку к лицу, но сделала это чуть более резко, чем хотела. Застыв от ужаса, она прислушалась. Дыхание Джастина изменилось. Она опустила руку вдоль тела и сжала кулаки, застыв от напряжения.

Он проснулся.

Хотел что-то сказать, но закашлялся.

– Вы здоровы? – слабым голосом спросила Мадлен; в ее голосе прозвучала забота, которой она не чувствовала.

Джастин повернулся на бок, спиной к ней:

– Пройдет, как только глотну бурбона.

В темноте он уронил стакан с прикроватного столика. Слова, которые за этим последовали, Мадлен слышала всего несколько раз в жизни, хотя и знала об их существовании: отец иногда мог отстаивать свою точку зрения с помощью крепких слов.

Джастин и не подумал извиниться. Хлебнув виски прямо из графина, он глубоко вздохнул и снова повернулся, приподнявшись на локтях. Луна уже сияла всюю; ее сверкающий свет заливал шелковистые волосы и мускулистую грудь Джастина. Для мужчины его возраста он был на удивление поджар, на нем почти не было жира.

– Тебе незачем тревожиться о моем здоровье, дорогая, – усмехнулся Джастин. – Оно безупречно. Большинство Ламоттов благополучно прожили по девяносто с лишним лет. Так что я намерен наслаждаться твоей благосклонностью еще долгое время.

Мадлен была слишком расстроена, чтобы говорить. Хрипоты в его голосе и то, что она означала, напугали ее.

– Я хочу, чтобы ты родила мне сыновей, Мадлен, – с раздражением продолжал Джастин. – Моя первая жена не смогла. Фрэнсису однажды хватило наглости заявить, что это моя вина. Чушь, конечно! И очень скоро мы это докажем.

Он снова повернулся, навалившись на нее, как груженная телега из плоти и крови, и сорвал с нее простыню.

– Джастин, если ты не против, я бы хотела сначала сходить в...

– Позже! – рявкнул он и, задрав подол ее рубашки повыше, сунул руку между ее бедрами, причинив сильную боль.

Мадлен закрыла глаза и впилась ногтями в ладони, когда муж лег на нее и тяжело задышал.

Глава 7

Орри вернулся в Академию, так и не сняв веночка со своей фуражки. Единственным, с кем он мог обсудить летние события, был Джордж, который сразу заметил грусть друга и попытался развеселить его.

– Что тебе нужно, Палка, так это навестить Алису Пит. Уж она-то быстро заставит тебя забыть эту Мадлен.

Орри посмотрел на него долгим спокойным взглядом и медленно покачал головой:

– Никогда!

Горячность, с которой было сказано это слово, встревожила Джорджа. Он-то надеялся, что его друг не будет вздыхать по замужней женщине всю оставшуюся жизнь. Хлопнув Орри по плечу, он попытался как-то отвлечь его. Но ничего не получилось.

Однако Орри и сам понимал, что нужно как-то побороть свое унылое настроение. Поэтому он с головой погрузился в учебу, дав себе слово во что бы то ни стало выбраться из нижних рядов всех списков по успеваемости. Новый учебный год оказался еще сложнее первых двух. Орри нравились новые дисциплины по естественным наукам и экспериментальной философии, среди которых были механика, оптика, астрономия и даже основы электромагнетизма. И все же, как он ни старался, по-прежнему оставался в числе отстающих.

Не лучше обстояло дело и на занятиях по рисованию. Профессор Уэйр весьма безжалостно отзывался об акварелях Орри, называя их мазней. А вот Джордж, как обычно, справлялся с каждым предметом легко и без видимых усилий.

Приятным новшеством нового года стало то, что у них появилась возможность тренировать не только ум, но и тело. Второй курс брал уроки верховой езды у преподавателя, которого прозвали Старина Херш. Орри был хорошим наездником, что могло сослужить ему полезную службу в будущем. Считалось, что по окончании учебы кадеты могли сами выбирать род войск, в которых хотели бы служить. Но на практике все шесть вариантов были так же строго регламентированы, как сами кадеты в списках успеваемости. Лучшие из выпускников отправлялись в инженерные войска или в чуть менее желанные части топографов. Те, кто преуспел в науках меньше остальных, попадали в пехоту или в драгунские полки. Эти два рода войск так низко ценились командованием, что всем, кто служил там, даже разрешалось отращивать усы. Орри подозревал, что и он уже очень скоро обзаведется усами и будет много ездить верхом.

На время летних лагерей старшим над кадетами был назначен Елкана Бент. Он расхаживал с важным видом, в алом кушаке и шляпе с плюмажем, однако высокая должность ничуть не улучшила его характер. Он продолжал издеваться над «плебеями» и первогодками с какой-то нечеловеческой

жестокостью. Один из новичков, долговязый паренек из Кентукки по имени Ишам, стал его любимой жертвой, как в свое время Орри и Джордж, только, в отличие от них, он выказывал неповиновение, когда Бент цеплялся к нему.

Незадолго до общенациональных выборов Бент обвинил Ишаму в том, что тот постоянно сбивается с ноги во время вечерних строевых занятий. Измученный Ишам, у которого к тому же начиналась лихорадка, тем же вечером подстерел Бента у Южных казарм и попросил отозвать рапорт, потому что у него уже было сто шестьдесят четыре взыскания. Таки-ми темпами он мог не добраться даже до первых экзаменов.

Многие более опытные кадеты могли бы сказать Ишаму, что такая просьба только еще больше разозлит Бента. Так и случилось. В результате он тут же обвинил новичка в пренебрежении к старшим, что могли подтвердить несколько человек, и велел ему маршировать в сумерках, назвав это дисциплинарным взысканием.

На следующее утро после подъема Джордж и Орри узнали, что Ишам попал в госпиталь. А уже позже стало известно, как все было. Бент выгнал новичка на продуваемую ветром тропу, которая вела к Норт-Доку, а потом приказал маршировать по ней вверх и вниз быстрым шагом. Ночь была на удивление теплой для конца октября и очень сырой. Через сорок минут Ишам едва стоял на ногах.

Бент уселся на камень в середине тропы и, ухмыляясь, покрикивал на новичка. Ишам отказался просить о снисхож-

дении, а Бент и не собирался его щадить. Новичок продержался около часа. А потом рухнул как подкошенный и покатился вниз по склону. Там он и пролежал внизу без сознания до полуночи. Бент, разумеется, исчез сразу же, как только Ишам упал. И никто ничего не видел.

Очнувшись, парень кое-как сам добрался до госпиталя. Осмотр показал сотрясение мозга и три сломанных ребра. По Академии поползли слухи. Орри слышал от нескольких кадетов, что Ишам может на всю жизнь остаться калекой.

Но новобранец из Кентукки оказался крепким орешком. Он поправился. И только после того, как вышел из госпиталя, рассказал самым близким друзьям о том, что произошло. От них Джордж и Орри и узнали всю правду, хотя уже сами догадывались о многом, как и другие кадеты.

Один из офицеров-надзирателей, узнав об этой истории, внес Бента в рапорт за дисциплинарные нарушения. Однако Ишам отказался обвинять своего мучителя, поэтому ничего, кроме слухов, ему предъявить не смогли. А Бент, конечно же, все обвинения отрицал.

Пикетт принес эту новость в Жи-Пойнт днем в субботу. Орри, Джордж и еще несколько кадетов воспользовались вернувшейся жарой и отправились поплавать в реке. Джордж не мог сдержать ярости:

– Вот выродок! И с него сняли взыскание?

– Конечно, – пожал плечами Пикетт. – А как же иначе, если он все отрицал?

Джордж потянулся за своей рубашкой, висевшей на ветке дерева.

– Думаю, мы должны сами как-то приструнить мистера Тюленя.

Орри чувствовал то же самое, но, как всегда, осторожничал.

– Думаешь, это наше дело, Джордж? – спросил он.

– Теперь это дело всего корпуса. Бент солгал, чтобы обелить себя. Ты хочешь, чтобы такой человек командовал солдатами? Да он отправит людей на бойню, а потом не моргнув глазом заявит, что он тут ни при чем. Пора уже вышибить его отсюда ради общего блага.

* * *

Президентская избирательная кампания подходила к концу. Генри Клей, кандидат от партии вигов, значительно смягчил свою изначальную позицию относительно Техаса. Теперь он говорил почти то же, что его оппонент. Но те, кто был против аннексии, продолжали твердить, что включение Техаса в Союз может ввергнуть Америку в первую войну за тридцать лет. Все понимали, что, если война действительно начнется, это станет испытанием для учебных программ Вест-Пойнта и проверкой выпускников Академии, какой они не подвергались со времен Сильвануса Тайера. Все должно было решиться четвертого декабря.

Джордж и Орри почти не обращали внимания на политические споры. Они были заняты учебой и разработкой заговора против Бента. Заговор этот оставался на уровне неопределенных планов, пока наконец однажды Джордж в очередной раз не побывал у Бенни Хейвена. Там он случайно узнал, что одним из постоянных клиентов Алисы Пит был лейтенант Казимир де Йонг, тот самый офицер-наставник, который хотел наложить взыскание на Бента после случая с Ишамом. Позже Джордж сказал Орри:

– Старина Йонги ходит в «прачечную» каждую среду в десять вечера. Говорят, он проводит там не меньше часа. Держу пари, стиркой рубашек и исподнего дело не ограничивается.

К этому времени Орри уже избавился от своих сомнений и так же, как его друг, жаждал расправы над Бентом.

– Тогда, пожалуй, привычки Йонги сами диктуют нам стратегию. Мы должны заманить Бента в объятия прекрасной Алисы около половины десятого вечера в какую-нибудь среду.

Джордж ухмыльнулся:

– Предсказываю тебе блестящее будущее на полях сражений. Однако ты должен всегда знать своих союзников так же хорошо, как своих врагов.

– О чем ты?

– Прекрасная Алиса, возможно, и сговорчива, но она еще и маркитантка. Академия платит ей деньги за ее работу. Она

не примет Бента бесплатно. Особенно когда посмотрит на его брюхо.

Да, реальность была именно такова. Интрига замерла на три недели, пока несколько кадетов-заговорщиков добывали одеяла и кухонную утварь. И лучше было не спрашивать, как они это делали. Контрабанда отправлялась проверенным каналом все тому же лодочнику в обмен на наличные.

Вечером накануне выборов Джордж пришел к Алисе с деньгами в руке. И механизм, предназначенный для уничтожения Бента, заработал.

Джордж и Пикетт затеяли жаркий спор на глазах у свидетелей. Они ругались из-за того, что Полк поддерживал аннексию; Джордж настаивал, что все это не имеет никакого отношения к тому, чтобы наконец объединиться с братьями-американцами в Техасе, зато напрямую связано с расширением рабовладельческих территорий.

Раскрасневшийся Пикетт отвечал громко и раздраженно. Случайные зрители и даже те, кто участвовал в заговоре, были уверены, что он действительно разъярен не на шутку.

В следующие несколько дней все узнали, что два Джорджа разругались окончательно. Это дало Пикетту шанс притвориться другом Бента, а обаяние виргинца помогло ему держаться убедительно. В среду вечером, когда снова пошел легкий снежок, Пикетт пригласил Бента к Бенни Хейвену, чтобы выпить чего-нибудь покрепче. А потом, уже по дороге, предложил заглянуть к Алисе Пит.

Джордж и Орри, как назначенные наблюдатели, шли следом за ними. Дрожа от холода под окном Алисы, они видели, как она начала исполнять свою роль. Ее актерским способностям было далеко до таланта Пикетта, но это ничего не меняло. К тому времени, когда она подошла к Бенту, он уже положил фуражку на кресло, расстегнул воротник и проглотил три порции спиртного. Взгляд у него стал стеклянным.

Наклонившись к Бенту поближе, Алиса что-то шепнула ему на ухо. Бент вытер мокрые губы. Из-за приоткрытого окна друзья слышали, как он спросил у женщины, какова ее цена. Джордж сжал локоть Орри: наступал решающий момент. По их замыслу Алиса должна была убедить Бента, что не возьмет с него платы, потому что без ума от него.

– Это все равно что предложить кому-то поверить, будто Ниагара может вдруг потечь вверх, – заметил Пикетт, когда они придумывали план.

Но Бент был пьян, и Орри показалось, что в его мутных глазах он заметил желание быть любимым. Потом толстяк подмигнул сидевшему напротив Пикетту, виргинец встал, усмехнулся и помахал ему рукой на прощание.

Уже на улице Пикетт закрыл за собой дверь и, проходя мимо других заговорщиков, шепнул, не поворачивая головы:

– Полагаюсь на вас, надеюсь узнать обо всем, что будет дальше. – И, не сбиваясь с шага, направился прочь по хрустящему снегу.

Джордж и Орри видели сквозь окно, как Алиса взяла Бен-

та за руку и повела его к двери маленькой комнаты. Наживка была проглочена, еще немного – и ловушка захлопнется.

Ровно в десять закутанный до самых глаз Казимир де Йонг протопал по снегу, весело напевая мелодию «Chester». Подойдя к лачуге Алисы, он быстро постучал и вошел.

Друзья слышали, как закричала Алиса, – испуг был явно фальшивым. Одной рукой поправляя смятую блузку, а другой приглаживая растрепанные волосы, она выскочила в большую комнату. Из темноты за распахнутой дверью слышалось чье-то фыркание и шорох простыней.

Увидев кадетскую фуражку на кресле, старина Йонги пару мгновений рассматривал ее. Потом смял в руке и встал перед дверью спальни. Как любой хороший преподаватель тактики, он давно освоил технику устрашения. И не замедлил ее применить.

– Кто там? Немедленно выходите, сэр!

Бент появился сразу, сопя и моргая. Старина Йонги разинул рот от изумления:

– Бог мой, сэр... я просто не могу поверить своим глазам!

– Это не то, что вы думаете! – начал умолять Бент. – Я пришел... Ну, я просто пришел забрать белье из стирки.

– Со спущенными штанами? Прикройтесь ради приличий, сэр.

Орри и Джордж, пригибаясь пониже, перешли к неплотно прикрытой двери. Джордж уже едва мог сдерживать смех. В свете масляной лампы Орри увидел, как Бент нервно подтя-

нул брюки. Алиса заламывала руки:

– О мистер Бент, сэр, я так виновата! Я совсем забыла, что лейтенант приходит за своим бельем каждую неделю в это время... Вон и узелок его с...

Она пригнулась, чтобы уклониться от кулака Бента.

– Заткнись, шлюха!

– Довольно, сэр! – рявкнул де Йонг. – Ведите себя как джентльмен, если еще способны на это!

Лицо Бента блестело, как намазанное маслом. В тишине ближайших зарослей какой-то ночной зверь задел ветку. Она треснула со звуком выстрела.

– Если еще способен? – прошептал Бент. – Что вы имеете в виду?

– Разве это не очевидно, сэр? Вы будете внесены в рапорт за множество нарушений, которые мне сейчас и не перечислить. Но будьте уверены: я не пропущу ни одного. Особенно те, которые наказываются отчислением.

Бент побледнел:

– Сэр, вы просто не поняли... Если вы разрешите мне объяснить...

– Точно так же, как вы объяснили увечья Ишама? Ложью?

Де Йонг оказался очень убедительным орудием правосудия, Орри даже почти стало жаль их злейшего врага.

Офицер повернулся к двери. Бент наконец понял, что вся его карьера теперь может полететь в тартарары. Не помня себя, он схватил де Йонга за плечо.

– Уберите руки, вы, жалкий пьяница! – очень тихо выговорил де Йонг ледяным тоном. – Буду ждать вас в своем кабинете сразу, как вернетесь в Академию. И в ваших же интересах, если это случится не позднее чем через десять минут, иначе я подниму такой шум, что слышно будет в самом Нью-Йорке.

Сказав это, офицер с важным видом спустился с крыльца и вскоре исчез в снежной завесе. Двоих кадетов, съжившихся в тени, он так и не заметил.

– Ах ты, тупая жалкая шлюха! – повернулся Бент к Алисе, оттолкнув шаткий стол.

Алиса отбежала к плите и схватила мясной нож, висевший на стене:

– Убирайся отсюда! Говорил мне Пенёк, что ты чокнутый, но я не поверила! Вот дура-то... Убирайся! Пошел вон!

Она угрожающе взмахнула ножом. А Джордж и Орри, увидев, как застыл в изумлении Бент, с тревогой переглянулись.

– Пенёк? Хочешь сказать, Хазард имеет к этому какое-то отношение? Это же Пикетт надумал сюда зайти, а ты... ты ведь сама захотела меня... Ну, в общем...

Бент больше не мог говорить. Его душила слепая ярость, и Орри даже подумал, что вряд ли ему удастся когда-нибудь еще увидеть на человеческом лице такую же злобу.

Пронзительный смех Алисы только подлил масла в огонь.

– Я? Да я бы не позволила такой свинье, как ты, даже при-

коснуться к себе, если бы мне не заплатили, и притом щедро! Я и за деньги-то с трудом могла.

Бент дрожал с головы до ног:

– Мне следовало догадаться. Обман. Заговор. Они все против меня... ведь так, да?

Алиса поняла свою ошибку и попыталась ее исправить:

– Нет, я не хотела сказать...

– Не лги мне! – рявкнул Бент.

Кадеты на улице не видели, что произошло дальше. Наверное, Бент замахнулся на нее, потому что она закричала, и на этот раз непритворно.

– Заткнись, ты разбудишь всю деревню! – взревел Бент.

Именно этого и хотела Алиса, она завизжала еще громче. Бент, задыхаясь, выскочил за дверь: волосы растрепаны, в глазах ужас. Он так и побежал, одной рукой придерживая брюки.

Джордж и Орри посмотрели друг на друга. Почему-то ни один из них не испытывал радости, которую они предвкушали так долго.

* * *

Через три дня Бента отчислили из Академии.

Большинство кадетов говорили, что очень рады исключению Бента. Орри уж точно был рад. И Джордж. Хотя поначалу друзья и чувствовали себя виноватыми за то, что подстро-

или старшему кадету такую коварную западню. Но уже скоро они выбросили эту историю из головы. Когда Орри снова начал видеть Мадлен в чувственных снах, он понял, что муки совести прошли.

Победу Полка обсуждали до самого Рождества. Поскольку избранный президент продолжал говорить о своем намерении присоединить Техас, Орри стал подумывать о том, что уже через год, сразу после выпуска, может оказаться на войне с мексиканцами. А еще о том, что на северо-западе тоже того и гляди вспыхнет конфликт с Британией из-за границы Орегона. Такие прогнозы не только будоражили, но и пугали.

В последний субботний вечер декабря, когда в комнате Пикетта проходила очередная дружеская пирушка, в дверь осторожно постучали. Орри открыл дверь и увидел в коридоре Тома Джексона. Джексон стал лучшим по успеваемости в основном благодаря своей упертости. Он был немного странноват, и товарищи его недолюбливали, но сила и молчаливая свирепость Джексона поневоле вызывали уважение. Дружбу с ним водили только самые снисходительные, и компания, которая собралась у Пикетта, была как раз из таких.

– Привет, Генерал! – воскликнул Джордж, когда Джексон закрыл за собой дверь. – Перекусишь с нами?

– Нет, спасибо.

Джексон похлопал себя по животу, давая понять, что беспокоится о своем пищеварении. Долговязый виргинец выглядел серьезнее обычного, можно было даже сказать, что он

мрачен.

– Что случилось? – спросил Орри.

– У меня для вас печальные новости. Особенно для вас двоих. – Джексон посмотрел на Орри и Джорджа. – Похоже, связи кадета Бента в Вашингтоне оказались не просто хвастливыми рассказами. Я совершенно точно знаю от начальника отделения личного состава, что в этот случай успел вмешаться сам военный министр Уилкинс, пока еще был на своей должности.

Джордж провел указательным пальцем по верхней губе:

– И что теперь будет, Том?

– Отчисление признано недействительным. В ближайшие две недели мистер Бент вернется к нам.

* * *

Подобные случаи происходили и раньше. Благодаря связям своих родственников во влиятельных кругах исключенные кадеты почти всегда возвращались в стены Академии, что, разумеется, не могло не вызывать недовольство командования. Такая практика расценивалась как оскорбление, ведь даже самый добросовестный суперинтендант был бессилен помешать этому, потому что главное начальство Вест-Пойнта находилось в Вашингтоне.

Прошло всего шесть дней, и Бент вернулся – правда, уже без прежнего звания. Джордж и Орри ожидали какой-нибудь

мести с его стороны, но все было тихо. По возможности они старались избегать встреч с ним, но сталкиваться им все равно так или иначе приходилось. И каждый раз в такие моменты он делал каменное лицо, как будто знать их не знал.

— Уж лучше бы он ругался, накричал на нас, что ли, а то как-то страшно, — признался Орри. — Что он задумал?

— Я слышал, ему здорово досталось, — ответил Джордж. — Только все напрасно. Ему и без этого с его подвигами теперь светит только пехота, и то если повезет, даже с лучшими отметками.

Близился июнь. Бент продолжал держаться особняком, отмену его отчисления обсуждали все реже и наконец совсем забыли. В то время находилось много более важных тем — для всей нации это была очень важная весна.

Первого марта, за три дня до инаугурации Полка, уходящий президент Тайлер подписал резолюцию конгресса, призывающую Техас присоединиться к Союзу в качестве еще одного штата. Последствия этого шага, первым из которых стала реакция мексиканского правительства, достались уже Полку. В конце месяца посол Соединенных Штатов в Мексике был извещен о том, что дипломатические отношения разрываются.

Некоторые районы страны охватила настоящая военная лихорадка, особенно это ощущалось на Юге. Из письма Купера Орри узнал, что Тиллет уже готов отправиться на войну, чтобы защитить новый рабовладельческий штат, если за-

конодательный орган Техаса одобрит аннексию, что уже не подлежало сомнению. Северяне в вопросе войны были не так едины. Особенно сильное недовольство высказывал Бостон, который давно уже был рассадником аболиционизма.

Бент и другие кадеты последнего курса готовились к своим прощальным экзаменам и советовались с военными портными и мастерами по дорожным сундукам, которые всегда съезжались в Вест-Пойнт в это время года. В классе Бента, как это обычно и бывало, к концу обучения осталась примерно половина из тех, кто участвовал в первых летних сборах. Всем будущим выпускникам временно присваивалось звание второго лейтенанта в соответствующих родах войск. Временное назначение не давало права получать полное жалование, положенное для этого ранга, поэтому большинство выпускников стремилось добиться полноценного звания в свой первый год службы в регулярной армии. Предсказания Джорджа о судьбе Бента оказались верны. Он мог рассчитывать только на временное звание в пехоте.

После последнего построения кадетов в учебном году Бент все-таки заговорил с Джорджем и Орри. Был прохладный июньский вечер, солнце уже заходило. Мягко очерченные синеватые вершины гор, окрашенные алыми лучами предзакатного солнца, обрамляли строевой плац, где собрались новые выпускники Академии в окружении своих сияющих матерей, важных от гордости отцов, шумных младших сестер и братьев и щебечущих воздыхательниц. Джордж за-

метил, что Бент оказался в числе тех немногих, к кому не приехали родственники.

Уроженец Огайо выглядел настоящим щеголем в своем парадном кадетском мундире, который он надел в последний раз. За этот год он успел отрастить пышные усы, что не возбранялось уже без пяти минут офицерам. Примерно через час он, вероятно, должен был сесть на пароход до Нью-Йорка, чтобы принять участие в праздничном ужине, который по традиции всегда устраивался в каком-нибудь фешенебельном отеле. Разъезжались выпускники обычно в последний день сентября.

Орри озадаченно смотрел на улыбающееся лицо Бента. А когда толстяк повернул голову и вечерний свет отразился в его глазах, он вдруг увидел в них жгучую ненависть.

– То, что я должен сказать вам, джентльмены, не займет много времени. – Бент говорил отрывисто, словно пытаясь сдержать обуревавшие его чувства. – Вы едва не уничтожили мою армейскую карьеру. И этого я вам никогда не прощу. Несмотря на все ваши старания, знайте, я все-таки достигну больших высот. И уж будьте уверены, я никогда не забуду имена тех, кто запятнал мою репутацию.

Он развернулся так резко, что Джордж поневоле отпрянул, успев заметить, как вспыхнули красным светом глаза Бента в последних лучах заходящего солнца. Друзья молча смотрели, как он идет к своей казарме. Выправка его при таком солидном весе была совсем не военной.

Джордж повернулся к другу. На лице его отразилось недоумение, словно он никак не мог взять в толк, что за пафосную речь они только что слышали. Однако Орри от души надеялся, что Джордж не будет так беспечен и отнесется к этому серьезно, потому что заявлениям безумцев стоит верить.

Предупрежден – значит вооружен.

Глава 8

На время летних сборов Джордж получил звание кадета-лейтенанта. Единственным, кто не получил никакого звания на их курсе, был Орри.

Он так и оставался вечным рядовым, это было очень обидно и говорило о том, что начальству нет до него никакого дела. То есть оно, конечно, хорошо к нему относилось, даже очень хорошо. Только вот никаких способностей к военной службе в нем не видело.

Последний год, казалось, стал тому подтверждением. Пока Джордж одолевал любую новую науку с удивительной легкостью, Орри беспомощно барахтался в дебрях курса этики, который включал в себя основы конституционного права, а также практику военного трибунала. Еще тяжелее давалось ему гражданское и военное строительство, что и послужило поводом к его регулярным встречам с грозой всех кадетов, легендарным профессором Мэхеном.

Мэхен, в своем неизменном темно-синем сюртуке, синих брюках и светло-коричневом кожаном жилете, выглядел именно так, как и должен выглядеть классический профессор Академии. При ответе на свои вопросы он не допускал ни малейших отступлений от лекционного материала, который кадеты обязаны были повторить слово в слово. Если какой-нибудь глупый кадет, пусть даже очень робко, осме-

ливался высказать свое несогласие с профессором, он тут же становился жертвой знаменитого сарказма Мэхена и был безжалостно унижен в глазах товарищей. Всех учеников Мэхен разделял на категории по своему собственному разумению. Избавиться от такого приговора было невозможно, вне зависимости от того, справедлив он или нет.

Однако, несмотря на все это, кадеты любили Мэхена и даже боготворили его. Вероятно, поэтому только огромное уважение удерживало их от того, чтобы всласть не поиздеваться над его манерой говорить – профессор слегка гнусавил, отчего складывалось впечатление, что он вечно простужен. Впрочем, это не мешало им с нежностью называть его Старина Здравый Сбысл – Мэхен неизменно подчеркивал в своих лекциях достоинства «здорового сбысла».

Кроме инженерного дела, Мэхен преподавал и военную науку. На лекциях по этой дисциплине он пугал своих учеников предсказаниями о новой ужасной войне, которая станет порождением нынешнего индустриального века. Все они, по его словам, будут призваны на эту войну, совершенно непохожую на все предыдущие. И произойдет это, возможно, намного раньше, чем они ожидают. В июле генералу Закари Тейлору было приказано собрать полторы тысячи солдат и отправиться к реке Нуэсес, которую Мексика продолжала считать своей северной границей. Гарнизон расположился возле техасского городка Корпус-Кристи на случай возможной атаки мексиканцев.

К концу осени силы Тейлора увеличились до четырех тысяч пятисот солдат. Двадцать девятого декабря Техас вошел в состав Союза как двадцать восьмой штат с условием, что его юго-западная граница по-прежнему будет проходить по реке Рио-Гранде, как было определено после окончания войны за независимость от Мексики и провозглашения республики.

Протесты Мексики стали еще более агрессивными. Договор о присоединении они объявили недействительным на основании того, что Техасской республики никогда не существовало. С юридической точки зрения незаконное политическое образование не имело права входить в состав Соединенных Штатов. Стало быть, никакого присоединения не было и эта территория по-прежнему принадлежит Мексике. Любые возражения по этому вопросу неминуемо приведут к печальным последствиям.

Такие угрозы очень нравились тем американцам, которые считали, что их нация обладает чуть ли не божественным правом расширять свои границы. Конгрессмен от Массачусетса Роберт Уинтроп, случайно натолкнувшись в какой-то никому не известной газете на одну хлесткую фразу, решил, что она способна в полной мере оправдать это право, и решил сделать ее достоянием общественности. Уже в начале января, выступая на заседании конгресса, Уинтроп произнес свою речь о «явном предначертании» Америки, и страна получила новый боевой клич.

В течение зимы все попытки мирных переговоров, предпринимаемые Джоном Слайделлом, потерпели неудачу. Подчиняясь приказам из Вашингтона, генерал Тейлор передислоцировался в район реки Рио-Гранде; это была малонаселенная территория, на которую претендовали и Мексика, и Техас. Разговоры о реальной угрозе войны слышались все чаще. Противники президента называли ее «войной мистера Полка».

В ту тревожную весну 1846 года Джордж Хазард, хорошенько осмотревшись вокруг, неожиданно понял, что за четыре года, пока он наслаждался сигарами и девушками, время от времени отвлекаясь на учебу, очень многое изменилось. Вчерашние мальчишки превратились в юношей, а юноши – в закаленных мужчин, которые уже совсем скоро надедут офицерские мундиры, да к тому же, если говорить о них с Орри, успели даже обзавестись небольшими усиками.

Орри отправлялся в пехотные войска, поэтому Джордж записался туда же. Кое-кто из профессоров и офицеров-наставников был недоволен таким выбором. Все в один голос говорили ему, что с его блестящими отметками он с легкостью попадет в артиллерию или даже в топографическое управление при штабе. Орри тоже настоятельно убеждал его изменить свое решение, но Джордж был непреклонен.

– Да я лучше пойду в пехоту вместе с другом, чем буду метаться среди оружейных лафетов в толпе совершенно чужих людей. К тому же я по-прежнему собираюсь выйти в отстав-

ку, отслужив положенные четыре года. Так что мне совершенно все равно, где провести это время, лишь бы не пришлось слишком часто стрелять.

Если Джорджа перспектива отправиться на войну не привлекала ни в малейшей степени, то Орри, напротив, мечтал столкнуться с реальной опасностью и, как говорится, посмотреть смерти в лицо где-нибудь в мексиканской глуши. Иногда такое желание пробуждало в нем чувство вины, но он все равно считал, что опыт участия в настоящем бою бесценен для любого мужчины, который решил посвятить себя военной службе. И хотя начальство явно не считало целесообразным поощрять его стремления, он был полон решимости добиться своей цели. И не важно, что думают остальные, он все равно станет солдатом.

Большинство выпускников испытывали такое же воодушевление, хотя вероятность участия в войне и не могла не вызывать у них тревогу. «Избалованные аристократы» Вест-Пойнта, как их часто называли, могли наконец получить возможность показать, чего они стоят. И если уж на то пошло, то не только они, но и вся армия. Очень многие граждане смотрели на американского солдата с большой долей презрения, считая его единственным достоинством блестящее умение притворяться больным.

Перед самым их выпуском вопрос войны был наконец решен. Двенадцатого апреля мексиканцы потребовали от генерала Тейлора, армия которого в то время уже стояла возле

Матамороса, обратиться с их территории. Однако старый служака проигнорировал их требования, и в последний день месяца мексиканские солдаты начали форсировать Рио-Гранде. В начале мая армия Тейлора нанесла поражение трижды превосходившему ее противнику возле Пало-Альто, а несколько дней спустя повторила свой успех у Ресака-де-ла-Пальма. С этого все и началось. Пограничный конфликт дал конгрессу основание говорить о вторжении на американскую территорию, и двенадцатого мая Мексике была объявлена война.

Эта война подняла в обществе целую бурю споров. Джордж в своем мнении не был так радикален, как некоторые северяне, которые поддерживали партию вигов и открыто выступали против позиции южан. Ярким примером таких настроений был Хорас Грили, главный редактор «Нью-Йорк трибьюн»; он назвал эту войну лживой и захватнической и предостерег граждан о том, что южные заговорщики толкают всю нацию в «неизмеримую пучину бед и преступлений». Мексиканская пропаганда, твердившая о каком-то непонятном крестовом походе против католицизма в Северной Америке, также не вызывала у Джорджа ничего, кроме насмешки. И вообще, настроившись на четыре года праздной армейской жизни, он считал начавшуюся войну обременительной и досадной помехой.

Сразу же после того, как Джордж решил пойти в пехоту, он написал отцу и попросил его использовать кое-какие свои

связи наверху. И вот наконец пришел приказ о его назначении в Восьмой пехотный полк. Орри был несказанно обрадован, ведь и его направляли туда же. Джордж сделал вид, что очень удивлен таким совпадением.

В чудесный июньский день выпускники выслушали добрые пожелания своих профессоров и в последний раз прошли строем по плацу Академии. Джордж и Орри впервые надели форму регулярной армии: темно-синие мундиры и светло-синие брюки с тонкой белой нашивкой, обозначающей пехотные войска.

Отец Джорджа и его брат Стэнли были на параде. А вот родные Орри не смогли приехать из Южной Каролины. Сразу после торжеств старшие Хазарды сели на пароход до Олбани, где их ждали важные дела. Джордж и Орри должны были отплыть часом позже.

Когда пароход отошел от причала, Орри подошел к поручням и стал смотреть на утес, провожая глазами тропу, по которой они впервые карабкались четыре года назад.

– Знаешь, а я буду скучать по этим местам. Ты только не смейся, но больше всего я буду скучать по звукам барабана. Даже не представляю, как теперь жить без них.

Джордж не стал смеяться, лишь покачал головой:

– Тебе нравилось, когда твоя жизнь делилась на строгие отрезки времени?

– Да. Это придавало каждому дню определенный ритм. Ты знал, что есть раз и навсегда заведенный порядок, на ко-

торый ты можешь рассчитывать.

– В таком случае не стоит тосковать. В Мексике мы еще не раз услышим барабанный бой.

Когда пароход проходил мимо острова Конституции, сумерки все больше сгущались. Вскоре пароход двигался вниз по Гудзону уже в полной темноте. В городе они сначала отметились в комендатуре, а на следующий день отправились бродить по Нью-Йорку. Столкнувшись на Бродвее с двумя драгунскими офицерами, они впервые отдали честь.

– Мы теперь солдаты, – взволнованно сказал Орри. – Настоящие солдаты, понимаешь?

Джордж пожал плечами, не слишком разделяя воодушевление друга. Перед тем как сесть на поезд до Филадельфии, он пообещал Орри приехать к нему в Монт-Роял к концу отпуска. Оттуда они могли бы вместе отправиться к месту службы. Джордж охотно принял приглашение Орри. За последние четыре года он не встретил почти ни одного южанина, который бы ему не понравился. К тому же он еще не забыл о том, что Купер Мэйн говорил о хороших девушках у них дома.

* * *

Первое, что сделал Джордж, добравшись до Лихай-стейшн, так это достал из сундука тщательно упакованный осколок метеорита, найденный на холме над Вест-Пойн-

том, и положил его на подоконник в своей комнате, чтобы никто из горничных ненароком не выбросил его, приняв за ненужный хлам. Потом он сел рядом и, сложив руки под подбородком, принялся разглядывать свое сокровище.

Так прошло десять минут. И еще десять. В гулкой тишине шершавый, насыщенный железом обломок словно беззвучно говорил с Джорджем, рассказывая о своем могуществе, способном изменить или разрушить все, что только может построить или изобрести человек. Когда Джордж наконец встал, собираясь выйти из комнаты, он вдруг почувствовал, как по спине бежит легкий холодок, хотя в доме в этот летний день было жарко.

Несмотря на ироничный нрав, для Джорджа все-таки существовало кое-что в его жизни, к чему он относился очень серьезно. Этот кусок звездного железа, ставший в свое время основой состояния рода Хазардов, был как раз из числа таких редких исключений. И Джордж вовсе не собирался встретить героическую смерть, о которой все вскоре забудут, где-нибудь в Мексике, ведь впереди его ждали великие дела. Пусть Орри тратит свою жизнь, улаживая пограничные конфликты на полях сражений. Но именно он, занимаясь своим делом, сможет по-настоящему изменить этот мир.

В середине сентября Джордж уложил вещи и попрощался с родными. Огромная армия Тейлора тем временем уже продвигалась к мексиканскому Монтеррею, согласившись на просьбу противника о восьминедельном перемирии.

Джордж следил за событиями, потому что его полк под командованием генерала Уорта был частью Второй дивизии Тейлора. Восьмой полк уже участвовал в жарких боях, скорее всего не последних.

Чтобы скоротать долгий путь в поезде, идущем до Южной Каролины, Джордж решил еще раз выстроить в голове все свои мысли о Севере и Юге. Когда они учились, кадеты из обеих частей страны в целом соглашались с тем, что янки лучше подготовлены, так как самые хорошие школы находились на севере. При этом южане надменно добавляли, что это не имеет ровно никакого значения, поскольку сражение выигрывает не самый умный, а самый храбрый полководец.

Если бы Джорджа попросили описать различия между северянами и южанами вкратце, он сказал бы, что янки практичны, неутомимы, любопытны ко всем проявлениям жизни и полны желания постоянно совершенствовать все, что только можно. В отличие от них, южане были вполне довольны своей жизнью. И в то же время они просто обожали вести бесконечные споры и отвлеченные рассуждения по трем основным темам: политика, рабовладение и Конституция.

Разумеется, рабство всегда преподносилось как благо. Однако Джордж запомнил, как Орри однажды обмолвился, что так было не всегда. Еще в детстве он случайно услышал разговор отца и каких-то джентльменов, гостивших у них. Когда речь зашла о понятии личной собственности, Тиллет заявил, что, по его убеждению, некоторые стороны рабства против-

ны как Богу, так и человеку. Однако после восстаний Визи и Тёрнера таких вольных разговоров в Монт-Роял больше не велось. Тиллет говорил, что это может поощрить негров к новому бунту.

Сам Джордж твердой позиции по отношению к рабству не имел. Он был ни за него, ни против. В Южной Каролине он решил на эту тему не заговаривать и уж тем более не сообщать Мэйнам, как к этому относятся остальные члены его семьи. Его мать и отец не были фанатичными аболиционистами, но считали рабство в целом недопустимым.

Орри встретил его с каретой на крошечном лесном полустанке Северо-Восточной железной дороги. По пути к плантации друзья оживленно болтали о войне и о том, что случилось за последние месяцы. Орри сообщил, что его семья две недели назад вернулась из летней усадьбы, чтобы быть дома к приезду Джорджа.

Джордж был очарован пышной зеленью этих земель, ошеломлен размерами и красотой поместья Монт-Роял и покорилен родными Орри.

Ну, по крайней мере, большинством из них. Тиллет Мэйн немного насторожил его своей суровостью и сдержанной подозрительностью по отношению к чужакам. Еще был кузен Чарльз, вызывающе красивый мальчик, который, как ему показалось, только и делал, что криво ухмылялся, скакал на лошади и упражнялся со здоровенным охотничьим ножом боуи.

Сестры Орри, конечно же, оказались слишком молоды для Джорджа. Бретт, которой едва исполнилось девять, была хорошенькой и веселой девочкой, но на фоне своей старшей сестры совершенно терялась. Одиннадцатилетняя Эштон была самым удивительным ребенком, которого только доводилось видеть Джорджу. Даже в таком юном возрасте она уже была настоящей красавицей, и он не осмеливался предположить, какой она станет к двадцати годам.

Первый день в Монт-Роял Джордж провел, гуляя по полям и изучая систему работы рисовой плантации. Позже его передали под опеку Клариссы и девочек, которые отвели гостя в чудесную летнюю беседку в одном из уголков сада. Когда все удобно усьелись в плетеные кресла, две девочки-негритянки принесли им вкуснейший лимонад и маленькие пирожные.

Вскоре Кларисса извинилась, сказав, что ей нужно отдать кое-какие распоряжения на кухне. Эштон сложила руки на коленях и уставилась на Джорджа внимательным взглядом.

– Орри говорил, что в Академии вас прозвали Пеньком. Но мне кажется, это прозвище вам совсем не подходит. – Она улыбнулась, сверкнув большими темными глазами.

Джордж провел пальцем под тугим жарким воротником. Это был один из тех редких случаев, когда он не нашелся что ответить.

От смущения его спасла Бретт.

– Никогда не видела такой красивой формы! – восклик-

нула она. — Правда, я не так уж много ее видела...

— Еще красивее то, что под формой, — заявила Эштон, и тут уж Джордж по-настоящему покраснел.

Сестры были больше похожи на миниатюрных женщин, чем на детей. А кокетливые манеры Эштон доставляли Джорджу скорее неловкость, чем удовольствие.

Все дело в ее возрасте, решил он. Она была слишком юна, чтобы флиртовать с ним, тем не менее пыталась это делать. Джорджу нравились хорошенькие женщины, но по-настоящему красивых он старался избегать. Они всегда знали о своей привлекательности, что часто делало их капризными и заносчивыми. Джордж подозревал, что Эштон Мэйн именно из такой породы.

Эштон продолжала пристально разглядывать его поверх стакана с лимонадом. И Джордж был безмерно рад снова вернуться в мужскую компанию, когда наконец пришло время.

* * *

Два дня спустя, за ужином, Кларисса объявила о том, что решено устроить большой пикник, для того чтобы с Джорджем смогли познакомиться их родственники и соседи.

— Если повезет, нас удостоит чести сам сенатор Кэлхун. Он уже несколько недель гостит у себя дома, в Форт-Хилле. У него слабые легкие, а климат на берегах Потомака толь-

ко ухудшает его состояние. Вдалеке от столицы воздух чище и здоровее. Это приносит ему некоторое облегчение, а значит... Тиллет, почему, скажи на милость, ты вдруг так скривился?

Все головы тут же повернулись к другому концу стола. Снаружи в неподвижном воздухе послышался далекий раскат грома. Эштон и Бретт обменялись тревожными взглядами. Начинался сезон ураганов, которые налетали с океана, сметая все на своем пути.

– Джон теперь совсем не такой, как мы, – сказал Тиллет.

Смахнув севшую на лоб муху, он сердито взмахнул рукой. Маленький негритенок, который неподвижно стоял в углу, держа опухшее плечо, как мушкет, тут же метнулся вперед и замахал над головой хозяина. Но было уже слишком поздно. Своей нерасторопностью он вызвал недовольство и понимал это. Страх, который Джордж увидел в глазах этого ребенка, сказал ему намного больше о взаимоотношениях рабов и их владельцев, чем любая многочасовая лекция аболиционистов.

– Каждый раз, когда собирается наше достопочтимое общество, мы провозглашаем тост за Джона, – продолжал Тиллет. – Мы пели ему дифирамбы, устанавливали памятные доски, прославляя его как величайшего из ныне живущих граждан штата, а возможно, и всей страны. А потом он перебрался в Вашингтон и начисто забыл о воле своих избирателей.

Купер негромко хмыкнул, чем явно рассердил отца, но все-таки осмелился возразить.

– А по-вашему, – дерзко сказал он, – мистер Кэлхун может считаться южнокаролинцем, только если он во всем согласен с вами? Возможно, его выступления против войны и непопулярны, но они явно искренни. И уж он точно поддерживает и продвигает большинство других ваших взглядов.

– Чего нельзя сказать о тебе. Но я не особенно этим огорчен. – Язвительность в тоне старшего Мэйна заставила Джорджа почувствовать неловкость, да и огорчен был Тиллет явно гораздо сильнее, чем хотел показать.

– Вот и хорошо! – резко ответил Купер, взмахнув рукой с бокалом вина. – Зачем вам беспокоиться о том, что думаю я? Вы даже мнение всей нации игнорируете, – добавил он, не обращая внимания на умоляющий взгляд матери.

Тиллет стиснул салфетку и бросил взгляд на Джорджа, стараясь изобразить улыбку:

– Мой сын считает себя большим специалистом по государственным вопросам. Иногда мне кажется, он чувствовал бы себя гораздо уютнее, живя на Севере.

Купер перестал улыбаться.

– Вздор! – сказал он, выпрямившись на стуле. – Я презираю этих никчемных аболиционистов со всей их фарисейской болтовней и показным раскаянием. Но их лицемерие не мешает мне признавать справедливость некоторых их обвинений. Как только кто-то осмеливается критиковать наши

ужные порядки, мы все мгновенно ошестиниваемся, как ди-
кообразы. Янки утверждают, что рабство – это зло, мы же объ-
являем его благодеянием. Они указывают нам на шрамы, по-
крывающие черные спины...

– В Монт-Роял ты ни у кого не найдешь ни одного шра-
ма! – перебил его Тиллет, к радости Джорджа.

Но Купер словно не слышал отца:

– ...а мы упрямо повторяем, что рабы счастливы. Ни один
человек, лишенный свободы, не может быть счастлив, про-
пади оно все пропадом!

– Следи за своим языком, здесь дети! – рявкнул Тиллет.

Но сын уже распалился не на шутку и был так же зол, как
и его отец.

– Вместо того чтобы признать правду, мы ее избегаем. Мы
хотим оставаться теми же, кем были сто пятьдесят лет на-
зад, – землевладельцами, чей урожай зависит от пота черных
невольников! Мы игнорируем людей вроде отца Джорджа,
хотя на Севере их становится все больше и больше. Отец
Джорджа производит железо, и работают у него свободные
люди. Это железо превращается в машины. Машины созда-
ют будущее. Янки понимают, каким будет нынешний век, а
мы цепляемся за прошлое. Если сенатор Кэлхун больше не
твердит как попугай о традиционных ценностях штата, то
Бог ему в помощь. И пусть появятся еще десятки таких же,
как он.

– Очень невежливо с вашей стороны разговаривать так

несдержанно при нашем госте! – сказала Кларисса с непривычной для нее резкостью.

– Ну конечно! Черт с ней, с правдой! Хорошие манеры прежде всего.

Купер насмешливо поднял свой бокал. Тиллет в бешенстве выбил его из руки сына. Негритенок быстро пригнулся. Бокал разбился о стену. Бретт взвизгнула и откинулась назад на стуле, прикрыв глаза ладонью. Орри посмотрел на гостя и пожал плечами, виновато улыбаясь.

– Ты слишком много выпил, Купер! – воскликнул Тиллет, кипя от злости. – Тебе лучше уйти прямо сейчас, пока ты еще владеешь собой.

– В самом деле, – согласилась Кларисса; она сказала это очень тихо, но слова прозвучали как приказ.

Купер и правда вел себя так, будто слегка захмелел, подумал Джордж. Не говоря ни слова, он встал, посмотрел на отца, рассмеялся и вышел из комнаты. Тиллет был бледен, – видимо, насмешка сына разгневала его даже больше, чем непозволительные речи.

До конца ужина никто не улыбался и почти не разговаривал. Джордж чувствовал себя подавленно. Было совершенно очевидно, что в семье Мэйн появилась трещина. Такая же, которая, как говорил его собственный отец, медленно, но неизбежно раскалывала всю страну.

Глава 9

Хотя время для пикника в эту пору было не самым удачным, гостей собралось не меньше двух сотен. Многие приехали из своих летних домов, а некоторые даже из Колумбии. Это произвело впечатление на Джорджа, но все же не такое, как прибытие ближе к полудню Джона Кэлхуна.

Сенатор Кэлхун и его жена Флорид подъехали по аллее в старом, но элегантном ландо. Друзья и все любопытствующие поспешили им навстречу, окружив коляску. Джордж слышал, как кто-то сказал, будто сенатор провел ночь в Чарльстоне; кроме кучера, чету Кэлхун сопровождали трое домашних слуг, все они ехали за хозяйской коляской в телеге, запряженной мулом.

За последние тридцать лет никто не играл более влиятельную роль в жизни американской нации, чем этот высокий человек с хищным лицом, который, стремительно выскочив из повозки, стал приветствовать обступивших его людей. Джордж даже не мог вспомнить все должности, которые занимал Кэлхун. Знал только, что он был министром обороны и вице-президентом.

В начале своей карьеры Кэлхун был ярым сторонником федерального союза и Академии. Когда другие возражали против амбициозной программы реформ Сильвануса Тайера, Кэлхун поддержал ее, считая, что Америка не может быть

сильным государством без сильной армии. Ну а большинство северян, разумеется, при имени Кэлхуна теперь вспоминали только одно: доктрину нуллификации.

Сенатор предложил эту доктрину в начале 1830-х годов. Причиной этому послужили высокие протекционистские тарифные пошлины, крайне непопулярные в Южной Каролине. Кэлхун добивался суверенного запрета взыскания этих пошлин в штате, что, по сути, означало право любого штата отказаться от исполнения любого федерального закона, который ему почему-то не понравится. Президент Джексон заставил Кэлхуна пойти на попятную и покончил с движением за нуллификацию, пригрозив пустить в ход федеральные силы.

Когда Джорджа представили Кэлхуну, он предположил, что сенатору должно быть уже хорошо за шестьдесят. Возраст и болезнь, конечно, оставили свой след на его исхудавшем лице и высокой сухопарой фигуре, однако густые, зачесанные назад седые волосы и яркие синие глаза еще напоминали о том, что когда-то Джон Кэлхун был очень хорош собой.

Пробормотав несколько хвalebных слов о Вест-Пойнте, сенатор двинулся дальше. Джорджу он показался измученным и озлобленным. Улыбка у него была натянутой, движения напряженными.

Вскоре от усилий запомнить всех, с кем его знакомили, у Джорджа закружилась голова. Мэйны и Буллы, Смиты и Рет-

ты, а также Хьюджеры, Бойкины, Ламотты и Равенели. Одна из юных представительниц семьи Смит, примерно его ровесница, похоже, была так же очарована его мундиром, как он – ее декольте. Они условились встретиться через двадцать минут возле стола с пуншем.

Герр Нагель, учитель сестер Мэйн, уже едва стоял на ногах от невоздержанных возлияний. Джордж помог ему добратся до скамьи и усадил. Потом он провел несколько отвратительных минут, поддерживая разговор с главным надсмотрщиком плантации Тиллета, малорослым янки по имени Салем Джонс. У Джонса было ангельское лицо, но неприятные глаза, и он постоянно смотрел в дальнюю часть лужайки, где были накрыты два стола для привилегированных домашних рабов. Им позволили немного перекусить, пока не понадобится выполнить какую-нибудь работу для гостей. Туда же отправили чернокожих слуг сенатора Кэлхуна, и теперь там становилось довольно шумно. Джонс, поджав губы, зорко наблюдал за слугами.

Небо вдруг потемнело, и пошел дождь. Гости разбежались, но уже через пять минут дождь прекратился, и все снова стали выходить на лужайку. Ту девушку, с которой Джордж договорился о встрече, он так и не нашел. Зато наткнулся на Орри, тот был рассеян и задумчив.

– Так кто же покорило твое сердце? – спросил он. – А-а, кажется, понимаю. – Его улыбка быстро погасла. – Крупные кольца на руке, и одно из них обручальное. Так это в нее ты

влюбился два года назад?

– Но ведь она прелестна, разве нет? – тихо сказал Орри.

– Не просто прелестна – она сногсшибательна. Значит, это и есть Мадлен. Но выглядит она измученной. – Словом «усталая» едва ли можно было описать странное, словно оцепеневшее, выражение ее лица.

– Она только что вернулась из Нового Орлеана, – попытался объяснить Орри. – У ее отца снова случился удар, она помчалась туда, а через пару дней после ее приезда он умер. Ей пришлось самой заниматься похоронами. Так что неудивительно, что она измотана.

Голос Орри выдавал его чувства, и Джордж не мог не заметить этого. В последние месяцы он почти не слышал о пресловутой Мадлен и решил, что страстное увлечение его друга прошло. Но он ошибался.

Джордж повнимательнее присмотрелся к молодой женщине. Несмотря на темные круги под глазами, она действительно была одним из самых прекрасных созданий, каких ему доводилось видеть. Алые полные губы, бледная кожа и прямые черные волосы создавали совершенно удивительный контраст, делающий ее облик ярким и незабываемым. Джордж наклонился поближе к другу.

– А я знакомился с ее мужем? – спросил он.

– Да. Вон тот мужлан.

Орри слегка кивнул в сторону одного из Ламоттов. И тогда Джордж вспомнил, как их представляли друг другу. Джа-

стин – так его звали. Надменный тип. Как и его брат Фрэнсис, который стоял рядом со своей безвкусно одетой женой и смазливый сыном. Этот сынок, в своем щегольском сюртуке и модном галстуке, был таким же самодовольным индюком, как его отец и дядя. Все трое вели себя так, словно были членами какой-нибудь королевской семьи из Европы, а не обычными американскими землевладельцами.

– Как она вообще уживается с такими неприятными людьми? – шепотом спросил Джордж.

– Отлично уживается. Мадлен может самого дьявола очаровать. И свои обязанности на плантации она замечательно выполняет, как матушка говорит. Это удивительно, ведь ее никто не учил вести хозяйство и принимать роды. А Джастин, я уверен, совсем этого не ценит. Идем, я тебя представлю.

Молодые люди направились к Мадлен. При виде них лицо ее оживилось, словно осветившись внутренним светом. Бог мой, подумал Джордж, да она тоже влюблена без памяти! Однако уже через мгновение к ней вернулась прежняя застывшая маска, и, глядя в ее полные ужаса глаза, Джордж решил, что причиной такой перемены был, безусловно, не кто иной, как ее муж.

Мадлен сделала несколько шагов в сторону от Джастина. Однако, прежде чем Орри успел с ней заговорить, справа от него прошли Кэлхун и Тиллет Мэйн, сопровождаемые несколькими гостями, которые почтительно шли следом и

внимательно прислушивались к словам сенатора.

— Есть мнение, что история с нуллификацией была уроком, Тиллет. Что сама доктрина была ошибкой. Я с этим не согласен. Доктрина совершенно законна и ни в коей мере не противоречит Конституции. Просто мы пытались внедрить ее безрассудными методами. И тем самым обрекли на неудачу. Один штат не может рассчитывать на победу над федеральным правительством. Совсем другое дело, когда объединяются несколько штатов с твердым намерением добиться своего.

Тиллет слегка откашлялся.

— Вы говорите об отделении?

Кэлхун раздраженно передернул плечами:

— Ну, в последнее время на Юге только и разговоров что об этом. Буквально позавчера я слышал это в Чарльстоне. Один уважаемый мною джентльмен назвал отделение единственным приемлемым ответом на условия сенатора Уилмота.

Он имел в виду поправку к некоторым федеральным законам, которая позволила бы выделить два миллиона долларов на ускорение переговоров с Мексикой. Предложение Уилмота заключалось в категорическом запрете рабства на любых территориях, которые будут получены в результате этих переговоров. Аргументы за и против вызвали переполох во всей Америке. Закон прошел через палату представителей, но сенат заблокировал его перед каникулами в середине ав-

густа.

– Тот джентльмен прав, – заметил один из сопровождавших их слушателей. – Это условие – настоящая провокация. И оскорбление для Юга.

– А чего еще ожидать от демократа из Пенсильвании? – возразил Тиллет. – У них ведь на Севере просто неисчерпаемые запасы добродетелей!

Кэлхун усмехнулся:

– Да, и разговоры об отделении возникли как раз из-за этого. Возможно, другого способа успокоить этот регион просто не существует.

– Ну так и нечего резину тянуть! – вмешался Джастин Ламотт.

Проходя мимо жены, он бросил на нее мрачный взгляд. Джордж никак не мог понять причину его злости. Неужели Ламотт рассердился только из-за того, что Мадлен заинтересовалась разговором – одна женщина среди дюжины мужчин? Жена его брата Фрэнсиса предусмотрительно держалась на почтительном расстоянии.

– Как бы я ни презирал некоторых из этих политиков-янки, – сказал Тиллет, обращаясь к Джастину, – мне ненавистна сама мысль о том, что после всех наших усилий по созданию этой страны придется выбирать раскол.

Губы Кэлхуна дернулись.

– Слово «выбирать» здесь вряд ли уместно, – произнес он. – Если дойдет до отделения, для нас это будет вынуж-

денный шаг, навязанный нам теми северянами, чье любимое развлечение – глумиться над нами.

– Нам будет лучше после отделения, – заявил Фрэнсис Ламонт.

– Фрэнсис, да как вы можете так говорить?

Услышав женский голос, мужчины застыли от неожиданности. Потом все как один повернули головы и разинули рты. Джастин выглядел так, словно готов был провалиться сквозь землю. Орри с тревогой смотрел, как его стыд стремительно превращается в ярость.

Но Мадлен, похоже, такая реакция на ее слова несколько не смутила. Странное, словно замороженное, выражение исчезло с ее лица, глаза теперь сияли живым блеском. Заговорив, она уже явно не собиралась умолкать.

– Я родилась и выросла на Юге, сенатор, – обратилась она к Кэлхуну. – И еще много лет назад впервые услышала, как мужчины говорят о выходе из Союза. Мой отец всегда считал эту идею пагубной и глупой, утверждал, что она не принесет ничего, кроме вреда. Я с тех пор немало думала об этом и могу сказать, что согласна с ним.

В отличие от всех остальных мужчин, не скрывавших своего возмущения таким неслыханным поведением, Кэлхун выслушал Мадлен достаточно вежливо, но и он был весьма озадачен посягательством женщины на мужскую территорию.

– В самом деле, мадам? – сказал он, слегка приподняв

бровь.

– Разумеется! – Мадлен одарила его обезоруживающей улыбкой. – Вы только подумайте о практической стороне дела. Что, если мы отделимся и цены на рынке хлопка и риса пойдут вниз? Такое уже случалось прежде. Много ли сочувствия и помощи мы получим тогда от северных штатов? Что, если там окажется у власти весьма недружелюбное к нам правительство? Что, если они примут законы, которые помешают нам покупать товары для наших повседневных нужд? Мы зависим от Севера, сенатор. У нас нет своих заводов. И никаких серьезных ресурсов, кроме...

– У нас есть наши принципы, – перебил ее Джастин. – Они поважнее заводов. – Он взял жену под локоть, и Джордж увидел, как она поморщилась. – Но я уверен, что сенатора не интересует женское мнение.

Встревоженный горевшей в глазах Ламотта яростью, Кэлхун постарался смягчить ситуацию:

– О нет, мне всегда интересно мнение моих избирателей, кто бы они...

Джастин не дал ему договорить.

– Пойдем, дорогая. Там кое-кто хочет с тобой повидаться. – Его щеки покрылись красными пятнами, застывшая улыбка напоминала оскал черепа.

– Джастин, прошу тебя... – Мадлен попыталась высвободить руку.

– Идем!

Он с силой развернул жену. Фрэнсис пошел за ними. Джордж с тревогой посмотрел на друга. На мгновение ему показалось, что Орри готов совершить убийство. Потом Кэлхун сказал какую-то шутку, чтобы ослабить напряжение, и кризис миновал.

А Джастин тем временем тащил Мадлен к дальней стороне лужайки, где стоял длинный ряд из экипажей прибывших гостей. Он знал, что люди наблюдают за ними, но был слишком взбешен, чтобы волноваться об этом. Фрэнсис умолял его успокоиться. Джастин обругал брата и велел ему убираться. Фрэнсис с подавленным видом вернулся к гостям.

Джастин с силой толкнул жену к большому колесу одной из карет. Ударившись спиной о выступающий конец оси, она охнула от боли.

– Не прикасайтесь ко мне! – закричала Мадлен. – Вы не имеете права так со мной обращаться...

– Я на все имею право! – рявкнул Джастин. – Я твой муж! Ты меня унизила на глазах сенатора и моих друзей!

Мадлен смотрела на него во все глаза, кровь отлила от ее щек.

– Прошу прощения, Джастин. Я не знала, что не согласиться с чьим-то мнением в Южной Каролине – значит совершить преступление. Я не знала, что возможность высказаться ограничена...

– Хватит болтать!

Он вывернул ей руку и снова прижал к ободу колеса. Мад-

лен негромко вскрикнула и с отвращением посмотрела на мужа:

– Вы просто чудовище! Для вас имеет значение только ваша чертова репутация, вам плевать на чувства тех, кого вы раните, повинувшись собственным прихотям. Я это заподозрила сразу после первой брачной ночи. А теперь у меня не осталось сомнений.

«И я могла бы навсегда уничтожить вашу драгоценную репутацию», – подумала она. Хотя и понимала, что не сделает этого, несмотря на свою ярость.

А вот Джастин уже не владел собой. Даже то, что Мадлен пыталась возражать – а это всегда изумляло его в женщинах, – не остановило его. Он снова встряхнул жену:

– Есть еще кое-что, моя дорогая, в чем ты можешь не сомневаться. Твое положение. Ты – *жена*. А это значит, что ты не должна высказывать свои мнения по любым по-настоящему важным вопросам. Женщины, претендующие на ум, обычно плохо заканчивают в этой части света. И твоему покойному отцу следовало научить тебя этой премудрости.

– Он учил меня тому, что любая женщина может мыслить независимо и ничего плохого в этом нет.

– Меня не интересуют заблуждения твоего отца. Более того, я благодарен судьбе, что мне ни разу не пришлось обсуждать с ним эту тему. В противном случае мне, чего доброго, пришлось бы убедить его более вескими доводами.

Мадлен с силой выдернула руку и прижала ее к груди.

– Это все, на что вы способны, да? Бить всякого, кто с вами не согласен? Пробивать себе дорогу угрозами и оскорблениями?

– Называй это как хочешь. Только запомни одно: женщины и идеи несовместимы. Сестры Гримке были вынуждены уехать из этого штата, потому что не усвоили этот урок. Теперь они на Севере, проповедуют свободу ниггерам и свободную любовь, позорят и себя, и всех женщин. Мне не нужна жена, которая ведет себя подобным образом. Ты должна всегда знать свое место. И я тебе обещаю, – Джастин наклонился ближе, волосы упали ему на лоб, и вся бравада Мадлен тут же покинула ее, когда она увидела его глаза, – если ты еще раз откроешь рот и опозоришь меня на людях, ты ответишь за это. Я тебя предупредил.

Он отодвинулся и поправил волосы. А потом вернулся на лужайку, пытаюсь улыбаться так, словно ничего не случилось. Но и Джастин Ламотт, и его жена понимали, что с этого дня их отношения изменятся. Теперь они доподлинно знали друг о друге то, о чем раньше каждый из них мог только догадываться.

– Чудовище, – снова прошептала Мадлен.

Как было бы сладко и жестоко передать Джастину то, что сказал ей отец перед самой смертью, подумала она. Передать слово в слово!

Мадлен прислонилась к колесу кареты, пытаюсь сдержать слезы. Она не знала, что хуже: ее унижение, гнев или уверен-

ность в том, что угроза Джастина – не пустой звук.

* * *

Орри наблюдал за тем, что произошло возле экипажей, издали. Ему стоило огромных усилий не броситься на помощь Мадлен и не избить Ламотта до бесчувствия. Но она была связана со своим мужем церковным и гражданским законом. Она была женой Джастина, его собственностью. И если бы Орри послушался своих чувств и вмешался, он только ухудшил бы ее положение.

Когда Мадлен взяла себя в руки и вернулась к гостям, продолжавшим шептаться о ней, он восхитился ее храбростью. И мысленно проклял этих людей за насмешливые взгляды, которые они бросали ей в спину. Джордж заметил его волнение. И Купер тоже – он уже достаточно наслушался сплетен о том, как жена Ламотта осмелилась спорить с Кэлхуном.

И Купер, и Джордж пытались поговорить с Орри, но он сбежал от них обоих. Наконец, побродив несколько минут без всякой цели, он заметил Мадлен. Она была одна. И тогда он отбросил осторожность и решительно направился в ее сторону, потому что весь последний час не мог думать ни о чем другом.

– С вами все в порядке? – спросил он.

– Да, да. – (Но это, конечно, было не так, Орри буквально слышал кипевшее в ней возмущение.) – Мы не должны раз-

говаривать наедине.

— Я люблю вас, — трясясь как в лихорадке, выговорил Орри, глядя на носки своих ботинок. — И я не могу видеть, что с вами плохо обращаются. Давайте встретимся завтра. Или послезавтра. Прошу вас...

Мадлен не колебалась:

— Хорошо. Завтра. Где?

Орри быстро объяснил, как дойти до первого безопасного места, какое пришло на ум. Едва он договорил, Мадлен судорожно вздохнула:

— Кто-то идет...

Он шепотом назвал ей время встречи и, когда она торопливо отошла, направился в противоположную сторону. Сердце его бешено колотилось от страха и радости.

* * *

Натаниель Грини принадлежал Джону К. Кэлхуну большую часть своей взрослой жизни. Ему было шестьдесят три, и он ненавидел любые разъезды за связанные с ними нервные переживания и вынужденное общение с рабами, которых он считал намного ниже себя.

Гордость Грини питали два обстоятельства. Во-первых, его хозяин был одним из самых выдающихся людей в стране. А во-вторых, Грини входил в число домашних слуг, то есть занимал положение несоизмеримо более высокое, чем у ра-

бов на плантации.

Хотя Грини и родился в этой части штата, он презирал ее жару, вонь и бесконечные болота, кишасшие насекомыми. Находясь здесь, он с тоской вспоминал привычные горные пейзажи в окрестностях Форт-Хилла и наполненный прохладой дом Кэлхуна, окруженный цветниками и зелеными аралиями. В Монт-Роял его раздражало буквально все, и эта раздражительность заставляла его преувеличивать некоторую убогость обстановки, в которую он попал.

Очень скоро ему наскучило общество домашних рабов, обступивших столы, накрытые специально для них. У себя дома он пользовался определенными привилегиями, хотя и отлично знал пределы терпения своего хозяина. Сделав тайком пару глотков из фляжки, припрятанной под нарядной льняной курткой, он отправился на поиски развлечений.

Подойдя к зданию кухни, он увидел, как какой-то высокий и мощный негр заносит внутрь дрова для печи. Рядом с кухней было жарко как в аду. Грини хихикнул и стал ждать.

Вскоре раб снова вышел. Грини кивком подозвал его, показал фляжку под полой куртки, а потом произнес с невинной усмешкой:

– Ты явно умираешь от жажды, ниггер. Пойдем в тень, охладишься, выпьешь глоточек виски.

Было видно, как у того загорелись глаза, но он удержался от соблазна.

– Неграм не разрешается пить. Вы сами знаете.

– Конечно знаю. Но сегодня праздник. Да и мистер Кэлхун смотрит на это сквозь пальцы.

Раб бросил тревожный взгляд в сторону столов. Там шли оживленные разговоры, слуги ели, попивали пунш, в котором не было ни грамма алкоголя; время от времени кто-то из них отходил, чтобы выполнить поручения с кухни или кого-нибудь из гостей.

– Рабам с плантации нельзя болтаться рядом с домашними слугами, – сказал негр. – Им это не понравится.

– Эй, я ведь не беспокоюсь, ниггер! А я – домашний слуга самого мистера Кэлхуна, и я тебя приглашаю, так что все в порядке. – Тебя как зовут?

– Приам.

– Знатное имя. Давай-ка, глотни.

Приама действительно мучила жажда. К тому же Натаaniel Грини был так убедителен. Поэтому, забыв про осторожность, Приам позволил отвести себя к остальным слугам. Они, конечно, сразу его узнали и встретили весьма недружелюбными взглядами, пока не поняли замысла Грини, а уж он-то старался изо всех сил, подмигивая и жестикулируя за спиной Приама.

Угрюмые взгляды тут же исчезли. Напряженное лицо Приама расслабилось. А Грини с перерывом в три-четыре минуты доставал спрятанную фляжку и прикрывал Приама, пока тот делал глоток. Уже совсем скоро Приам начал весело хихикать и даже смеяться в голос. Остальные рабы, кроме

двух женщин, явно не одобрявших такой забавы, усмехались и подталкивали друг друга.

– Еще! – сказал Приам.

– Пожалуй, хватит, – возразил Грини с усмешкой. – Впрочем, попробуй взять.

Он держал фляжку в вытянутой руке. Приам качнулся вперед, пытаясь ее достать, но в последнее мгновение Грини отдернул фляжку в сторону.

Приам рухнул на стол, смахнув на траву блюдо с масляными бобами.

– Бог мой! – расхохотался Грини. – Какой же ты неуклюжий!

– Чего еще ожидать от тупого ниггера с плантации? – сказал кто-то.

Мрачное подозрение шевельнулось в голове Приама, заставив его выйти из оцепенения.

– А ну-ка, живо дай мне этот напиток! – рявкнул он.

Грини плавно помахал фляжкой:

– Да вот же он, ниггер. Все твое, если ты еще способен что-нибудь видеть.

Смех зазвучал громче.

– Давай сюда! – На этот раз Приам уже ревел.

– Надо же, какой приткий! – воскликнул Грини, продолжая помахивать фляжкой. – Да кто ты такой, чтобы приказы отдавать?

– Просто наглость, – согласился кто-то из рабов.

Приам моргнул и отер пот с шеи, глядя на раскачивающуюся перед ним фляжку. Внезапно он ринулся вперед, пытаюсь схватить ее. Грини отпрыгнул назад. Приам схватил воздух. Рабы захохотали.

Приам наклонил голову, повернулся и набросился на других негров с кулаками. Женщины завизжали. Мужчины бросились врассыпную.

Шум привлек внимание Тиллета и нескольких гостей. Тиллет и так уже был на грани срыва из-за невыносимой жары и недавней стычки с Купером. Да еще вид кузена Чарльза, который сидел под столом в разорванных на колене бриджах и весело приветствовал назревавшую драку, подлил масла в огонь.

Тиллет подошел как раз в ту минуту, когда Приам повторил попытку схватить Натаниеля Грини. Раб Кэлхуна спрятался за спинами трех здоровяков-негров из дома Мэйна. Сам сенатор появился в тот момент, когда Грини, узнав владельца Монт-Роял, воскликнул:

– Этот ниггер за мной гоняется! Он пьян в стельку!

Тиллет в его подсказках не нуждался – он и сам все прекрасно понял.

– Иди к себе, Приам, – сказал он. – Я разберусь с тобой позже.

На лице Приама мелькнул страх. Он уже догадался, что все было подстроено нарочно, и едва сдерживал ярость. Подойдя к Тиллету, он показал на лежащую в траве фляжку:

– Я сделал глоток отсюда, потому что ниггер мистера Кэлхуна мне предложил. Он казался таким добрым, а потом начал меня обзывать.

Но Тиллет был так возмущен этим постыдным скандалом, что не желал ничего слушать.

– Меня не интересуют твои объяснения, – сухо сказал он.

– Да что этот ниггер такое говорит? – рассмеявшись, словно не веря собственным ушам, воскликнул Грини. – Все знают, что ниггерам нельзя пить спиртное. И я ему ни капли не давал. Ни капли, сэр! – повторил он, проникновенно глядя на своего хозяина.

– И то правда, – заговорила одна из негритянок. – Этот парень уже был пьян, когда пришел сюда.

Другие рабы тут же согласно закивали и начали разом что-то бормотать в подтверждение ее слов. Приам в изумлении смотрел на них, не в силах поверить, что его собственный народ может так поступить с ним. У него был такой вид, будто ему всадили копьё в бок.

А Грини, исполненный праведного гнева, погрозил Приаму пальцем:

– Ты больше не ври, ниггер. Не пытайся навлечь на меня неприятности!

– Да, – сказал Тиллет, беря раба за руку. – Не надо. Хватит уже неприятностей на сегодня.

Приам отшатнулся от руки Тиллета. Все вокруг ахнули, и этот звук был похож на шум большой волны, рухнувшей

на берег. Тиллет опустил взгляд и уставился на свою руку, словно не веря в то, что сделал Приам.

Подошел Салем Джонс. Встав рядом со своим нанимателем, он молча уставился на бузотера, с трудом сдерживая торжествующую улыбку. Приам стоял чуть ссутулившись, сжимая кулаки и обливаясь потом. Орри и Джордж присоединились к зрителям. Если Тиллет и не замечал, что Приам находится на опасной грани, то они заметили.

– Нам лучше уехать, – сказал Кэлхун. – Натаниель, если ты...

– Нет, – возразил Тиллет. – Вам не нужно этого делать, Джон. Виноват Приам. – (Орри увидел, что отец взбешен как никогда.) – Иди домой, Приам. Немедленно, или будет хуже.

Приам покачал головой. Тиллет застыл, словно его ударили.

– Повторяю в последний раз, – сказал он.

И снова раб качнул головой из стороны в сторону. Лицо Тиллета налилось кровью. Надеясь предотвратить дальнейшее, Орри попытался заговорить с отцом. Но прежде чем он успел это сделать, Тиллет сделал резкий жест левой рукой. Джонс мгновенно понял сигнал. Он выхватил из-под модного сюртука дубинку из дерева гикори и взмахом приказал двум домашним слугам выйти вперед:

– Ты, Джим. Ты, Аристотель. Хватайте его!

Приам взревел и стал раскачиваться на месте. Мужчины приблизились к нему. Приам отступил на три шага и упал,

налетев спиной на стол. Блюда с едой посыпались на землю, что-то разбилось.

Джонс позволил двум черным помощникам укротить Приама. Потом надсмотрщик наклонился и через плечи Джима и Аристотеля ударил Приама дубинкой. И повторил это несколько раз. От последнего удара Приам упал на колени. Из раны на лбу потекла кровь. Полными ненависти глазами он посмотрел на своего хозяина, вставшего прямо перед ним.

– Я говорил тебе, что хорошего не будет, Приам. И мне жаль, что ты не слушал.

Подойдя ближе к отцу, Орри сказал:

– Тебе не кажется, что он уже достаточно наказан?

– Нет! – тяжело дыша, в ярости ответил Тиллет. – Приам испортил праздник и опозорил меня перед моими гостями. Я хорошо обращаюсь со своими людьми, но не стану терпеть неблагодарность или бунтарский дух. И собираюсь преподать другим урок на примере этого ниггера.

Тиллет никогда не называл своих рабов ниггерами. Орри понял, что все его попытки остановить отца и помешать ему сделать то, что он задумал, ни к чему не приведут.

Приам тоже никогда не видел своего хозяина в таком гневе и знал, что наказания не избежать. Когда его уводили прочь, он только тихо плакал.

Мадлен уже в двадцатый раз перевернулась в постели. Когда она час назад надела ночную сорочку и задула свечи, она знала, что сразу не уснет. Слишком много всего произошло. Слишком многое еще должно было произойти, если она будет достаточно храброй или достаточно безрассудной, чтобы это допустить.

Окна спальни были открыты, но воздух оставался неподвижным. Прямо под комнатой Мадлен кто-то ходил по дому, проверяя его на ночь. Прислушиваясь к собственному дыханию, она слышала, как снаружи доносится едва заметное движение и гул ночных насекомых.

Джастина, к счастью, дома не было. Он уехал в Чарльстон вместе со своим братом, возможно, чтобы дать жене время осознать всю греховность ее поведения и тяжесть наказания, которое ждало ее, если она не образумится.

«Мерзавец», – подумала Мадлен, представив самодовольное лицо мужа. Ее уже не удивляло то, с какой легкостью она теперь все чаще нарекала Джастина самыми отвратительными словами. Как бы ей хотелось не ограничиться этим и сделать ему по-настоящему больно! Ее так и подмывало рассказать ему о том признании, которое сделал ей отец, перед тем как его глаза закрылись навеки. Просто мило улыбнуться ему и объявить:

– Дорогой, мой горестный долг – уведомить вас, что вы женились на женщине, в жилах которой течет негритянская кровь.

Джастин обманывал ее, когда добивался ее руки, поэтому будет вполне справедливо, если она скажет ему, пусть и с опозданием, что тоже обманывала его. Конечно, обман был ненамеренным, ведь она даже не догадывалась о той правде, которую ее отец едва слышно прошептал бледными губами, когда она сидела возле его постели в комнате с тяжелыми гардинами, пропахшей воском и близкой смертью.

Всю свою жизнь Николя Фабрей изо всех сил старался оберегать свою единственную дочь и даже на пороге смерти боялся ранить ее хрупкую душу. Он смягчил потрясение, как только мог. Сначала он долго и красноречиво говорил о том, какой чудесной, красивой, заботливой и любящей была ее мать. И только потом поведал дочери, что его жена, по виду совершенно белая женщина, на самом деле была на четверть негритянкой. А значит, и Мадлен тоже была цветной.

– Но зачем... – Мадлен сжала в кулак дрожащую ладонь и прижала ее к колену. – Зачем ты говоришь мне об этом сейчас?

– Потому что ты проклянешь даже память обо мне, если когда-нибудь узнаешь правду от других.

Но не высказанная им мысль была еще горше: «Потому что тебя уже слишком ранила эта правда, как я ни старался ее смягчить, а уж если она открылась бы иначе...»

Они с женой хотели для Мадлен лучшей доли, чем та, на которую она могла рассчитывать, узнай она раньше о своей смешанной крови. Цветные женщины, имеющие четверть или даже восьмушку негритянской крови, могли наслаждаться вниманием белых джентльменов и даже рассчитывать на некоторое содержание с их стороны. Однако такие милости всегда были временными, потому что женщина смешанной крови никогда не могла стать чем-то бóльшим, чем любовница, и была вынуждена довольствоваться положением изысканной шлюхи белого мужчины.

Николя Фабрей отказался играть в этом печальном спектакле, укоренившемся в Новом Орлеане. Он женился на любимой женщине, хотя это и требовало огромной храбрости. Дочери он об этом, конечно, не сказал. Однако Мадлен все поняла и, склонившись над кроватью, обняла исхудавшее, наполовину парализованное тело отца, и глаза ее наполнились слезами.

Фабрей продолжил свой рассказ. Они ничего не потеряли, скрыв определенные факты прошлого Мадлен, зато многое выиграли. Было совсем не трудно поддерживать обман, сказал он, потому что в сумеречном мире городских полукровок о матери Мадлен почти ничего не знали. К тому же с течением времени тайна становилась все более недостижимой. И теперь Мадлен должна хранить молчание, чтобы не разрушить ту безопасную жизнь, которую он так долго искал для нее.

Тогда же отец открыл ей и главную причину того, почему его выбор пал на Джастина Ламотта. Не только потому, что Джастин был добрым и достойным человеком – при воспоминании об этих словах отца Мадлен дернула головой и губы ее скривились в язвительной усмешке, – но еще и потому, что он жил далеко от Луизианы. В Южной Каролине наверняка не будет риска столкнуться с правдой о происхождении Мадлен. А в Новом Орлеане такая опасность была, пусть и небольшая. Голос Фабрея все больше слабел, и его последние невнятные слова об «изображении» матери Мадлен она не смогла разобрать.

– Изображение, папа? Ты имеешь в виду портрет?

– Да... портрет...

Его глаза снова закрылись, ему становилось все труднее говорить.

– Значит, где-то есть ее портрет?

– Был...

Он попытался облизнуть губы кончиком языка. Потом открыл глаза и явно хотел пояснить свой ответ, но голос уже не слушался его, а речь стала совсем неразборчивой. Ей удалось только понять, что портрет исчез. Но когда и при каких обстоятельствах, Фабрей сказать не успел.

А потом его мысли угасли, начались слабые конвульсии, сотрясавшие истощенное тело. Мадлен держала его за руку, вторую ладонь прижимая к своему лицу, как будто хотела скрыть свое горе. Она позвала служанку, велела немедленно

привести доктора. Но Николя Фабрей умер за десять минут до его прихода.

Весь следующий день она держалась как могла, отдавая распоряжения насчет похорон. И только к вечеру упала на кровать и прорыдала почти час, совершенно раздавленная и смертью отца, и той отвратительной тайной, которую он взвалил на нее. Была минута, когда она почти ненавидела его за то, что он все рассказал. На Юге иметь даже одну каплю черной крови было все равно что иметь кожу черную, как эбонит.

На похороны пришли многие известные политики и деловые люди города – католики и протестанты. Все были со своими белыми женами, и, увидев их, Мадлен поняла, чего стоило ее отцу все эти годы хранить их семейную тайну. Последние капли досады на него испарились, она оплакивала отца и благословляла его в одно и то же время.

Лежа без сна в темноте, Мадлен спрашивала себя, как она вообще могла согласиться на это тайное свидание с молодым кадетом. Ее уже мучила совесть, и все же она знала, что обязательно встретится с Орри, если ничто ей не помешает. Такое желание было вполне понятным ответом на жестокость Джастина. Но ведь подобный поступок грубо нарушил бы те правила поведения, которые она установила для себя раз и навсегда. И даже несмотря на ужасный нрав Джастина, она не должна переступить черту. Многие женщины до самой смерти терпят издевательства своих мужей. Чем она

лучше их?

Но сколько бы она ни пыталась объяснить себе, почему ответила согласием на робкое предложение Орри о встрече наедине, ничего вразумительного в голову не приходило. Милая застенчивость этого юноши, его утонченные манеры и выражение глаз притягивали ее с какой-то удивительной и необъяснимой силой, противиться которой она просто не могла. Хотя и понимала, что Орри, еще очень молодой человек, вполне может оказаться совсем не таким, каким она его видела.

Она прижала ладонь к щеке и тихо вздохнула. Ее жизнь, так заботливо и усердно выстроенная ее отцом, становилась безнадежно запутанной. И утешало ее только то, что Николя Фабрей об этом уже не узнает.

Перед ее глазами возникло лицо Орри. Как же он все-таки молод... Пойти на свидание с пылким влюбленным юношей – большой риск, но она не намерена отступать. Осталось придумать, как завтра уехать из Резолюта, не вызвав подозрений. Держа ладонь у щеки и закрыв глаза, она стала представлять, как наутро сядет в седло и отправится к условленному месту. Так она и заснула, и ей снилось, как Орри целует ее.

* * *

Так же как и Мадлен, не могла заснуть в ту ночь и рабыня

Семирамис. Джонс собирался сотворить что-то ужасное с ее братом. Скорее всего, высечь плетью. А все потому, что Приам учинил настоящий переполох на пикнике. Рабы в Монт-Роял весь остаток дня только об этом и говорили.

Почти все считали, что ее брат получит то, что заслужил. Одни говорили о нем гадости, потому что завидовали его храбрости. Он постоянно, пусть и вполголоса, твердил о том, что хочет сбежать на Север, чтобы обрести свободу. Другие называли его пустомелей. Вслух уверяли, что он никогда этого не сделает, но втайне знали, что он-то как раз способен на побег, а они – нет. Только вот из-за своего несносного характера Приам может погибнуть, прежде чем осуществится его мечта.

Семирамис хотелось поскорее уснуть, чтобы забыть о расправе, которая ожидает ее брата. Но она не могла лежать спокойно и постоянно ворочалась на своем тощем, пропахшем кислятиной тюфяке.

В щелях закрытой двери мелькнул свет. За старым домом Джонса, у амбара, загорелись факелы. Скоро должно было начаться наказание. Об этом Семирамис сказали факелы, а еще и мертвая тишина поселка. По всей улице в хижинах рабов никто не издавал ни звука.

Тихий стук напугал Семирамис. Она резко села:

– Кто там?

Чья-то тень закрыла свет факелов.

– Каффи.

– О боже, нет! – откликнулась она. – Только не сегодня, малыш.

Семирамис начала доставлять себе удовольствие, встречаясь с Каффи, несколько месяцев назад, хотя он и был довольно молод, даже слишком молод, как сказали некоторые завистницы постарше. Только они никогда не видели его без штанов и не знали, что он может вытворять своим невероятным...

Прежде чем она успела завершить эту мысль, мальчик уже был в хижине.

– Я не за этим, – сказал он, опустившись на колени рядом с тюфяком. – Я из-за Приама.

– Джонс собирается его высечь.

– О-хо-хо... Хуже. Джонс принес из большого дома старого мышелова. Они хотят пустить в ход кошачьи когти.

Последовало ошеломленное молчание. Потом Семирамис пробормотала:

– О Иисус, милостивый Иисус... Это убьет его... – Она схватилась за живот.

Значит, брат разгневал мистера Тиллета куда сильнее, чем она предполагала. Что же он натворил, несчастный? Неужели распускал кулаки и задира л нос? Об этом страшном наказании она только слышала, но никогда не видела воочию. Нужно прямо сейчас бежать в господский дом и молить о пощаде...

Каффи еле отговорил ее. Он остался с ней, бормоча пу-

стые слова утешения, пока они с замиранием сердца ждали, когда в тишине раздастся первый крик.

* * *

Торчащие из земли факелы ярко освещали двор. Приам лежал на животе, раскинув руки и ноги.

Джонс нарочно согнал двадцать рабов-мужчин, потому что ночное наказание, если, конечно, его провести как положено, должно было сослужить хорошую службу плантации на многие годы вперед. Каждый ниггер, который носил в своем сердце бунтарский дух, должен был раз и навсегда увидеть, что его ждет в случае неповиновения. И дело было не только в страданиях Приама, но прежде всего в его унижении. С него сняли одежду, поставили на колени и наклонили его голову, привязав веревки к лодыжкам и запястьям. Эти веревки, закрепленные на вбитых в песчаную землю колышках, не давали Приаму изменить позу.

Из темноты за амбаром слышались крики птиц и животных. В домишках рабов было неестественно тихо. Вот и хорошо, подумал Джонс. На самом деле он знал, что многие сейчас наблюдают за ним или хотя бы прислушиваются. Они тоже запомнят этот урок, а рассказы непосредственных очевидцев только усилят впечатление.

Здоровяк Хармони держал на вытянутой руке джутовый мешок. Мешок дергался и извивался сам по себе. Джонс

с довольным видом поглядывал на него, надевая толстые, набитые ватой рукавицы с кожаными накладками. Пока в Монт-Роял у него еще ни разу не было возможности воспользоваться ими, но он все равно хранил их в сундуке на всякий случай. И теперь был одновременно удивлен и обрадован, когда Тиллет Мэйн, которого он втайне презирал, действительно отдал распоряжение о «кошачьей порке».

Джонс не спеша подошел к Приаму, так чтобы негр смог увидеть рукавицы. Потом переставил поближе три ведра крепко посоленной воды, которую собирался вылить на раны. Этот рассол был личным добавлением Джонса к процедуре наказания.

Потом он кивнул рабу, держащему мешок, и взмахнул правой рукой:

– Ладно, Хармони... давай!

Раб, заметно нервничая, приоткрыл мешок. Джонс сунул внутрь руку в рукавице. Потом на ощупь нашел и сжал задние лапы здорового кота. И выволок яростно вопящее животное наружу.

Зрители, охнув, в ужасе отшатнулись. Джонс чуть повернул голову, боясь, что какой-нибудь из передних когтей зацепит его глаза. Наконец он крепко ухватился за задние лапы обеими руками.

Тяжело дыша от возбуждения, Джонс подошел к Приаму справа, поставил одну ногу рядом с бедром негра, а второй крепко уперся в землю рядом с его ребрами. Надсмотрщику

приходилось отчаянно бороться с извивающимся животным в его руках, но результат стоил риска. Джонс размахнулся котом почти так же, как джентльмен размахивается клюшкой, играя в гольф. Передние лапы зверя ударили Приама по спине между лопатками, разрывая плоть от плеч до копчика, и лишь тогда Джонс снова поднял кота в воздух, с улыбкой глядя на окровавленные лапы.

Приам не закричал. Но едва ли не насквозь прокусил нижнюю губу, это Джонс заметил.

— Мы еще не закончили, — почти дружески сообщил он. — Ни в коем случае.

* * *

Джордж лежал без сна в гостевой спальне на втором этаже. Он снял с себя все, кроме хлопкового нижнего белья, и все равно изнемогал от жары. У него болел живот. И болела голова.

День был не слишком приятным. Скандал, учиненный тем рабом, Приамом, расстроил и смутил Орри. Джордж видел, как ему неловко, и не обижался на замкнутость друга. На него самого это происшествие тоже произвело сильное впечатление. Впервые после приезда он вдруг задумался обо всем, что видел здесь. И особенно о том, что сумел прочесть на лицах рабов и в их глазах.

Ему ужасно не хотелось думать плохо о людях, которые

так любезно приняли его. Ужасно не хотелось думать плохо о своем лучшем друге. Но то, с чем он столкнулся в Монт-Роял, просто не могло не привести его к вполне определенным выводам. И это сильно тревожило его. Он наконец понял то, что слышал дома, особенно от Вирджилии.

– О боже мой! – вдруг воскликнул Джордж, садясь на кровати и поворачиваясь к открытым окнам, выходящим на верхнюю веранду. Где-то далеко в ночи кричал человек.

Он был уверен, что там наказывают раба. Крики не прекращались минут пять. Потом они стихли, а Джордж лег и уставился в потолок. Он уже знал, что вряд ли уснет этой ночью. А еще знал, что никогда не сможет забыть этот крик.

* * *

Услышав крики, Купер помчался вниз по лестнице, мокрая от пота ночная рубашка хлопала его по ногам. Уже несколько недель он чувствовал, что его жизнь подходит к какому-то переломному моменту, когда больше нельзя терпеть то, что он видит вокруг себя. Но понадобился действительно особый случай, чтобы подтолкнуть его к действиям.

Сегодня такой случай представился. Рабы жили почти в миле от их дома. Если крики были слышны с такого расстояния, значит происходило что-то по-настоящему ужасное.

– Что, черт возьми, они там делают с Приамом? – воскликнул Купер, без стука ворвавшись в библиотеку.

Тиллет посмотрел на сына сквозь густое облако табачного дыма. На его лысой голове поблескивал пот. Все окна были закрыты. «Чтобы не слышать неприятных звуков?» – вдруг подумал Купер.

– Я отдал приказ о «кошачьей порке».

Лицо Купера окаменело.

– Боже мой... Это же варварство!

Тиллет вскочил:

– Меня не интересуют твои благочестивые высказывания!

– А как насчет ваших собственных?

– О чем ты?

– Не далее как позавчера вы весьма самодовольно заявили другу Орри, что в Монт-Роял нет шрамов на спинах рабов. Вас не затруднит потом объяснить шрамы Приама?

– Мне незачем это объяснять, ты, дерзкий щенок! Приам – моя собственность, я делаю с ним что хочу.

Они стояли лицом к лицу, яростно глядя друг на друга. Купер вдруг почувствовал, что с него довольно.

– Он человек. А вы называете его собственностью. Эта чудовищная система погубит штат, да и весь Юг вместе с ним.

– Я уже слышал эти нравоучения. – Тиллет взмахнул трубкой, отчего в душный воздух вылетела струйка дыма, и повернулся спиной к сыну. – Будь так любезен, оставь меня в покое.

Купер вышел, громко хлопнув дверью.

Завтрак на следующее утро прошел в мрачном настроении. Когда Джордж спросил Орри о состоянии Приама, тот набычился и сухо ответил, что раб в больничке. Спустя несколько минут Орри объявил, что вскоре уедет и вернется только после полудня. Он ничего не стал объяснять и не извинился за то, что оставляет своего гостя в одиночестве, к тому же очень сильно нервничал. Джордж был заинтригован поведением друга.

Кларисса спустилась к завтраку чуть позже и безуспешно пыталась казаться веселой. Она явно плохо спала. Молча поковырявшись в тарелке, она чуть ли не с благодарностью начала успокаивать своих дочерей, которые, как всегда, из-за чего-то поссорились и начали громко браниться.

Потом появился Купер. Он был не причесан. Из-под пояса измятых брюк торчал подол рубашки. Упав на стул рядом с Джорджем и не обращая внимания на еду, он начал что-то хрипло бормотать себе под нос. Джорджу едва удалось различить несколько слов:

– Не могу здесь больше оставаться. Не хочу иметь с этим ничего общего. Вся эта система не только преступна, но и глупа. Глупа и разрушительна.

Просидев так совсем недолго, Купер внезапно вскочил и выбежал из комнаты.

– Что это с ним? – произнес Орри, вскинув брови.

Вопрос явно не требовал ответа, но Джордж все-таки не удержался:

– Я почувствовал запах вина. Мне неприятно говорить такое о твоём брате, Палка, но, по-моему, он пьян.

* * *

По прямой расстояние от Монт-Роял до церкви Спасителя составляло не больше двух миль. Но эта крошечная, выгоревшая изнутри церквушка была надёжно спрятана в лесу, и добраться до нее можно было только по извилистой дороге через лес и болото. Поездка верхом занимала почти час. Чем более узкой и заросшей становилась тропа, тем больше в душе Орри крепла уверенность, что Мадлен не приедет. Скорее всего, она сочла его торопливые объяснения слишком расплывчатыми, а само путешествие – чересчур опасным для молодой женщины.

Церковь Спасителя закрылась пять лет назад. Когда служивший там пастор методистской общины упал замертво прямо посреди какой-то особенно выпренной проповеди, на его место так никого и не нашлось. Да и сама община никогда не была слишком большой – несколько мелких рисовых плантаторов с семьями и горстка получивших свободу негров, которым позволялось молиться на хорах.

Белые разъехались. Негры остались. И вскоре эта церк-

вушка приобрела репутацию места, где происходили тайные собрания, где чернокожие будто бы рассуждали на запретные темы об освобождении всех негров или организации восстания. Как-то ночью церковь таинственным образом загорелась. Поговаривали, что к этому приложили руку братья Ламотт. Свободные негры больше туда не возвращались, и постепенно развалины заросли травой.

Это было прекрасное место для тайных встреч, с трех сторон окруженное лесом. С четвертой стороны открывался живописный вид на несколько миль сплошного болота. Когда Орри одолевал последнюю четверть мили, волнение его уже переливалось через край. Он не слишком боялся Джастина Ламотта, но всерьез опасался, что подвергает Мадлен ненужному риску. Впрочем, ее там, конечно, не будет, напомнил он себе. А если она все-таки придет, чего он ждал от нее? Измены мужу? К стыду своему, он был вынужден признать, что именно этого жаждет больше всего на свете, но голос совести и тревога за Мадлен говорили ему, что это невозможно.

Пребывая в полном смятении, он вдобавок ни на минуту не забывал о происшествии в Монт-Роял. Ему было ужасно стыдно за то, что Джорджу пришлось своими глазами увидеть пример той самой жестокости, которая заставляла северян проклинать Юг. Чувство жгучего стыда вынудило Орри защищаться и даже вызвало в его душе совершенно неуместный гнев на друга. И вот в таком взвинченном состоянии

он оттолкнул последние нависшие над дорогой ветки и вывел лошадь к бывшей церкви Спасителя. Остатки обугленных стен давно обрушились на разбитый фундамент. Мрачные руины, огромное зыбкое болото за ним – все вокруг было окутано тишиной и безмолвием. Орри почувствовал, как сжалось сердце.

И вдруг он услышал тихое конское ржание. Шевельнулись кусты подлеска, и слева от себя Орри увидел Мадлен. Стоя на краю болота, скрытая от него редкими деревьями, она смотрела на освещенные солнцем заросли тростника и сверкающие блики на поверхности воды.

Орри торопливо спрыгнул с седла, привязал лошадь и побежал к ней. Как же она была прекрасна в своей чудесной амазонке! Орри порывисто обнял ее за плечи, наклонился вперед, но потом внезапно отпрянул, залившись краской.

– Я совсем не подумал, когда просил вас совершить такую опасную для вас поездку.

Она улыбнулась, чуть смущенно пожала плечами:

– Ну что вы, и совсем не опасную. Ну, по крайней мере, не сегодня. Обычно, когда я еду навестить пациентов в нашей больничке, это ни у кого не вызывает подозрений. Ведь такой поступок вполне естествен для женщины. Я сказала домашним слугам, что после посещения больных хочу немного покататься верхом. Они поняли. Они знают, что Джастин может быть невыносим. К тому же он до завтрашнего вечера уехал в Чарльстон вместе с Фрэнсисом. Но все равно я не

могу оставаться здесь слишком долго.

Орри сжал ее руку. Улыбка Мадлен растаяла, она вдруг как будто вся напряглась.

– Я так рад, что вы здесь, – сказал Орри. – Будете ли вы думать обо мне плохо, если я... – он судорожно сглотнул, – если я скажу, что очень хочу вас поцеловать?

На мгновение в глазах Мадлен мелькнул едва ли не панический ужас, но она так быстро справилась с собой, что Орри подумал, не показалось ли ему это.

– Если я вас огорчил, я возьму назад свой вопрос, – поспешил он добавить.

Ее взгляд потеплел, губы слегка расслабились, изогнувшись в нежной улыбке.

– Но ведь вы уже задали его. Кроме того, – она тоже чуть заметно сжала пальцы кадета, – я сама хочу, чтобы вы меня поцеловали. Просто я немножко боюсь, вот и все.

Орри пылко, хоть и слегка неуклюже обнял ее. Губы у нее были мягкими и прохладными. Еще ни одна женщина не целовала его так, как целовала Мадлен. Он стыдился собственной неловкости и своего возбуждения, но Мадлен крепко прижалась к нему, словно ее это ничуть не заботило.

Объятия их становились все более жаркими, поцелуи – все более долгими. Сгорая от желания, Орри осыпал страстными поцелуями ее глаза, губы, щеки; его чувства не нуждались в словах, но он все-таки произнес их, задыхаясь от волнения:

– Мадлен, я люблю вас. Я полюбил вас с первой минуты, как увидел.

Она засмеялась сквозь выступившие на глазах слезы, ласково провела ладонью по его лицу. А потом заговорила – простодушно и стремительно, словно не могла остановиться.

– Орри, милый мой Орри. Мой рыцарь. Я тоже люблю вас, неужели вы этого не видите? Я поняла это еще в тот день, когда мы встретились, только боялась себе признаться. – С этими словами она снова поцеловала его.

Его рука скользнула к ее груди – так непринужденно, словно по-другому и быть не могло. Она вздрогнула и прижалась к нему еще крепче. А потом вдруг отпрянула. Как и Орри, она слишком хорошо понимала, что с ними будет, если они дадут волю своим чувствам.

Они сели на остатки фундамента, глядя на белую цаплю, которая взлетела над болотом, описывая изящные круги. Несколько минут никто из них не произносил ни слова.

– А... твой муж... – наконец заговорил Орри, откашлявшись, – он тогда как-то отомстил тебе, когда вы вернулись домой?

– О нет. Моего маленького унижения в Монт-Роял ему было вполне достаточно.

Орри нахмурился:

– Ты скажешь мне, если он когда-нибудь поднимет на тебя руку?

– Он никогда не заходит так далеко. Его жестокость со-

всем иного свойства. Более утонченная. И гораздо более губительная. Теперь я точно знаю, что Джастину известно множество способов, как ранить душу. Он умеет унижить человека одним только смехом или взглядом. Людям такого склада едва ли стоит бояться бунта своих рабов. А вот бунта своих жен – пожалуй.

Орри рассмеялся, потом коснулся рукава ее жакета:

– Он определенно не скупится на дорогие вещи. Сколько это стоит?

– Слишком много. Ты прав, он щедр во всем, что не касается внимания к чувствам других. Он всегда покупает мне то, что, по его мнению, мне необходимо. Он позволит мне делать все, что я захочу, пока я буду помнить, что ношу его фамилию. И что я женщина.

– Все было бы по-другому, если бы ты вышла за меня. Как бы мне этого хотелось!

– И мне! Очень...

– Я не должен был просить тебя о встрече, но... – Он посмотрел на нее, пытаясь скрыть боль. – Мне так хотелось хоть раз сказать тебе, что я чувствую.

– Да... – Ее ладонь нежно прижалась к его щеке. – И мне тоже.

Орри ответил ей долгим и страстным поцелуем.

Потом они просто сидели рядом. Когда Мадлен заговорила, в ее голосе звучали новые, горькие нотки.

– Джастин начинает думать, что я никуда не гоюсь как

женщина.

– Почему?

– Я не рожаяю ему детей.

– Это из-за того, что... – Он умолк, смутившись.

– Не потому, что он сам не старается, – сказала Мадлен, тоже слегка порозовев. – Он весьма... усерден в своих попытках стать отцом.

Орри вдруг почувствовал такую боль, словно в него всадили нож. Застыв, он едва мог дышать. Постепенно боль отступила. А Мадлен продолжала свой печальный рассказ:

– Я осмелилась на такую откровенность, потому что мне больше не с кем поделиться. По правде говоря, – она серьезно, даже мрачно посмотрела на Орри, – я убеждена в том, что не могу зачать только по вине Джастина. Насколько я знаю, его первая жена тоже была беспло... бездетна.

– Это правда, – кивнул Орри.

– Разумеется, я не должна даже предполагать, что все дело в нем.

– Он тебе не позволит так думать?

– Об этом не может быть даже речи.

Потом они почти час разговаривали о самых разных вещах. О его друге Джордже. О войне, которая может забросить их обоих в Мексику, где им, скорее всего, придется участвовать в настоящих сражениях. О своеволии Приама, наказании, что за ним последовало, и о том скандале, который потряс все семейство Мэйн после этого происшествия.

Но отчего-то все, о чем бы они ни говорили, казалось не слишком реальным. Потому что на короткое время все в мире перестало существовать, кроме этого тайного уголка, а их любовь была единственной силой, что еще оставалась на земле.

Наконец, когда солнце начало понемногу опускаться, а его свет — неуловимо менять свои оттенки, Мадлен встала.

— Мне пора, — сказала она. — Я не смогу приехать сюда снова, мой милый Орри. Поцелуй меня на прощание.

Еще несколько сладостных минут они обнимали и ласкали друг друга, признаваясь в нежной любви. Потом он помог ей сесть в седло. Она развернула лошадь, изящно сидя боком, затем обернулась и, придерживая вожжи, сказала:

— Когда ты вернешься из Мексики, я уверена, мы будем время от времени видеться. На приемах, праздниках, свадьбах... И когда бы я ни посмотрела на тебя, ты будешь знать, что я чувствую. Ах, Орри, я так тебя люблю!

В этих словах звучали одновременно и радость, и боль. Когда она скрылась из виду, Орри еще минут двадцать сидел возле разрушенной церкви, а потом и сам направился к дому. Он почти жалел, что это свидание все-таки состоялось. Оно лишь разбередило его душевную рану, которая могла лишь слегка затянуться, но никогда не исцелилась бы полностью.

Глава 10

Вечером того же дня после ужина Джордж и Орри отправились прогуляться к причалу; по дороге Джордж закурил сигару. Свою утреннюю отлучку Орри никак не объяснил и был явно взвинчен. Нервозность друга, да и события вчерашнего дня подпортили настроение и Джорджу.

Они сели на старые бочки, стоявшие у берега, и стали смотреть на реку; первые вечерние звезды отражались на поверхности воды. Внезапно наверху хлопнула дверь в доме. Оглянувшись, друзья увидели, как Кларисса быстро идет по аллее в сторону негритянского поселка.

– Она как будто расстроена, – заметил Джордж.

– Должно быть, Приаму стало хуже. Бретт сказала, что мама сегодня днем уже два раза ходила в больничку.

– Твоя мать очень добросовестно заботится о ваших рабах, так ведь?

– И не без основания. Сами они совершенно не способны о себе позаботиться. Они как дети.

– Может, это потому, что им не позволено быть кем-то другим?

– О, не начинай! Давай не будем устраивать дебатов.

– Дебаты – это для политиков. А я просто высказываю мнение.

– Надеюсь, уже высказал, – огрызнулся Орри.

Его тон ясно говорил Джорджу, что мудрее всего было бы не продолжать этот опасный разговор. Но он почему-то не мог остановиться. Как ни странно, его обычно не напоминавшая о себе совесть не давала ему покоя, и он точно знал, что обязан сказать Орри все, что накопилось у него на душе, если хочет считать себя честным и порядочным человеком.

– Не совсем, – негромко, но решительно произнес он. – У тебя прекрасная семья, Орри. Все твои близкие – милые, добрые и умные люди. То же самое можно сказать о большинстве ваших соседей. Ну, во всяком случае, о тех, с кем я познакомился. Но рабство... в общем, я согласен с твоим братом. Рабство – это нечто вроде здорового куска еды, который ты не можешь проглотить, как бы ни старался.

– Мне казалось, ты никогда не интересовался такими вещами.

– Так и было. До вчерашнего дня. – Джордж сбил пепел с сигары. – Что они сделали с тем рабом?

Орри не сводил глаз с реки.

– Не знаю. Но что бы ни сделали, это было необходимо.

– А вот этого уже мне не проглотить. Нет такой необходимости, когда одно человеческое существо должно причинять боль другому. А если система рождает такую необходимость или мирится с ней, значит такая система неправильная.

Орри порывисто вскочил на ноги, и когда он заговорил, Джордж был поражен резкостью, звучавшей в его голосе.

– Позволь мне сказать тебе кое-что о южанах. Южане уста-

ли оттого, что янки самодовольно критикуют все, что здесь происходит. Куперу тоже было что порассказать об отвратительных условиях жизни рабочих на заводе Хазарда. Что, экономическое рабство кажется тебе менее достойным осуждения?

Джордж тоже вскочил:

– Погоди-ка... Те заводские рабочие...

– Нет, это ты погоди! Северу следует сначала навести порядок в собственном доме, а уж потом указывать другим, что им делать и как. Если на Юге и есть какие-то сложности, южане сами с ними разберутся.

– Что-то я не вижу, друг мой, чтобы вы разбираться-то стремились. А когда кто-то предлагает вам начать хоть что-нибудь делать, вы становитесь чертовски надменными и раздражительными.

– Да, потому что нас раздражает, когда это предлагают янки. Север вмешивается в дела Юга уже тридцать лет. Если так будет продолжаться, это приведет только к одному.

– К созданию отдельного рабовладельческого правительства? Твои друзья-южане в Вест-Пойнте постоянно этим угрожали. Ну что ж, вперед! Отделяйтесь!

– Нет, я этим не угрожаю, – возразил Орри. – Но обещаю большие неприятности любому чужаку, который вздумает учить нас, что нам думать и как поступать.

– Я так понимаю, под «чужаком» ты подразумеваешь и меня тоже?

– Ты чертовски прав! – рявкнул Орри и пошел прочь от причала.

* * *

Первым порывом Джорджа было тут же собрать вещи и уехать из Монт-Роял. Однако, немного успокоившись и все хорошенько обдумав, он решил не делать этого. Джордж видел, как сильно обеспокоен Орри, и подозревал, что причина этой тревоги не имеет отношения к их спору. Но все же ссора расстроила его. Теперь, когда стало ясно, что прийти к согласию в этом вопросе им будет очень тяжело, проблема рабства открылась для него с новой мрачной стороны.

Он вполне мог понять, когда этот вопрос сталкивал случайных знакомых или привычных противников вроде политиков. Но если разные взгляды на систему рабовладения угрожали отношениям близких друзей, это было по-настоящему тяжело.

Следующие дни прошли в напряженной атмосфере и натянутой вежливости. Друзья не пытались уладить раздор до вечера накануне их отъезда в Чарльстон. Первым пошел на примирение Орри – после нескольких порций спиртного.

– Послушай, нам ведь предстоит сражаться в Мексике, а не друг с другом.

– Совершенно с тобой согласен, – с огромным облегчением сказал Джордж. – Прости, что сунул нос в ваши дела.

— А ты прости, что я пытался этот нос оторвать.

Они восстановили и укрепили дружбу еще одной порцией выпивки. Но память о ссоре и о том, что ее вызвало, осталась в душе обоих.

* * *

Прибрежный пароход довез их вокруг Флориды до залива. Море было беспокойно. Первые дни Джордж большую часть времени проводил на палубе, перегнувшись через леера. Когда судно ненадолго зашло в Новый Орлеан, чтобы пополнить запас пресной воды и провизии, он был безмерно счастлив, что появилась возможность хотя бы на несколько часов снова ощутить под ногами твердую землю.

Они с Орри прогулялись по дамбе и по старому кварталу, потом выпили в кафе крепкого горького кофе. Джордж купил три газеты и, заказав еще кофе, внимательно перечитал все новости. В конце сентября генерал Тейлор окружил и взял город Монтеррей, став настоящим героем. В политических кругах уже ходили разговоры о том, что Тейлор может стать следующим кандидатом в президенты от партии вигов, если только его начальник генерал Скотт, тоже виг, не решит выдвинуться сам. Далеко на западе американцы вовсю осваивали испанскую Калифорнию, которую Соединенные Штаты уже объявили своей территорией.

Иногда Джордж по-прежнему с трудом верил, что его

страна действительно воюет с Мексикой. Чуть больше двадцати лет назад мексиканское правительство впервые легально разрешило первым янки поселиться в штате Коауила-и-Техас, наделив американского «импресарио», как здесь говорили, а вернее сказать, комиссионера Мозеса Остина официальным правом переселить туда определенное количество человек, обеспечив их безопасность.

Конечно же, все это происходило тогда, когда испанское правление в Мексике доживало свои последние дни. Очень скоро страна обрела независимость, после чего для нее началась череда настоящих бед. Конституция 1824 года была повторно отменена вспыхнувшей революцией. Правительства возникали и падали с головокружительной быстротой.

В 1836 году началась короткая и жестокая схватка за независимость Техаса. В начале марта того же года мексиканцами были зверски перебиты почти все техасцы, защищавшие миссию Аламо в Сан-Антонио. Чуть больше месяца спустя армия Сэма Хьюстона на берегу реки Сан-Хасинто выиграла решающий бой этой войны, подарив Техасу независимость. Этого мексиканцы так и не смогли простить.

В последние два десятилетия с американо-мексиканскими отношениями всегда было связано одно имя, которое теперь, как узнал Джордж из новостей, снова вернулось на газетные полосы. Генерал Антонио Лопес де Санта-Анна добровольно вернулся из своего кубинского изгнания вместе со всей своей свитой и семнадцатилетней женой. Репортеры вы-

сказывали предположение, что он может принять на себя командование мексиканской армией, и уже не в первый раз.

Жесткий и коварный полководец, Санта-Анна, которому теперь уже исполнилось пятьдесят два, имел такую богатую биографию, что без напечатанного списка его заслуг было бы трудно вспомнить, сколько раз он переходил от одной воюющей стороны к другой. Он служил Испании, еще будучи совсем молодым офицером, потом переметнулся к бунтовщикам, восставшим против родной страны. В разное время побывал и военным министром Мексики, и президентом, и диктатором. Одержал кровопролитную победу у крепости Аламо, потом проиграл сражение при Сан-Хасинто, где был с позором захвачен в плен, когда пытался бежать, переодевшись в грязный солдатский мундир и войлочные туфли.

В Тампико, защищая свою страну от очередной попытки испанского завоевания, этот самозванный Наполеон Запада потерял ногу. Нога эта впоследствии хранилась как святыня и была выставлена на всеобщее обозрение в Мехико, пока генерал обладал властью, а потом, когда удача изменила ему, толпа поволокла ее по улицам города. Этот человек уж точно умел выживать в любых ситуациях, подумал Джордж. Санта-Анна всегда держал нос по ветру, и ничто не подтверждало этого лучше, чем нынешний пограничный конфликт.

В 1836 году, как проигравшая сторона, Санта-Анна лично подписал мирное соглашение, по которому Рио-Гранде признавалась границей независимого Техаса. И вот теперь

он заявлял, что, хотя его имя действительно стоит на этом документе, других подписей там нет. Иными словами, мексиканское правительство его не утверждало. А следовательно, Мексика имеет полное право не признавать это соглашение и сражаться за спорные территории. Разумеется, под командованием Санта-Анны.

Джордж попытался поговорить об этом с Орри, но не увидел на его лице никакого интереса. Он никак не мог понять, почему у друга такой печальный вид, пока наконец не вспомнил, что Мадлен Ламотт родом из Нового Орлеана. Джордж тут же заявил, что хочет поскорее вернуться на пароход, чтобы написать письмо домой.

Орри с радостью согласился. Как только они повернулись к городу спиной, настроение его заметно улучшилось.

Пароход пересек залив и направился в сторону устья Рио-Гранде. Внезапный шторм, вполне обычный для этого времени года, но нынче особенно яростный, повредил гребное колесо, вынудив капитана встать на якорь у острова Святого Иосифа для ремонта. Всех пассажиров-военных на баржах переправили на берег, в Корпус-Кристи. Иногда это место называли еще фактория Кинни, располагалось оно на западном берегу реки Нуэсес и представляло собой жалкую дыру примерно из сорока жилых домов и лавок.

На пару часов друзья разделились и отправились гулять поодиночке. Орри был очарован красотой песчаного побережья Техаса. Проходя по утопающей в грязи главной улице

городка, он с удивлением увидел полдюжины антилоп, пасущихся за некрашеными домишками. Какой-то лавочник предупредил его, что здесь надо остерегаться тарантулов, и Орри со всей серьезностью поспешил рассказать об этом Джорджу, когда они снова встретились. Однако его друга интересовали совсем другие формы жизни. Только вот наблюдения его оказались весьма неутешительны.

– Я видел всего одну девушку! Да и ту с таким лицом, что без слез не взглянешь! Может, вечером больше повезет?

– Где?

– На приеме. Местные решили устроить его для несчастных военных, оказавшихся здесь не по своей воле. Если я в самое ближайшее время не смогу обнять за талию какую-нибудь особу женского пола, клянусь, я за себя не ручаюсь.

* * *

Прием проходил в большом амбаре фактории полковника Кинни. Повсюду были развешены фонари, к потолочным балкам прикрепили несколько побитых молюю флагов. Дополняли праздничную обстановку свежая солома на грязном полу, скрипач и внушительный стол на козлах, заставленный блюдами с домашними тортами, пирогами и фруктовыми пирожными. В центре стола стояла огромная чаша с пуншем, для которого явно не пожалели виски. Всего на прием явилось около восьмидесяти офицеров и сержантов и при-

мерно половина такого же количества горожан. Женщин было всего семь, а привлекательных – и вовсе одна. Разумеется, ей доставалось почти все внимание.

И она того стоила. Это была стройная, очень высокая девушка лет двадцати с небольшим. У нее были восхитительные ярко-рыжие волосы, белая, как взбитые сливки, кожа, а таких синих глаз Джордж не видел никогда в жизни. Его не смутили ни ее рост, ни то, что ее сразу окружили с десятков офицеров.

И среди них – майоры и полковники. Уж они-то сразу поставили бы его на место, решись он на прямую атаку. А значит, врага следовало обойти с фланга. Когда заиграл скрипач, Джордж подошел к чаше с пуншем, улыбаясь и знакомясь с горожанами. Через пять минут он знал все, что ему было нужно, и разработал план.

Вскоре он уже направлялся к стоявшему в больших открытых дверях мужчине в штатском – и неспроста. Прежде чем подойти к нему, он добрых полчаса отчищал грязь со своих светло-синих брюк и полировал рукоять офицерской сабли и резьбу на ножнах.

У высокого статного человека в старомодном костюме из черного сукна, на которого Джордж так хотел произвести впечатление, было красноватое лицо, вздернутый нос и короткие непослушные волосы – уже больше седые, чем рыжие. Подойдя ближе, Джордж приветствовал его, подняв свой бокал с пуншем.

– Чудесный вечер, сэр. Вы, техасцы, умеете принять гостей.

– В военное время, лейтенант, – насмешливо ответил мужчина, – патриотизм иной раз берет верх над осмотрительностью.

– Простите, сэр, я не совсем понимаю вас.

– Общественное мнение о военных в Корпус-Кристи очень и очень невысокое. Армия Закари Тейлора останавливалась здесь по пути к Рио-Гранде. Этого опыта городу не забыть. К счастью, техасцы умеют постоять за себя... и за своих дочерей.

Он похлопал ладонью по огромному револьверу в кобуре, висевшему у правого бедра. Дуло было чуть ли не в фут длиной. Джордж решил, что это кольт «патерсон», скорее всего, тридцать шестого калибра.

– О, так вы сегодня пришли сюда с дочерью?

Краснолицый бросил на Джорджа веселый взгляд:

– Я этого не говорил, приятель. Но вы, очевидно, уже и так все знаете. Поэтому вы подошли ко мне?

От неожиданности Джордж застыл, но потом рассмеялся.

– Я-то решил, что придумал чертовски хитроумный план, – сказал он. – Да, сэр, вы правы. Я понял, что у меня мало шансов познакомиться с ней, когда вокруг вьется целая армия поклонников. А вот если вы меня представите, у меня появится небольшое преимущество.

– Может, вы и не слишком хитры, зато умны. Но я не могу

вас представить, пока не узнаю вашего имени.

– Лейтенант Джордж Хазард, Восьмой пехотный полк.

Его собеседник протянул руку:

– Патрик Флинн. Родился в Каппаморе, графство Лимерик, но теперь я вроде как техасец. Я здесь достаточно долго прожил. Приехал через год после того, как полковник Кинни открыл тут свою факторию. И в тот же год потерял жену, но мы с Констанцией сумели наладить жизнь... хотя здесь так мало юридических дел, что и блоха не выжила бы.

– Так вы юрист? В этом городе?

– Время от времени я провожу месяц в Сан-Антонио. Там я действительно могу заработать. В Сан-Антонио любят судиться. Опыта я набирался в Белфасте. Очень хорошая практика – судоходство в Белфастском заливе постоянно создает разные поводы для правовых конфликтов того или иного рода. Потом ряд злоключений привел меня в Техас, как раз когда Сэм Хьюстон пытался отвоевать его у Мексики. Я осел в Корпус-Кристи, надеясь, что он станет портовым городом, где для юристов всегда много работы. – Снова невесело улыбнувшись, он добавил: – Но события не поспели за моими надеждами. – Запрокинув голову, он осушил свой бокал с пуншем. – Или за моей жаждой.

– Но вам, должно быть, нравится здесь?

– О да, – кивнул Флинн. – Чистый воздух, простор... и никаких снобистских ограничений, которые терзали меня с самого детства в моей родной стране. Правда, некоторым здесь

не нравится моя вера, пусть я и не могу молиться за неимением католического храма нигде поблизости, зато мне не нравится, как многие местные относятся к рабству, поэтому мы квиты.

– Я слышал, большинство в Техасе его одобряет.

– С сожалением вынужден признать, что это правда. Я всегда говорю: человек усерднее работает за какой-то личный интерес, чем из-под палки надсмотрщика. Но такая правда моим соседям не по вкусу. Пока бо́льшая часть из них только ворчит на меня, но есть горячие головы, которые с радостью выгнали бы меня отсюда за такие крамольные речи. Только вот не выгоняют, потому что знают: я, надо сказать, очень уверенный в себе человек. – Он усмехнулся и снова коснулся кобуры своего кольта. – Значит, вы хотите познакомиться с Констанцией.

– Да, очень хочу.

– Буду рад вас представить, как только спасу ее от этой банды олухов... А вы, часом, не ирландец?

Джордж рассмеялся:

– Нет, сэр.

– Я на всякий случай спросил.

Флинн отошел. Джордж поправил воротник, увидел, что к нему направляется Орри, и знаком попросил его не подходить. Орри огляделся по сторонам, сразу понял, что происходит, и присоединился к нескольким другим новоиспеченным лейтенантам, стоявшим у чаши с пуншем с угрюмым

видом.

Патрик Флинн выудил свою дочь из толпы старших офицеров. Джордж постарался не замечать их враждебных взглядов и сосредоточил внимание на девушке. Отчасти рассердившись, отчасти развеселившись тем, как отец схватил ее за руку и потащил прочь, она позволила подвести себя к Джорджу.

– Констанция, это лейтенант Хазард, – сказал Флинн. – Он хотел познакомиться с тобой, но решил, что ему повезет больше, если он сначала поговорит со мной.

– Но с чего он взял, что я захочу знакомиться с ним? – спросила девушка с ехидной улыбкой.

Джордж постарался выпрямиться во весь рост. «Черт, я все равно на пару дюймов ниже, чем она!» – подумал он.

Улыбнувшись, он посмотрел прямо в ее ярко-синие глаза:
– Дайте мне пять минут, мисс Флинн, и я развею все ваши сомнения.

Констанция засмеялась. А потом, заметив, что к ним направляется какой-то драгунский майор с невероятно пышными усами, вдруг протянула Джорджу руку:

– Пригласите меня на танец, лейтенант, или у нас даже пяти минут не будет.

Дальнейших объяснений Джорджу не потребовалось. Скрипач кое-как заиграл вальс. Джордж стремительно провёл Констанцию мимо кипевшего от ярости майора к танцующим парам. От нее исходил чудесный запах, а талия была

такая нежная и изящная, что он поневоле испугался обнять ее покрепче.

– Вы так осторожно держите меня, лейтенант, – улыбнулась Констанция. – Боитесь, что я разобьюсь?

– Нет, конечно, но вы такая хрупкая... такая удивительно неж... то есть...

Он запнулся на полуслове, не понимая, что с ним происходит. Обычно он вел себя с девушками совсем иначе. Он вдруг стал похож на Орри, который наблюдал за ними, стоя возле стола. И при этом широко ухмылялся.

Оставшуюся часть танца они обменивались незначительными фразами. Джордж немного рассказал о Вест-Пойнте и о своем доме в Пенсильвании. Констанция в основном повторила то, что Джордж уже слышал от ее отца. Его мысли путались. Он никак не мог подобрать нужных слов, не говоря уже о том, чтобы произнести их с должным обаянием. Констанция, напротив, держалась совершенно свободно, улыбалась и щебетала без малейшей скованности.

Очень скоро Джордж обнаружил, что эта девушка не только красива, но и умна.

– Отец посылает меня в академию для молодых женщин в Сан-Антонио. Он всегда выступает в защиту женского образования. Для человека его происхождения он удивительно либерален. Говорит, что вера в Святую Троицу не должна мешать здоровому интересу ко всему мирскому.

Джордж улыбнулся, чувствуя себя уже немного свобод-

нее.

– Мне нравится ваш отец, – сказал он.

– А вы, должно быть, понравились ему, иначе он бы ни за что нас не познакомил. И я, пожалуй, рада, что он это сделал.

– Правда? Мисс Флинн, это же прекрасно!

Не помня себя от счастья, он порывисто закружил ее в вальсе. Но через мгновение она вдруг легонько похлопала его по руке узорчатым веером, словно прося остановиться. Джордж повиновался.

Опомнившись, он увидел вокруг улыбающиеся лица. Даже Орри едва сдерживал смехок.

– Музыка прекратилась несколько мгновений назад, лейтенант Хазард, – шепнула Констанция.

– Вот как? Черт... О, мисс Флинн... я вовсе не хотел ругаться перед такой...

– Лейтенант, – перебила она его, – это я начну ругаться, если вы допустите, чтобы тот драгун, который снова идет к нам, пригласил меня на танец. Прошу вас, отведите меня прогуляться.

– С радостью!

Джордж предложил девушке руку и повел ее к выходу. Пышноусый майор последовал за ними, вид у него с каждой секундой становился все более устрашающим. Когда от молодых людей его отделяли каких-нибудь три шага, на его пути вдруг возник Патрик Флинн. Он налетел на драгуна, едва не вылив пунш ему на мундир. И тут же разразился та-

кими витиеватыми и продолжительными извинениями, что сердиться на него было просто невозможно.

А Джордж и Констанция к тому времени уже выскользнули за дверь.

* * *

– Я влюбился! – сообщил Джордж пару часов спустя.

– Так вот оно что, – откликнулся Орри. – А я было подумал, у тебя нечто вроде нервной лихорадки. Никогда не видел, чтобы ты так глупо вел себя с девушкой. Или путался в словах.

Они медленно брели вдоль речного берега к белым палаткам освещенного фонарями лагеря, который был в спешном порядке сооружен для пассажиров вставшего на ремонт судна. Неожиданно дорогу им перебежал крупный заяц. Джордж вздрогнул. А потом, тяжело вздохнув, как все влюбленные на свете, сказал:

– Мне кажется, я ей понравился. Но не уверен.

– Конечно ты ей понравился. Она почти весь вечер провела с тобой, разве не так? А ведь ей было из кого выбирать. Не обязательно из тех, кто покрасивее тебя, – добродушно ухмыльнулся Орри, – но хотя бы из тех, на кого она смогла бы смотреть снизу вверх.

Джордж обругал друга и ущипнул за руку. Орри захохотал.

– Надеюсь, – снова вздохнул Джордж, – на починку парохода понадобится несколько недель. Она пригласила меня завтра на ужин. Тушеная говядина по-техасски с картофелем.

– Уже и о ее кулинарных способностях поговорили? Тебя послушать, так ты любовь всей своей жизни встретил, – тихо произнес Орри.

– А ведь, ей-богу, может, ты и прав! Когда я обнял ее за талию, я почувствовал... В общем, такого со мной еще никогда не было. Вот только могут возникнуть сложности, если у нас с ней что-нибудь настоящее начнется. Она ирландка. И католичка. А на Севере такое сочетание не всегда принимают благосклонно.

– Ты просто на глазах превращаешься в очень серьезного человека.

– Не могу ничего поделать. Да и плевать. Джордж Хазард, мастер по охмурению прекрасного пола, на этот раз абсолютно бессилен. Вот что самое странное.

– Ничего странного. Я тебя очень хорошо понимаю.

Джордж был так занят своими мыслями, что даже не разобрал толком слов Орри и грусти в его голосе тоже не заметил.

* * *

Далекий гудок сообщил о скором отходе баржи. Джордж пожал руку Патрику Флинну:

– До свидания, сэр. Вы были чрезвычайно добры к чужаку.

– Вы уже не чужак, молодой человек, – возразил Флинн, бросив быстрый взгляд на дочь.

Констанция накинула на плечи легкую шаль и теперь вошла с зонтиком. Флинн положил руку на плечо Джорджа и легонько сжал его:

– Храни вас Бог там, куда вы отправляетесь. Очень надеюсь, что с вами ничего не случится на вашей нелегкой службе. Мы хотим, чтобы вы к нам вернулись.

– Да, сэр. Я обязательно вернусь.

В его голосе прозвучало больше надежды, чем уверенности. Джордж достаточно читал газет и знал, что в Мексике уже погибло много людей – и не только от вражеского огня, но и от болезней. Война пока не кончилась, и погибших будет еще больше. Пару дней назад подобные мысли его совсем не тревожили. А теперь вдруг, в этом нелепом городишке посреди пустынного побережья, жизнь обрела огромную ценность.

Из дома они с Констанцией вышли вместе. Сойдя с дощатого крыльца на грязную улицу, Джордж подал девушке руку. Констанция протянула ему свою ладонь, ступила вниз и раскрыла зонтик.

Стоял хмурый осенний день, в холодном ветре уже чувствовалось скорое приближение зимы. Джордж взял у девушки зонт и предложил ей другую руку. Они пошли, тесно

соприкасаясь плечами, в сторону причала, где уже грузилась последняя баржа. Начался мелкий дождь.

– Вы будете мне писать, Джордж?

– Каждый день! А вы будете отвечать?

– Вы же знаете, что буду. Главное, вы поскорее возвращайтесь. Обещаете?

– Обещаю. Я хочу показать вам Пенсильванию, познакомить вас с моими родными.

Джордж знал, что Констанция сумеет их очаровать и, возможно, даже изменить их подозрительное отношение к католикам, столь распространенное в американском обществе. Но если по какой-либо причине его семья не примет Констанцию, он просто перестанет считать себя Хазардом. За последние несколько дней эта девушка стала смыслом его жизни и причиной страха поймать случайную мексиканскую пулю, которого он прежде не испытывал.

– Ваш рассказ о семье произвел на отца сильное впечатление, – сказала Констанция. – Он считает большинство техасцев глупцами, ведь они упорно не желают признавать, что заводы играют все более важную роль по сравнению с земледелием.

– Родные моего друга Орри тоже этого не признают.

– Южане иногда бывают очень урколобыми.

Не более урколобыми, чем северяне, подумал Джордж, вспоминая один случай в Пенсильвании перед его отъездом в Монт-Роял. На стенах одного из католических храмов кто-

то намалевал красной краской непристойные фразы. Даже его брат Стэнли, который не считал себя приверженцем папизма, был возмущен таким бесчинством, хотя на самом деле его больше взбесили сами слова, чем причина этого поступка.

На баржу садились три старших офицера. Все трое нетерпеливо хмурились. Рулевой взмахом руки велел Джорджу поторопиться. Резкий порыв ветра вырвал зонтик из его руки, швырнул в воду, и тот запрыгал на волнах, как кружевная лодочка.

Мужчины на барже засмеялись. Но Джорджу было все равно. Все его мысли были заняты только Констанцией, он не видел вокруг себя ничего, кроме ее огненных волос, чуть растрепавшихся на ветру, ее синих глаз, устремленных на него, и ее милого лица, на которое упали капли дождя...

Внезапно он понял, что это не дождь. Она плакала.

– Констанция, я никогда не говорил этого никакой другой девушке. Вы можете счесть меня неучтивым или легкомысленным, ведь мы знакомы так недолго... Но я все равно рискну. – Джордж глубоко вздохнул и выпалил: – Я люблю вас!

– И я люблю вас, Джордж. Поцелуете меня?

– Прямо при всех?

– При всех. И когда мы одни. Где угодно... и навсегда.

Последнее слово вырвалось у нее почти как легкий вскрик. В следующее мгновение она обняла его за шею и

страстно поцеловала.

Джордж прижал ее крепче, и их губы слились в долгом поцелуе, приправленном горечью расставания. Волосы Констанции упали на его лицо. Он почувствовал, как по щекам поползли предательские слезы, недостойные мужчины, но не стыдился их.

– Последний гудок, лейтенант! – закричал рулевой. – Поднимайтесь на борт, или я доложу, что вы дезертировали!

Над песчаным берегом разнесся протяжный гудок парохода. Джордж оторвался от девушки и побежал по причалу. Запрыгнув на борт, он налетел на какого-то артиллерийского полковника, который тут же осыпал его проклятиями. А потом сел на корму, когда гребцы взмахнули веслами, и баржа отошла от причала. Дождь уже лил вовсю. Джордж заметил, что потерял фуражку. Но это было не важно.

Констанция Флинн стояла на пирсе. Ее волосы теперь были распущены по плечам и спускались до талии, развеваясь на ветру, как яркое знамя.

– Я вернусь, – тихо произнес Джордж, и сидевший рядом офицер недоуменно уставился на него.

И тогда Джордж снова повторил это, уже беззвучно, глядя, как фигура девушки тает вдали и вместе с ней исчезают неказистые домишки городка.

«Я вернусь».

Он произносил эти слова не только как обещание. Это была молитва.

Глава 11

Сержант Изреель Фликер всматривался в пустынный пляж.

– Не видно что-то мексикашек. Забавно. Мы ведь не делали тайны из того, что здесь появимся.

Орри, сидевший в шлюпке рядом с ним, проворчал:

– А что, если они хотят заманить нас вглубь, черт бы их побрал? Если за теми дюнами сидят снайперы, они перестреляют нас, как кроликов.

Круглое, как луна, лицо Фликера осталось невозмутимым. Этот неразговорчивый кентуккиец был кадровым военным, и он был на десять лет старше Орри.

– Ну-ну, лейтенант, – ответил он на нервное замечание Орри. – Я понимаю, вам не терпится увидеть героическую смерть. Но, поверьте мне, это вовсе не такое приятное зрелище.

Орри нахмурился. Конечно, сержанту хорошо было посьмеиваться над воинской славой – он побывал и в знаменитом сражении при Монтеррее, и в других и остался жив. А вот Орри пока не прошел проверку боем. Он уже почти шесть месяцев находился в Мексике, и единственными выстрелами, которые он слышал, были выстрелы чертовых добровольцев, которые вечно напивались и то и дело отстреливали себе пальцы на ногах.

Некоторые из людей Орри выглядели неважно, сильное прибрежное течение постоянно раскачивало их шлюпку. Эта сорокафутовая лодка была одной из ста пятидесяти таких же лодок, которые генерал Скотт приказал снарядить специально для сегодняшнего штурма. Каждая вмещала по восемь человек команды и от сорока до пятидесяти солдат. Вместо обещанного прислали только шестьдесят пять лодок. Теперь все они стояли, вытянувшись в линию, вдоль песчаного пляжа Колладо, напротив острова Сакрифисиос, в двух с половиной милях от порта Веракрус. Десантирование было решено произвести именно на пляж, вне досягаемости артиллерии, защищавшей город. Генерал Скотт собирался захватить Веракрус и дальше по суше пойти в наступление на Мехико.

Джордж и Орри служили в двух разных ротах Восьмого пехотного полка. Обе участвовали в первой высадке войск вместе с другими регулярными пехотными частями и артиллерийскими подразделениями, составлявшими Первую бригаду генерала Уорта. Рота Орри состояла из ирландцев, немцев, двух венгров и шести уроженцев Америки. Даже в мирное время большинство в армии составляли иммигранты.

Восемь гребцов из всех сил старались удержать шлюпку на предназначенном ей месте в длинном ряду таких же небольших десантных лодок, ожидавших сигнала к высадке. Пара часов уже была потеряна из-за того, что линия постоянно нарушалась из-за течения, бурлившего вокруг Сакрифисиоса. Позади шлюпок стояли военные корабли и осталь-

ная часть флота, десятки судов разных размеров – от пароходов до маленьких канонерок.

На палубах больших судов было полно зрителей: матросов и солдат, которым предстояло высадиться на берег позже. Артиллеристы на разных кораблях, заряжая свои пушки крупной картечью, соревновались друг с другом в скорости. Сквозь плеск волн о корпус лодки до Орри доносились голоса, распевавшие «Да здравствует Колумбия!» и «Янки-дудл», а еще ругань и жалобы.

Орри вынужден был признать, что причин для жалоб у солдат хватало: от казенных ботинок, сшитых так, что их можно было надевать хоть на левую, хоть на правую ногу, до резиновых фляжек. Один солдат, глотнув из нее, скривился и тут же выплюнул все за борт.

– Что, не слишком приятно пить горячую воду, а, Новотны? – ухмыльнулся сержант Фликер. – Надо было слушать то, что я говорил на прошлой неделе. Резина нагревается. При первом удобном случае найди себе вот такую, а эту выкинь. – Он похлопал по калебасу, подвешенному на поясе.

Еще солдаты ворчали из-за того, что высаживаться на берег им предстояло с шинелями и тяжелыми ранцами за спиной. А еще из-за оружия. Несколько отрядов были вооружены винтовками нового образца, выпуска 1841 года, с нарезным стволом и ударным механизмом, но солдаты взвода, которым командовал Орри, до сих пор таскали старые гладкоствольные ружья – просто потому, что высшее начальство

считало их более удобными для не слишком образованных солдат. Орри впадал в отчаяние от таких заявлений. Ведь если люди знают, что их считают никудышными, они именно так себя и ведут.

Стоял теплый безоблачный день. На северо-западе виднелись крыши и купола Веракруса. Впереди, в легкой дымке, высился величественный, увенчанный снежной шапкой пик Орисаба. Впрочем, Орри был слишком поглощен своими мыслями, чтобы замечать окружавшие его красоты. Он думал о том, что его отношение к военной службе сильно изменилось с тех пор, как он оказался в Мексике. Да, он все еще хотел сделать карьеру в армии и именно поэтому рвался в настоящий бой, но почти весь романтический ореол, с которым он связывал эту профессию, развеялся.

Его военная служба с первых же дней началась не просто с разочарования, но с самых что ни на есть неприятностей. Пароход, везший их из Корпус-Кристи, встал на якорь в проливе Бразос-Сантьяго, в устье реки Рио-Гранде. Вместе с другими солдатами они с Джорджем отправились вглубь острова, и на вторую ночь Орри заболел дизентерией, стандартной болезнью новичков, как ему сказали. Даже прохладные долины Сьерра-Мадре не утешили Орри в его страданиях.

Наконец друзья явились в свой полк, который стоял в Сальтильо. Им предстояло заменить двух кадровых офицеров, раненных у Монтеррея. Ротным командиром Орри стал ленивый нытик по имени Уилфорд Плейс. Казалось, капита-

ну Плейсу не нравились все, кто был выше или ниже его по положению, но Орри очень скоро понял, что такие отношения среди военных были скорее правилом, чем исключением. В армии Соединенных Штатов враждебность была образом жизни.

Выпускники Вест-Пойнта презирали всех офицеров, кто не учился в Академии. Все кадровые военные ненавидели недисциплинированных ополченцев, которые испытывали склонность поджигать дома мексиканцев, воровать их имущество и насиловать их женщин. Урожденные американцы терпеть не могли иммигрантов, и наоборот. С самого начала этой войны генерал Уорт враждовал с генералом Твиггсом, выясняя, у кого выше чин. Эта нелепая ссора привела к возникновению неких группировок внутри армии и в итоге разрушила дружбу Уорта и Зака Тейлора, который был знаком с обоими генералами еще с войны 1812 года.

Даже далекий Вашингтон включился в эту игру взаимной неприязни. После того как у Монтеррея враг был разбит, Тейлор предложил мексиканцам щедрые условия. Слишком щедрые, жаловались некоторые – он позволил побежденной армии уйти в момент перемирия. Недоброжелатели говорили, что он должен был безжалостно истребить все мексиканские силы и прекратить войну.

Президент Полк воспользовался этим как поводом к критике в адрес Тейлора, чья непритязательность и безусловная храбрость снискали горячую любовь солдат. Растущая попу-

лярность Тейлора пугала и влиятельных членов партии вигов, которые также стали его врагами и приложили руку к тому, чтобы Полк выразил недовольство Тейлором. В конце концов, Полк ведь был демократом.

Президент хотел открыть независимый второй фронт на юге для прямого удара по мексиканской столице. Чтобы достичь этой цели, он был просто вынужден назначить туда еще одного генерала из вигов – главнокомандующего Уинфилда Скотта.

Ради высадки десанта с моря Скотт забрал у Тейлора около девяти тысяч солдат, оставив его с армией, состоявшей в основном из добровольцев. С ней-то Тейлору и предстояло встретить огромные мексиканские силы, которые, по слухам, двигались ему навстречу. Командовал мексиканцами небезызвестный Санта-Анна, самопровозглашенный Наполеон Запада. Менее почтительные его сторонники называли генерала Бессмертный Три Четверти из-за его деревянной ноги.

Для Орри все эти стратегические маневры и козни за спиной друг друга означали только одно: в ближайшее время сражений не предвидится. Служа под командованием Уорта, они с Джорджем в начале января проделали весь путь назад до Сантьяго, чтобы потом изнывать на берегу, пока полковые интенданты ожидали доставки всего подряд – от бочек с водой до войскового транспорта. Чтобы убить время, Орри писал длинные письма Мадлен. Едва закончив одно, он рвал

его в ключья и начинал новое.

И вот теперь, девятого марта 1847 года, он сидел в этой шлюпке, так ни разу и не побывав в настоящем бою и видя войну только в своем воображении. Такое ожидание было уж точно хуже любой битвы.

Внезапный выстрел пушки вернул Орри к реальности. Он обернулся. Из-за сплошного частотола мачт стоявших позади кораблей поднялось облако дыма и поплыло прочь от парохода «Массачусетс».

– Это сигнал, – сказал Орри сержанту Фликеру охрипшим от волнения голосом.

– Да, сэр, я тоже так думаю.

К своему удивлению, в голосе сержанта Орри расслышал некое напряжение. Это убедило его в том, что не только он один ожидает сопротивления на берегу.

Внезапно до их ушей донесся какой-то странный гул. Сидящие в лодке недоуменно переглянулись. Первым предложил объяснение рядовой Новотны.

– Это с кораблей, – сказал он. – Матросы и канониры кричат. Нас подбадривают.

Шестьдесят пять шлюпок рванулись к песчаному берегу. Предвечернее солнце сверкало на нескольких тысячах штыков. Гребцы провели лодки между канонерками прикрытия. Захваченный великолепием момента, Орри забыл о болезни и скуке, тяжести и мелочности последних нескольких месяцев. Это было высокое искусство войны, блистательная сто-

рона воинской службы.

Одна из шлюпок вырвалась вперед. Гребцы неистово взмахивали веслами, явно предполагая привести лодку к берегу раньше остальных. В стоящем на носу шлюпки красивом седом человеке с саблей в руке все узнали генерала Уорта, своего командира.

Сержант Фликер сорвал с головы фуражку и с восторженным криком начал размахивать ею в воздухе. Орри присоединился к нему, остальные последовали их примеру. Вскоре уже все солдаты в первой линии шлюпок кричали, приветствуя генерала.

За полминуты до того, как киль их лодки царапнул по песку, Орри выхватил саблю. Вскочив на ноги, он первым выпрыгнул на берег и закричал, размахивая саблей:

– Вперед, ребята! Нас ждут дворцы Монтесумы в Мехико!

И солдаты ответили ему радостным воплем.

* * *

После столь волнующего начала следующий час был сплошным разочарованием.

Отряды выстроились по цветам мундиров, а затем, со штыками наперевес, поднялись на первую дюну. Однако их пыл быстро поугас, когда за песчаным холмом не оказалось никаких мексиканцев, поджидающих в засаде, – ни пеших, ни конных. Единственными противниками, с которыми аме-

риканцы столкнулись в тот день, были песчаные блохи и усилившийся ветер, швырявший песок им в глаза, ноздри и рты.

Для этого вторжения Скотт реорганизовал свою армию в три крупные дивизии. Первыми на берег высадились регулярные части Уорта и Второй бригады генерала Дэйва Твиггса, следом за ними шли ополченцы под общим командованием генерала Паттерсона. В этом соединении были отряды из Южной Каролины, Теннесси и Пенсильвании, возглавляемые Гидеоном Пиллоу, не так давно возведенным в чин генерала. До войны он был юристом, партнером Полка.

С приближением ночи армия начала растягиваться в направлении на северо-запад. Отряд Уорта должен был держаться справа, ближе к береговой линии, и именно там предстояло окопаться Орри с его взводом. Даже при идеальной погоде нужно было несколько дней для того, чтобы выгрузить на сушу всех людей, снаряжение и припасы, чтобы создать восьмимильную линию осады. Предполагалось, что после окружения Веракруса начнется артиллерийский обстрел. Но город мог продержаться достаточно долго. Веракрус был серьезно укреплен и защищен девятью фортами со стороны суши и крепостью Сан-Хуан-де-Улуа со стороны залива.

Было уже за полночь, когда Орри добрался до походной столовой. Весь искусанный насекомыми, присыпанный песком и мокрый от пота, он тяжело плюхнулся рядом с Джорджем за покрытый пятнами стол и уставился на нечто похожее на кусок старого мяса, застрявшего между трещинами

дерева.

– Боже, до чего же грязный стол! – сказал он, потыкав за-сохший бугорок ногтем.

Капитан Плейс отер лицо пестрым платком.

– Вообще-то, это не наш стол. Там все перепутали при разгрузке. Это хирургический стол – такие в Монтеррее использовали. Ну, ампутация там и всякое такое...

Подавив рвоту, Орри поспешно вытер ладонь о брюки. И тут же услышал громовой хохот. Хохотал даже Плейс, совсем не весельчак по натуре. Позже Орри узнал, что это одна из старых армейских шуток. Ему стало немного лучше. Он уже не был зеленым новичком, его наконец-то приняли как своего.

* * *

Ни в ту ночь, ни после никто так и не понял, почему мексиканские командиры у Веракруса все-таки не отдали приказа стрелять. Но отсутствие противника заставляло Орри нервничать, когда около трех часов утра он обходил один за другим все караульные посты, находящиеся на его участке. Его правая рука неизменно оставалась рядом с личным оружием, которое он купил за свои деньги, как делало большинство офицеров. Это был однозарядный гладкоствольный капсюльный пистолет образца 1842 года, созданный оружейником А. Н. Джонсоном и считавшийся лучшим служебным

оружием для своего времени.

Ночь выдалась ветреной и беззвездной. Орри как раз шел к очередному посту, когда вдруг услышал слева от себя, со стороны берега, какие-то приглушенные звуки. Он замер, чувствуя, как мгновенно пересохло во рту.

– Кто здесь? – спросил он, выхватывая пистолет.

Шепотки и тихий шорох тут же стихли. В наступившей тишине раздавался только шум ветра.

Орри окликнул снова, с запозданием осознав, что для тех, кто скрывался в темноте, он представлял собой отличную мишень – освещенная фонарями палатка находилась прямо за его спиной. Он быстро шагнул в сторону. Но успел сделать лишь два шага, когда снова услышал голоса, на этот раз громкие, кричавшие что-то по-испански.

Прозвучали три выстрела. Орри почувствовал, как пуля хлестнула по брюкам. Он упал на одно колено, прицелился и выстрелил. Кто-то закричал. Потом еще раз. И наконец послышался быстрый топот ног. Ближайшие постовые уже поднимали тревогу.

Пронзившая его боль испортила краткий миг триумфа. Он посмотрел вниз и с изумлением обнаружил, что винтовочная пуля не просто задела его брюки, а повредила голень.

Успокоив постовых, он захромал в сторону санитарной палатки, которая находилась чуть ли не в полумиле, а бо-тинок меж тем постепенно наполнялся кровью. Дневальный отдал ему честь. Но Орри, не успев ему ответить, потерял

сознание.

Рана оказалась не слишком серьезной. И когда к вечеру следующего дня его навестил Джордж, Орри чувствовал себя уже вполне бодро.

– Твоя первая боевая рана, – усмехнулся Джордж. – Поздравляю.

– Спасибо, – скривился Орри. – Я-то надеялся, что мое боевое крещение будет немного более величественным. А когда тебя исподтишка подстреливает какой-то партизан, это уже не героизм. Впрочем, хотя бы одного я, по-моему, зацепил.

– Точно зацепил. Фликер на рассвете нашел труп.

– Солдат или гражданский?

– Солдат. Одет, как крестьянин, но снаряжение военное.

Орри немного повеселел. Присев на корточки возле его койки, Джордж тихо сказал:

– Хочу тебя спросить. Когда началась стрельба, ты испугался?

– Просто не успел, – покачал головой Орри. – А вот уже после того, как все произошло... – Он немного помолчал. – Да, наверное, можно сказать, что испугался. Просто вспомнил, как все было, и только потом испугался.

Чем больше Орри думал об этом, тем сильнее убеждался в том, что сделал важное открытие о поведении людей на войне.

Прошло несколько дней. Джордж сидел в палатке у тусклого фонаря и крутил в пальцах огрызок карандаша. Он писал еще одно длинное письмо Констанции. Письма он отправлял примерно каждые три дня. Джордж так любил эту девушку и хотел делиться с ней своими мыслями и переживаниями, насколько это позволяли приличия, разумеется.

Впрочем, о некоторых из самых глубоких своих чувств он в этих письмах умалчивал. Страстное желание быть с Констанцией одновременно наполняло его сердце жгучей ненавистью к этой войне, что даже отдаленно не напоминало то снисходительное отношение к службе, которое было у него до Корпус-Кристи.

Когда Джордж обдумывал, что еще написать, что-то защекотало его шею. Он смахнул крошечное насекомое свободной рукой, раздавив его, скривился и вытер пальцы о край походной кровати. Потом поднес карандаш к бумаге.

Невидимые снайперы обычно устраивают обстрелы каждую ночь, однако этим вечером было тихо. Я уже начинаю верить, что наш настоящий враг – сама эта земля. Ветер здесь дует, как в...

Джордж зачеркнул последние слова; он чуть было не написал «как в аду».

...дует как сумасшедший, поэтому и глаза, и кожа постоянно страдают от летящего песка. Конечно, если укрыться в палатке, от этой напасти можно слегка защититься, но никакая палатка не обеспечит тебе покоя и крепкого сна, потому что здесь мы столкнулись с армией, о которой наши командиры не удосужились нас предупредить. Я говорю об армии блох и клещей, которыми буквально кишит это побережье.

Мальчи Макклеллан, мой однокурсник, который тоже сейчас здесь с инженерной частью, изобрел новую защиту от этих проклятых тварей. Каждую ночь он с головы до пят натирается куском соленой свинины и, «защитившись» таким образом, забирается в холщовый мешок, который завязывает вокруг шеи шнурком. Говорит, это отлично действует, но я пока не дошел до такого отчаяния, чтобы испытать столь крайнее...

Услышав звук выстрела, Джордж вскочил. Кто-то вскрикнул. Послышались голоса и топот ног. Джордж выронил письмо, выскочил из палатки и обнаружил, что ближайшего постового сразила пуля снайпера.

Убитый – примерно того же возраста, что и Джордж, лежал на боку, фонарь освещал верхнюю часть его лица. Джордж видел один глаз парня, он был открыт и блестел. Смертельная пуля попала ему прямо в середину спины.

Какой-то сержант приказал унести тело. Караульный был рядовым из другого отряда, Джордж его не знал. Глубоко по-

трясенный, он вернулся в палатку и поднял письмо. Писать о том, что случилось, он, конечно, не собирался. Он хотел было продолжить недописанное письмо, но не смог. Лицо убитого солдата снова и снова всплывало у него перед глазами, а еще он думал об Орри, который совсем недавно был на волосок от смерти. Лишь минут пять спустя рука Джорджа перестала дрожать и он смог опять взяться за карандаш.

* * *

Штормовой ветер, налетевший с севера, задержал выгрузку артиллерии Скотта, боеприпасов и вьючных животных. До двадцать второго марта по Веракрусу не было выпущено ни одного снаряда. Вечером того дня пушки заговорили в первый раз. Скотт рассчитывал подавить город тем, что он называл «медленным, научно организованным» артиллерийским огнем.

Орри вскоре вернулся в строй. Мексиканцы оставались все такими же невидимыми, хотя обстрел продолжался. Американские солдаты нервничали и горели желанием встретиться с врагом. Им непрерывно досаждал местный климат, а теперь они еще и не спали ночами из-за ответного огня мексиканских пушек, снаряды которых ни разу не долетели до линии американской армии, но которые тем не менее создавали адский шум. Орри приходилось то и дело прекращать драки между солдатами и призывать своих лю-

дей к дисциплине.

Куда бы ни пошли они с Джорджем, повсюду встречали своих бывших сокурсников. Около пятисот выпускников Вест-Пойнта служили в регулярной армии с самого начала войны, и еще столько же были призваны командирами в отряды ополченцев. Том Джексон, который с каждым днем становился все более мрачным и замкнутым, оказался в артиллерии; Пикетт, Би и Сэм Грант попали в пехоту. Были и другие, которых друзья едва знали, а о некоторых только слышали: Роберт Ли и Пьер Борегар – инженеры, Джо Джонстон и Джордж Мид – топографы, Дик Эвелл и сосед Тома Джексона по комнате Плезантон командовали взводами драгун. Роберт Андерсон и Амброз Бёрнсайд, Пауэлл Хилл и фанатичный аболиционист Эмбер Даблдей служили теперь в артиллерии вместе с Томом. Джордж считал, что участие в этой кампании такого большого числа офицеров, прошедших одну школу, должно вселять в них некое чувство уверенности и надежности.

Двадцать четвертого марта к осаде присоединились шесть дальнобойных корабельных пушек, доставленных коммодором Мэттью Перри. В тот же день Орри вместе с капитаном Плейсом вызвали в штаб бригады для объяснений по поводу драки на ножах, которая произошла в его взводе. Разбор был поверхностным, потому что все в штабе пребывали в волнении. Разведчики донесли, что американские пушки наконец-то нанесли серьезные повреждения городской стене.

– Пушки commodора Перри спасли наши шкуры, – проворчал Плейс, когда они с Орри вышли из штабной палатки. – Пожалуй, мы должны его поблагодарить, даже если он и кудахтал, как бешеная курица, насчет прав военно-морского флота.

Скотта просто вынудили позволить военно-морским артиллеристам воспользоваться этими шестью дальнобойными орудиями. Орри понял, что в армии офицерская зависть иногда побуждает...

– Лейтенант Мэйн! Я сказал: Мэйн!

– Да, сэр!

Орри машинально вскинул руку к козырьку, хотя и довольно неуклюже, потому что в этот момент оборачивался на оклик. И застыл.

Елкана Бент ответил на его приветствие небрежным, почти издевательским жестом и презрительно посмотрел на потрепанную фуражку Орри. Сам он выглядел намного опрятнее.

– Так и подумал, что это вы, – сказал Бент. – Я получил рапорт о том, что вы к нам присоединились. И ваш друг тоже. Хазард.

То, что Бент помнил фамилию Джорджа, Орри воспринял как дурной знак. Хотя ведь он обещал им тогда, что никогда их не забудет.

– Вы отлично выглядите, капитан, – бодро произнес Орри, пытаясь принять беззаботный вид.

– Учитывая все, что я видел с прошлого года, чувствую я себя более чем хорошо. Я слышал, вы были одним из наших немногих раненых? Партизанская пуля, не так ли?

– Да, сэр. В ночь высадки. Но рана была не слишком серьезной.

– Это хорошая новость, – кивнул Бент, однако его злобный взгляд говорил об обратном. – Что ж, лейтенант, уверен, мы еще не раз встретимся. И тогда вы, возможно, вспомните наши дни в Вест-Пойнте.

Почувствовав неладное, капитан Плейс сдвинул брови. Но, конечно, он не мог знать, что имел в виду Бент. Это понял только Орри. По спине его пробежал холодок, когда Бент не спеша направился прочь, самодовольно положив ладонь на рукоять сабли, сделанную в виде фригийского шлема. Бент ничуть не изменился – он был все таким же толстым и таким же ядовитым.

– Вы знали этого мерзавца в Академии? – спросил Плейс.

– Да, – кивнул Орри, – он был на курс старше. А вы с ним служили?

– Никогда, слава богу. Но в Третьем пехотном все слышали о капитане Бенте. Его полковой командир, полковник Хичкок, не скрывает своего презрения к нему. Говорит, что Бент страдает непомерными амбициями и во что бы то ни стало хочет дослужиться до самых высоких чинов. Для этой цели он не задумываясь пойдет по трупам, если понадобится. Так что радуйтесь, что вы больше никак с ним не связаны.

Если бы так, с грустью подумал Орри, когда они пошли дальше.

* * *

Пушки коммодора Перри оказались весьма убедительным аргументом для защитников Веракруса, и двадцать девятого марта по условиям капитуляции, предложенным штабом генерала Скотта, мексиканский гарнизон сдал свои знамена и вышел через главные ворота города. Уже через несколько мгновений, когда американские батареи на берегу и на кораблях грохотали победными залпами, на всех городских флагштоках взвились звездно-полосатые флаги.

Победа обошлась американцам менее чем в сотню жизней. Джордж и Орри были потрясены, узнав, что политики и определенная часть общества недовольны малым количеством потерь.

– Они рассчитывают важность победы по сумме счета от мясника, – сказал Джордж. – А потом еще удивляются тому, что никто не хочет служить в армии.

Скотт был доволен ходом войны. Сдача Веракруса как бы увенчала собой ошеломительный февральский триумф Тейлора у имения Буэна-Виста. Для похода на столицу генерал еще раз реорганизовал свою армию.

Восьмого апреля дивизия Твиггса двинулась вглубь страны. На следующий день за ней последовала дивизия Паттер-

сона. Люди генерала Уорта ждали приказа, чтобы также отправиться вперед для поддержки, когда пришло сообщение, что Санта-Анна, снова избранный в президенты, занял позиции возле города Халапа, на Национальной дороге, ведущей в Мехико. Одиннадцатого и двенадцатого апреля силы Твиггса столкнулись с разведкой и уланами врага. И тогда же под стенами Веракруса барабаны и горны подняли дивизию Уорта на решительный марш-бросок, чтобы соединиться с дивизией Твиггса возле деревушки План-дель-Рио.

В первые часы похода от изнуряющей жары десятки солдат просто упали без сил и остались лежать на обочине дороги. Орри, и сам близкий к обмороку, рискуя получить нареkanie от начальства, вернулся назад и помог одному еле плетущемуся солдату, который имел все задатки стать прекрасным сержантом, если только его не подкосит прежде местный климат, какая-нибудь болезнь, мексиканская пуля или тоска по Бруклину. Минут через двадцать солдат уже мог идти самостоятельно.

Ближе к вечеру четверых из взвода Орри прихватил понос. То же произошло с десятками других солдат в колонне. Придорожные канавы источали жуткую вонь и кишели турами зеленых мух. Но дизентерия была не единственной болезнью, которой стоило бояться. Уже несколько недель офицеры были обеспокоены приближением сезона желтой лихорадки. Вспышки этой болезни ежегодно опустошали низинную часть побережья. Скотт хотел увести своих людей

в высокогорье до начала этого сезона, и тревожный призыв Твиггса помог ему это сделать. Когда какой-то младший сержант пожаловался на то, что они идут слишком быстро, а ведь им нужно было пройти около шестидесяти миль, Орри тут же ответил:

– Как только доберемся до генерала Твиггса, вам сразу станет легче.

– Легче, потому что придется уворачиваться от пуль грязных мексикашек? Вы уж простите, лейтенант, только я не верю.

– Но это правда. Пули не так страшны, как понос и рвота. Тем же вечером у походного костра Орри заметил, что дым поднимается ровно вверх, в чистый, не замутненный маревом воздух. И более прохладный. Они уже поднялись над прибрежной равниной, нездоровый климат которой порой напоминал ему о доме. Он сказал об этой перемене младшему сержанту, но тот по-прежнему был настроен скептически.

Появился сержант Фликер. Он доложил, что все караулы расставлены в соответствии с приказом Орри. Потом присел на корточки у костра, взял галету и принялся обирать с нее долгоносики, как бы между прочим заметив, что преимущество сейчас скорее на стороне мексиканцев – уж слишком долго тянется затишье.

– Кстати, сэр... – добавил он, немного помолчав. – Все хотел вас спросить. Вам удалось познакомиться поближе с

какой-нибудь из тех милых сеньорит в Веракрусе?

Орри был поражен дерзостью сержанта. Фликер, похоже, решил, что долгая служба дает ему определенные привилегии в общении с офицерами.

– Нет, сержант, – ответил он. – У меня есть девушка дома. – Это была вполне уместная, хотя и болезненная ложь.

– Вот как... – Выражение лица Фликера явно говорило, что он искренне не понимает, как одно может мешать другому. – Там попадались очень даже услужливые дамочки. Правда, мне не повезло. Я зашел в одно из их заведений как раз в тот вечер, когда какой-то капитан из Третьего пехотного грубо обошелся с девушкой, которой заплатил. Та подняла такой крик, что бандерша чуть было вообще не закрыла лавочку.

– Вы сказали, из Третьего? А как фамилия того капитана?

– Бент.

– Я слышал о нем, – тихо сказал Орри.

– Понятное дело, слышали. А кто не слышал? Мясник Бент – так его солдаты прозвали после того ужаса, что он учинил в Монтеррее.

– Об этом я не знаю.

– Вы ведь проходили через этот город прошлой осенью? Тогда, поди, помните план укреплений с восточной стороны? Ну, там еще Черный Форт на главных подступах и другой, названный в честь какой-то дубильни, что ли, – чуть в стороне, помните? Бент был в колонне Гарланда, они шли

через Черный Форт. Обстрел тогда был лютый. Когда отряд повернул, огонь с редута просто шарахнул по левому флангу. Люди бросились бежать, думали укрыться на ближних улицах. Но укрыться там было негде. Мексикашки как будто падали из каждого окна, из каждой садовой ворот. В общем, там такое началось – рехнуться можно. Единственным спасением было побежать на соседние улицы, где пряталось уже не так много этих головорезов. Там же Бенту и всем остальным можно было укрыться и от непрерывного огня с фортов. Но Мясник Бент спасать никого не собирался. Он решил стать героем и вышибить засевших в редуте у дубильни. И отправил туда взвод.

– Они взяли редут?

– Конечно нет. Это было невозможно. Бент потерял больше половины своих людей. А после я слышал, что нашли по крайней мере двоих с дырками от пуль в спине.

– Вы хотите сказать, что их застрелили, когда они бежали от редута?

– Когда они бежали от капитана Бента.

– Боже милостивый... Почему же никто не подал рапорт?

– Уж больно много задниц он облизывает, лейтенант. А среди тех, кто отвечает за эту армию, есть идиоты, которым плевать на то, как человек добивается результата, лишь бы результат был. К тому же, говорят, у Бента полно друзей в Вашингтоне.

Орри мог бы это подтвердить, но не стал.

– Никто не знает наверняка, он убил тех людей или нет, – продолжал Фликер. – То есть никто не может доказать это. Я слышал, Бент угрожал трибуналом любому, кто хотя бы заикнется о той маленькой операции. Теперь вам ясно, что это за человек?

Орри кивнул:

– Значит, его солдаты о нем не говорят?

– Точно так, не говорят. Слишком боятся. Один Бог знает, сколько народу он еще пошлет на верную смерть, прежде чем его поймают за руку... или в президенты выберут, что, надо думать, более вероятно. Да едрёна вошь, неужели они не могут найти для нас какую-нибудь нормальную еду! – Он наклонился вперед и выплюнул в огонь извивающегося долгоносика.

Позже Орри нашел Джорджа. И пересказал ему все, о чем говорил сержант Фликер.

– Верю каждому слову, – кивнул Джордж.

Он осторожно положил камешек на тонкий лист бумаги, на котором что-то писал карандашом. Таких листов под этим, заполненным лишь частично, лежало уже штук восемь или десять. Орри предположил, что это очередное письмо в Техас.

– Я тебе вот что скажу, Палка, – добавил Джордж. – Если милостивый Господь вдруг отвернется от меня и сделает так, что меня переведут под командование Бента, я, пожалуй, покончу с собой, прежде чем приступлю к исполнению

долга. Кстати... я только что узнал, что на наших батареях в Веракрусе было несколько пушек, отлитых в Колд-Спринг. — Он был в явном восторге.

В ту ночь Орри плохо спал. Рассказ Фликера и ледяные глаза Бента не давали ему покоя.

* * *

Вечером накануне сражения у Серро-Гордо Джордж выпил треть бутылки мексиканского вина, тайком принесенного его ротным командиром Эносом Хоктором, тоже выпускником Академии. Джорджу не очень нравился капитан Хоктор — он был слишком серьезен и обожал вести пространные рассуждения о репутации Вест-Пойнта.

Джордж не разделял опасений Хоктора насчет Академии, но был рад разделить с ним вино. Орри он тоже приглашал, но тот сказал, что хочет перечитать «Тактику пехоты» Скотта. Бедняга Орри так мечтал поучаствовать в настоящем сражении. Что до Джорджа, то он был бы бесконечно счастлив никогда не услышать свиста вражеских пуль у себя над головой.

Чтобы продолжить наступление на Мехико, американцам нужно было уничтожить неприятельские батареи в местечке Серро-Гордо на Национальной дороге. Артиллерия противника, направленная на ложину, через которую дорога шла на запад от американского лагеря в План-дель-Рио к Сер-

ро-Гордо, находилась на укрепленном холме, который мексиканцы называли Эль-Телеграфо.

Вражеские орудия стояли также и на холме Аталайя. Но капитан Роберт Ли, командовавший инженерной частью, вместе со своими людьми нашел тропу, которая обходила холм с севера, проявив при этом, как утверждала молва, немалую храбрость. Сегодня же, а именно семнадцатого апреля, только немного раньше, американские снайперы тайно прошли по этой тропе и за три яростные атаки расчистили Аталайю. Теперь пушки перетаскивали на позицию, откуда можно было обстреливать Эль-Телеграфо.

В завтрашнем главном сражении дивизия Твиггса должна была пройти по холмам над дорогой и обогнуть защитников перевала с фланга. Дивизия Уорта, в которой служили Джордж и Орри, получила приказ двинуться вперед и удерживать Национальную дорогу, в случае если Твиггсу понадобится подкрепление. При таком распределении сил, как предполагал Джордж, его друга вновь ждет разочарование, потому что они могут вовсе не принять участия в бою.

После вина Хоктора Джордж спал как убитый. Проснулся он задолго до рассвета, когда началась артиллерийская дуэль. С той позиции, где он со своими людьми ждал приказа, ему было видно только дым и красное зарево. Потом за перевалом слышался треск ружейных выстрелов, звуки барабанов и горнов и изредка – протяжные крики боли. Солдаты Джорджа перестали перешептываться и лишь молча об-

менивались взглядами.

Джордж уже давно потерял надежду хоть что-нибудь понять в стратегии любого из тех боев, в которых он участвовал. Он был всего лишь лейтенантом, маленьким винтиком в громадной военной машине. К тому же по-настоящему важными для себя он считал только две вещи: честно делать свое дело и уцелеть. Орри был другим. Его всегда интересовало искусство ведения войны, потому что им должен владеть любой кадровый офицер. Джордж видел, как серьезно Орри относится ко всем этим премудростям, и надеялся, что его другу удастся понять смысл грандиозного плана предстоящего сражения. Если ему снова не повезет и схватка пройдет мимо него, это могло бы послужить ему хоть и слабым, но все-таки утешением.

Сражение продолжалось чуть больше трех часов. В половине десятого, уже совсем близко, снова грянули барабаны и сигнальные горны. Солдаты дивизии Уорта начали возбужденно переговариваться, то и дело отпуская нервные шутки, как обычно бывает перед выступлением. Оказалось, им была поставлена задача промчаться по Национальной дороге вперед на десять миль, преследуя разбитую мексиканскую армию. Санта-Анна публично поклялся, что победит у Серро-Гордо или умрет. Но Наполеон Запада не раз уже выживал вопреки своим обещаниям. Позже Джордж узнал, что, когда поражение стало очевидным, Санта-Анна выпряг лошадь из президентского экипажа и просто ускакал в густые

заросли леса.

Трупы, лежавшие на обочинах Национальной дороги, уже начали раздуваться от жары. Большинство убитых были мексиканцами, но попадались и американские драгуны. От нестерпимого запаха разлагающейся плоти и опорожненных кишечников Джорджа затошнило и в конце концов вырвало в ближайшей канаве. Интересно, горько усмехнулся он, что теперь Орри думает о величии войны?

Другие следы мексиканского отступления – убитые лошади, перевернутые ящики для зарядов – валялись на пути к перевалу Ла-Хойя. За две мили до перевала внезапно с каменистого склона над северной стороной дороги начали пасть мушкетеры.

– Прячьтесь! – закричал Джордж, выхватывая пистолет и саблю.

Команда была излишней – его солдаты уже бежали врассыпную. Все, кроме двоих, оказались достаточно проворными, чтобы избежать пуль.

Сьежившись в канаве за обочиной, Джордж увидел, что один из этих двоих еще шевелится. Он прищурился, всматриваясь в белые облачка дыма, поднимавшиеся над склоном, а потом, дважды сглотнув, начал вылезать на дорогу.

– Назад, лейтенант! – закричал слева капитан Хоктор.

Но Джордж был уже на полпути к раненому капралу. Подбежав ближе, он поднял его и понес назад к обочине, все это время пули непрерывно взрезали землю у его ног.

Джордж осторожно опустил раненого в канаву, потом прыгнул туда сам. Артиллерийский расчет уже открыл огонь по засевающим на склоне стрелкам. После трех залпов выстрелы сверху прекратились, теперь оттуда слышались лишь крики и стоны.

— Вы без всякой необходимости подставили себя под огонь, — раздраженно сказал ему Хоктор, когда санитары унесли раненого. — Ваш долг — это ваши солдаты!

— Виноват, сэр, — возразил Джордж. — Мне казалось, я как раз и выполняю свой долг.

«Бесчувственный ты сукин сын, — подумал он. — Плевать тебе на этого солдата, как и на то, что я испугался до смерти». Если бы Академия выпускала много таких же, как Хоктор, она бы точно заслуживала той критики, которую получает.

В ту же ночь Джордж реквизировал лошадь и отправился в полевой госпиталь провести капрала. Парень был бодр и весел, рана оказалась не опасной. На соседней койке лежал рыжебородый сержант, у него была забинтована поясница, на бинтах проступали пятна крови. Это означало ранение в живот, одно из самых тяжелых. Прислушиваясь к тому, как раненый жалуется санитару, Джордж вдруг уловил имя Бента.

— Простите... — сказал он. — Вы говорите о капитане Елкане Бенте?

Мгновенно насторожившись, сержант спросил слабым го-

лосом:

– Приятель ваш, сэр?

– Как раз наоборот. Я презираю этого мерзавца.

Сержант удивленно почесал бороду и какое-то время молчал, явно недоверчиво. Наконец он решил, что в разговоре о другом офицере ничего опасного нет.

– А вы откуда знаете Мяслика Бента?

– Мы оба учились в Вест-Пойнте. Я видел, как он чуть не убил полдюжины рядовых. А почему вы о нем говорили? Он погиб?

– Если бы. Бент стоил мне лучшего взводного, какой у меня только был. Он послал лейтенанта Камминса на Эль-Телеграфо, на редут, который не смог взять другой отряд. Понятное дело, сам Бент держался позади всех, под надежной защитой – как и всегда. Случайный залп по Аталайе разорвал лейтенанта и его людей в клочья, а заодно и кучу мексиканцев. Мяслик погнал тех, кто остался, сквозь дым и приказал нам минут десять рубить саблями мексикашек. Мертвых.

– Боже... – выдохнул Джордж.

Он почти наяву увидел, что с круглого бледного лица Бента все это время не сходила улыбка.

В слабом свете фонаря глаза раненого сверкнули от злости.

– То, что осталось от Камминса, сложили в холщовый мешок. А награду получит сами знаете кто.

– Скажите, сержант... если Камминс знал, что атака была

безрассудной...

– Конечно знал. Мы все знали.

– Я хотел сказать: почему он не возразил против приказа?

– Потому что не его это было дело – возражать.

– А кто-нибудь усомнился?

– Сержант взвода. Он... он был тертый калач. Двадцать лет прослужил. Офицеров не слишком жаловал, особенно тех, что из Академии. – Рыжебородый вдруг закашлялся, с запозданием сообразив, с кем говорит. – Я не хотел вас обидеть, сэр.

– Все в порядке, продолжайте.

– Ну вот, сержант, он миндальничать не стал. Так и сказал: посылать людей на тот редут – настоящее убийство.

– И как отреагировал Бент?

– Отправил его туда же.

– И Камминс все равно ничего не сказал?

– Потому что он был хорошим офицером! Да и пулю в спину от Бента не хотел получить, я думаю. Под Монтерреем...

– Да, я слышал о Монтеррее. Мне кажется, если Бент будет так и дальше продолжать, он может сам словить пулю. От своих же людей.

– Нет, если я первым до него доберусь. – Даже в слабом голосе раненого была слышна ледяная решимость.

– Доберетесь? Но как?

– В ту же минуту, когда я снова встану на ноги, я отправ-

люсь к командованию и расскажу обо всем. Если в этой проклятой армии есть хоть какая-то справедливость, они отдадут Бента под трибунал и с позором выгонят со службы.

— Вы хотите сказать, что готовы обвинить Бента в преднамеренном преступлении?

— Я уверен... — Сержант снова закашлялся; он явно испытывал сильную боль. — Будь я проклят, если не сделаю этого.

— Но если вы окажетесь единственным, кто предъявит обвинение...

— Хотите сказать, ничего я не добьюсь? — (Джордж кивнул.) — Ну, может, я и не буду один. Найду свидетелей из того взвода. С полдюжины, а то и больше.

— И они захотят дать показания?

— Они были там и все об этом рассказывали.

— А там был кто-нибудь из офицеров?

— Нет, сэр.

— Очень плохо. Это добавило бы веса вашим обвинениям.

— Да, это верно, сэр, — оживился сержант. — А вы не можете? Не расскажете все, что знаете о Бенте? Ведь вы считаете его очень дурным человеком, я это вижу.

— Считаю, но...

— Он должен быть наказан. Его нужно остановить. Помогите мне, сэр. Прошу вас.

Джордж глубоко вздохнул. И сам удивился, услышав собственный ответ:

— Хорошо, я сделаю что смогу.

* * *

Позже тем же вечером он нашел Орри в его взводе. Отведя друга в сторонку, Джордж пересказал ему свой разговор с рыжебородым сержантом, чье имя узнал уже перед самым уходом: Леннард Арнесен.

Когда Джордж умолк, Орри покачал головой.

– Ты не веришь рассказу Арнесена? – тут же ошетинился Джордж.

– Конечно верю. Мне труднее поверить, что ты готов впутаться в эту историю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.